

ВЕНЕТЫ: НАШИ ДАВНИЕ ПРЕДКИ

Йожко Шавли

Об авторе	
Аннотация	
Предисловие	
ПРЕДЫСТОРИЯ	
Индоевропейцы	
Поля погребальных урн	
Территория венетов	
Галыптатский период	
Период Латен	
ВЕНЕТЫ	
Исторические школы	
Конь и меч	
Венеты и словенцы	
Язык и народы	
СВИДЕТЕЛЬСТВА СЛОВЕНСКОГО ЯЗЫКА	
РИМСКАЯ ЭПОХА	
Норик	
Венеция	
Карния	
Реция и Винделиция	
NORIKUM	
Tauriscis Noricis	
Regnum Noricum	
Местное право	
Общины	
КАРАНТАНИЯ	
Institute Sclavenica	
Идеология переселенчества	
Города	
Села и веси	
Плуг, рало и пчелы	
Скот и горы	
Карантания - Provincia Sclaborum	
Король Само и Карантания	
СВИДЕТЕЛЬСТВА НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ	
Связь с античностью	
Словенский пейзаж	
Устный и музыкальный фольклор	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
Примечания и литература	

Об авторе

Доктор Йожко Шавли - всемирно известный исследователь и популяризатор древностей Словении. Его основательная работа о венетах, изданная на словенском, немецком, итальянском и английском языках вместе с трудами единомышленников Матея Бора и Ивана Томажича, вызвала большой интерес и международную дискуссию.

Йожко Шавли родился в 1943 году в г.Толмин (Словения). В 1967 году он окончил университет в Любляне, избрал академическую карьеру и получил в 1975 году в Вене докторскую степень в области социально-экономических наук. Проживая в северной Италии, где в античные времена процветала цивилизация венетов, молодой ученый увлекся археологией. В результате была опубликована его первая монография "Словенская держава Карантания" (1990). За ней последовали "Словенская символика", "Словения: судьба европейского народа" (1995), статьи по геральдике, очерки о христианских святых, выступления по радио и телевидению.

Труды д-ра Шавли открывают неизвестную для нас историю древнего талантливого славянского народа, проживающего в Восточных Альпах. Они помогают по-новому взглянуть не только на проблему происхождения венетов и словенцев, но и на истоки всей европейской цивилизации.

Аннотация

Книга словенского ученого Йожко Шавли "Венеты: наши давние предки" посвящена истории и быту одного из древнейших народов Европы. Д-р Шавли обобщает результаты исследований археологических культур Гальштат, Латен, Лужица, Ваче, Вилланова, античные цивилизации эпохи Римской империи в Норике, Венеции, Карнии, Реции, Винделиции.

Особое внимание он уделяет средневековой Карантании. Труд д-ра Шавли доказывает европейскую автохтонность и славянское происхождение венетов. Автор полемизирует с лженаучной теорией "переселения народов". Книга открывается предисловием исследователя древностей - русского историка и философа П. В. Тулаева.

Предисловие

Новое открытие венетов

Павел Тулаев

Суть дискуссии вокруг венетов (энетов, венедов, вендов,) сводится к ответу на вопрос: были они славянами или нет. Западные ученые, преимущественно немцы и итальянцы считают, что венеты, имеющие древние корни, не были славянами, так как последние вступили на историческую сцену лишь в VI веке н.э., когда они приняли участие в разрушении римской империи и попали на страницы византийских хроник. Большинство славянских авторов склонно видеть в венетах своих далеких предков, хотя это мнение не всегда достаточно обосновано и не разделяется всеми учеными.

На основе исторических фактов и обобщений из научной литературы мы сегодня можем более точно реконструировать картину венетского мира, начиная с глубокой древности. В хронологическом плане ее можно разделить на следующие основные этапы.

До 1200 г. до н.э., условной даты Троянской войны, энеты (enetoī), упоминаемые Гомером, а позже Страбоном и другими античными авторами, проживают в Троаде и Пафлагонии. Их родословная восходит к Дардану, Илу и Пилемону, в чем проявилась исконная связь западных областей Малой Азии с европейской Фракией и Иллирией.

1200 г. - VII в. до н.э. После падения Трои и Хеттского царства энеты, возглавляемые Антенором, переселяются сначала во Фракию, а затем на северное побережье Адриатики. Соплеменники Энея, главного героя "Энеиды" Вергилия и легендарного основателя Рима, колонизируют западную часть Аппенинского п-ва. Там возникает цивилизация этрусков, потомков пеласгов и тирренов. В это же время происходит миграция пафлагонских энетов в Урарту, частью которого было царство Ван.

VI в. - I в. до н.э. После падения династии Тарквиниев центр этрусков смещается на север, в район Этрурии. В адриатической Венеции, описанной многими авторами: от Геродота до Тацита, в это время складывается союз городов с развитой торговлей и культурой. Венеты Адриатики осваивают наряду с другими так называемый "янтарный путь" из Средиземного моря в Балтийское, проходящий через Альпы, в частности, Норик.

I - IV в. н.э. Венеты проживают на широком пространстве, от центральной Европы (свидетельства Плиния, Птолемея, Юлия Цезаря) до северо-западного побережья Балтийского моря, которое современники называют Венетским. К востоку от Дуная в этот период появляется племя антов, родственное, по мнению готского историка Иордана, западным венетам. Анты продвигаются от Южного Буга до среднего течения Днепра.

V - VI в. Захваченные общим движением варваров (аланов и гуннов) анты в союзе с родственными племенами славян (склавинов) вторгаются в пределы римской империи. Они покоряют Иллирию, северную Италию, захватывают Рим, что с подробностями описано у Прокопия Кесарийского и других византийских историков. Племя вандалов, родственное антам и вендам, но возглавляемое германскими вождями, уходит дальше

на запад, проходит с войнами через Испанию и основывает в северной Африке Вандальское царство.

VII - IX в. Славяне, которых германцы и финны называют венетами, вендами или просто вене, создают на широких просторах Европы, от Альпийских лугов и всего течения Дуная до лесов и степей восточно-европейской равнины, свои города и княжества. Государственный союз хорунтан, чехов, моравов и лужицких сербов во главе с "венецианцем" Само (середина VII века) был славянским и распался под натиском германцев. Балтийские славяне во главе с варягом Рюриком утверждают свою власть в Новгородской и Киевской Руси, где жили словене, поляне, кривичи, вятичи и другие родственные им племена.

X - XII в. На южном побережье Балтики, где проживают поморы (померане), вариин, руги и раны, развивается венетская цивилизация. Здесь существуют крупные религиозные центры (Аркона, Ретра) и процветают торговые города Старград, Волин (Винетта), Щецин, а весь регион известен как Виндланд. Поморские венеты ведут постоянные войны с германцами, но последние одерживают победу и разрушают славянские города.

XIII - XV в. В центральной Европе утверждается господство германских князей, выступающих в союзе с католическим Римом. В то время, когда военно-монашеские ордена наступают с запада на Польшу, Пруссию и Литву, с востока русские княжества опустошают монголо-татары и кочевники. После падения Золотой орды и захвата православного Константинополя (Царьграда) турками-мусульманами начинается борьба за гегемонию в славянском мире.

С методологической точки зрения удалось прояснить следующие важные моменты. Венеты изначально жили в Европе. В течение тысячелетий они неоднократно перемещались с одного места проживания в другое, сохраняя принцип родовой общины. Венеты были наследниками некоей древней цивилизации, возможно, Винчи, Аратты или Пеласгии (легендарной Гипербореи, с которой связан культ олимпийских богов Зевса, Лето, Аполлона и Артемиды), а также наследниками этрусков-пеласгов. В эпоху бронзового века они имели уже развитую религию, культуру и экономику.

В ходе экспансии венеты основывали на периферии протославянского мира города-колонии (Трою, Рим, Венецию, Винетту). Тип колонизатора и носителя развитой культуры получил художественное развитие в образах таких героев, как Эней, Орфей, Садко, Вайнемайнен.

Венеты - это не современные славяне, а наши далекие предки. Однако именно к ним в метаисторическом плане восходит прямая генеалогическая линия славян. Венеты это не кельты, не готы, не скифы, не германцы, не скандинавы, не греки, не финикийцы и т.д., а самостоятельная линия в развитии человеческой истории. Данное утверждение чрезвычайно важно, ибо из него вытекает вывод о том, что предки славян не были "индоевропейцами", "евразийцами" или "арийцами".

С антропологической точки зрения они были европеоидами, субъектами белой расы и носителями ее цивилизации. Более древняя общность могла существовать в V-VI тыс. до нашей эры, или раньше, но и в ней протославяне имели свое собственное лицо.

Разумеется, за тысячи лет наши предки неоднократно смешивались с соседними племенами и подвергались влиянию. Династические браки также предполагали соединение различных кровей. Скорее всего, под именем венетов в разные исторические эпохи выступали разные этносы. Однако это не означает, что они не были родственными, что у них не было преемственности. Ведь по сей день сохранилось не только имя венеты, но и многие черты данной общности. Да, происходит смешение, происходит деградация и вырождение, но это не значит, что мы должны теперь вовсе отказаться от венетского наследия.

Для возрождения славянства нам необходимо сознательное освоение всех его богатств. Дальнейшее изучение венетов будет более строгим. Применяя новейшие методы сравнительной культурологии, семиотики, лингвистики, антропологии, мы будем подходить дифференцированно к каждому факту. Мы будем отличать имя этноса от его носителя, этнос от языка, язык от антропологии, одну эпоху от другой, но никто не лишит нас права любить и изучать нашу родную древность в целом.

Сокровища венетов еще заговорят.

ПРЕДЫСТОРИЯ

Народное название «венеты» с точки зрения исторической науки может обозначать лишь носителей Культуры полей погребальных урн.
Г.Девото. 58

Начало расселения людей в Центральной Европе относится к позднему каменному веку, примерно за три тысячелетия до нашей эры. Это произошло в результате возникновения земледелия и разведения домашних животных и явилось в жизни доисторических людей переломным моментом как в смысле развития хозяйства и быта, так и в смысле их общественной организации. Существование в сообществе порождает новые формы культурной жизни, большое распространение получает изготовление посуды из обожженной глины и, как следствие, происходит заметное развитие домашнего хозяйства. Гончарное ремесло развивается стремительно, от простейших к самым сложным формам, что позволяет археологам назвать данную степень развития человеческой цивилизации термином «керамика».

Приблизительно за два тысячелетия до н.э. в Центральной Европе появляется медь, что в позднем каменном веке не вносит в жизнь обитателя Центральной Европы заметных перемен.

Появление же бронзы за 1800 лет до н.э. можно считать эпохальным событием для всей Европы. Орудия труда и оружие из бронзы в сравнении с медными предметами гораздо прочнее. Наступает бронзовый век, который археологи называют также ранней металлургией и который продолжается примерно до 900-х гг. до н.э., когда на смену ему приходит ранний, а затем и поздний железный век.

Период бронзолитейной металлургии в Европе, и в особенности в Центральной Европе, – это время, когда из первобытных общин постепенно формируются отдельные племена, причем в условиях, диктуемых определенным географическим положением, плодородностью почв, пригодных под выпас или пашню, а также возможностью

обмена с соседями изделиями собственного производства и т.д. Каждая общественная группа, как и возникшее из нее племя, развивает в своей среде обитания свою собственную культуру. Находки, сделанные в ходе археологических раскопок, дают весьма четкую картину и ясно рисуют культурный портрет того или иного племени: хозяйство, быт, орудия труда, оружие – то есть его образ жизни, его трудовые и боевые навыки.

Археология в силах, по крайней мере, до определенной степени, рассказать также о верованиях отдельных племен – на основании символики наскальных рисунков, орнамента, покрывающего посуду, украшения, и в особенности знаков на культовых предметах. Но особенно наглядно в ту эпоху отдельные племена и их культуры характеризуются способом захоронения и тем, какой вещевой инвентарь сопровождает погребение.

Каждое племя в своей среде обитания вырабатывает характерный для него способ речевого общения, из которого чаще всего развивается язык. Этот язык отличается от других тем сильнее, чем дальше отходит то или другое племя от общей культуры, чем своеобразнее его образ жизни в сравнении с прочими племенами и родами. Однако же языковеды полагают, что в Европе уже в позднем каменном веке существовали обширные языковые территории, при этом они в первую очередь уделяют внимание языковой группе индоевропейцев. Сами же археологи, говоря о происхождении языков доисторического населения Европы, ограничиваются в основном общими, весьма осторожно аргументированными суждениями. 59

К 2000 году до н.э. культурные общности того времени еще нельзя называть древним праиндоевропейским племенем. Речь идет прежде всего об исходной ячейке, из которой постоянно возникают новые группы и сообщества. Как установлено, мощный импульс им сообщает Культура воронковидных кубков, на смену которой в Центральной Европе приходит Культура колоколовидных кубков.

С рубежа 1800 лет до н.э., в бронзовом веке, Среднюю Европу можно уже обозначить как ареал расселения индоевропейцев. В это время хотя и не происходит пока формирования отдельных индоевропейских племен, но уже наметились те направления, которые будут прослеживаться в дальнейшем. Это расхождения между отдельными культурами – Культурой курганов, Лужицкой культурой, Нордийской бронзой, Угро-юговосточноевропейской ранней металлургией, Греческой культурой могильных рвов. За этими культурами стоят сообщества, которые с трудом можно квалифицировать как отдельные, исторически оформившиеся народы, поскольку у них лишь наметились основные тенденции позднейшего развития (Р.Питтиони).

Относительно того, что такое культурная группа, племя или народ вообще, существуют весьма разнообразные точки зрения. Племя, как его понимают археологи, – некая культурная группа, основывающаяся на соответственно развитии общественной организации, – это, без сомнения, более позднее образование в сравнении с языковой общностью, – это племя, имеющее какой-либо единый язык. Поэтому языковеды относят зарождение индоевропейцев, а в Центральной Европе – венетов или, например, иллиров, – лишь к периоду Культуры ленточной керамики, примерно за 4000 лет до н.э. (Э.Рет, 1967). В любом случае для нас очевидно, что возникновение индоевропейского языка и племени индоевропейцев как языковой общности отодвигается еще дальше в глубь истории, на целое тысячелетие назад.

ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ

Довольно долго бытовало убеждение, что родиной индоевропейцев была Центральная Азия. Позднее считали, что эта общность формировалась вокруг своего ядра в Восточной, а также в Средней и Северной Европе. Дело в том, что на обширной территории между Рейном и Волгой уже в позднем каменном веке появляются группы людей, которые, как можно считать, были основоположниками индоевропейской общности: они обрабатывают поля, занимаются животноводством, разводят крупный рогатый скот, овец, свиней, коз, а также лошадей.

Новейшие сведения о возникновении индоевропейцев, с учетом исторически подтвержденных связей, ограничивают ареал их возникновения либо Центральной Европой (Г.Крахе, П.Тьеме), либо Восточной Европой (Э.Вале, А.Е.Брюсов). Существует также мнение о «двойной прародине» индоевропейцев. Они могли из центра, расположенного на востоке как единое племя перебраться на запад, и уже оттуда расселиться в те местности, где ныне история обнаружила их следы.

С точки зрения археологии, период переселения индоевропейцев согласуется с периодом преобладания культуры боевых топоров (культура шнуровой керамики), т.е. в период неолита. Эти культуры принадлежат европеоидной расе 60 и ограничиваются Восточной, Северной и Центральной Европой (приблизительно 1800 лет до н.э.).

В настоящее время мы можем делать выводы о том, что некогда индоевропейцы были единым племенем, исходя из родства языков в Европе. Археологические находки того времени свидетельствуют лишь о существовании культурных групп, о которых неизвестно, в какой степени родства они находились между собой. Быстрое распространение на просторах Европы и Азии им обеспечивало использование лошадей и боевых колесниц. О них до нас дошли письменные свидетельства, обнаруженные в Месопотамии и относимые к 18 столетию до н.э. В 18 в. до н.э. индоевропейское племя гефитово бразует в Анатолии свое царство, которое на рубеже 13 в. до н.э. было уничтожено другими индоевропейцами – фригийцами. Мощная волна переселения индоевропейцев арийского корня достигает в конце второго тысячелетия до нашей эры даже Индии.

Именно название арии (в современной версии – «арийцы»), вероятно, является первичным названием индоевропейцев. В древнеиндийском языке агуа означает представителя знати, что могло соответствовать общественному положению древнеарийских завоевателей по отношению к коренному индийскому населению. Само же происхождение слова, вероятно, связано с земледелием: лат. *agare*, словен. *orati* – «пахать», что одновременно указывает на земледельческую культуру арийского племени.

В середине второго тысячелетия до н.э. на обширной территории расселения индоевропейцев, вероятно, уже сформировались две диалектные группы: западная, т.н. группа кентум (*kentum*), характерная произнесением «k» в определенных позициях (в настоящее время объединяет кельтские и германские языки), и группа сатем (*satem*), для которой в тех же самых позициях характерно появление звука «s» (в настоящее время она объединяет индийские, иранские, балтийские и славянские языки). 61

В период между 17 и 13 веками до н.э. применение бронзы в Центральной Европе приводит к настоящему, беспрецедентному расцвету предметной культуры. К тому же периоду относится и культура курганных погребений, датируемая 15–13 веками до н.э., охватившая различные ареалы расселения к северу от Альп, от течения Рейна до Карпат.. Вполне вероятно, что эта культура уже несет в себе раскол первоначального ядра индоевропейцев в Центральной Европе на языковые сообщества и группы общения, как, например, иллиры, фракийцы и, вероятно, германцы.

Бронзовые орудия и оружие того времени представлено разнообразно, оно прочно и потому высоко ценится и при натуральном обмене. Ему принадлежит решающая роль в развитии хозяйства. Пик достигается к середине бронзового века, это – т.н. Лужицкая культура, существовавшая в 13–11 вв. до н.э., центром которой была Лужица (Lausitz – в немецкой транслитерации), откуда она затем распространилась от среднего течения Одера на востоке до Украины, а на севере от горных массивов Чехии и Словакии до Балтики.

Лужицкую культуру на территории компактного проживания ее носителей на всем протяжении ее развития отличает своеобразная керамика, изделия из бронзы и затем из железа: ножи, копья, серпы, прекрасно сделанные топоры и т.п.

Экономическую базу носителей данной культуры преимущественно составляет земледелие: культивируются злаки и бобовые – три вида пшеницы, просо, рожь, бобы, горох, люцерна и т.п., кроме того, имеет распространение скотоводство, охота и рыболовство. 12

Многочисленные находки, относимые к Лужицкой культуре, дают нам основания утверждать, что у ее носителей была сильная общественная и военная организация. Для этого необходимо было развить собственный, соответствующий данному образу жизни, язык. Через язык та или иная культурная общность проявляет также свою народность, представляет себя как самостоятельное племя. Поэтому в связи с этим возникает вопрос, к какому народу следует причислять носителей Лужицкой культуры, или, какова была их этническая принадлежность?

Об этом существуют различные мнения различных экспертов. Лужицкую культуру некогда приписывали германцам, а также фракийцам, дакам и иллирам. Были попытки толковать их и как праславян (Й.Костжевский). Теория иллирского происхождения этой культуры привела к спорам и разногласиям (напр., П.Крестшмер 1943, В.Милойчич 1952, К.Тыменецки 1963 и т.д.). Й.Покорны, один из первых защитников данной теории, после второй мировой войны сменил свою точку зрения и придерживался затем позиции, что язык носителей позднейшей культуры полей погребальных урн, которые, по его мнению, были родственны носителям Лужицкой культуры, находятся в тесной связи с балтийскими языками (1950–53).

Нет недостатка и в доводах, согласно которым, носители Лужицкой культуры были представителями индоевропейского племени, наименование которого нам неизвестно, и которому в истории Европы принадлежит особая роль (Й.Боем, 1941), либо же утверждается, что данное племя внесло свой исторический вклад в формирование славян, кельтов, иллиров и других племен. Точка зрения, согласно которой носители Лужицкой культуры явились той основой, на которой сформировались исторически

известные нам славяне (Й.Филипп, 1946), весьма близка теории, утверждающей, что Лужицкая культура идентична культуре венетов (П.Бош–Гимпера, 1961).²

Погребальные урны как способ захоронения пепла умерших свидетельствуют о коренном переломе, который особенно нагляден в позднейшей Культуре полей погребальных урн, в поздний бронзовый век, у большинства европейцев в их представлениях о земном бытии и жизни в загробном мире.

Захоронения в урнах хотя и появляются уже к концу неолита, например, в центрально–германской Шонфельд–группе, в Анатолии позднего бронзового века, но в Европе они характерны именно для Лужицкой культуры, а в результате переселения племен, происходившем в период таких захоронений, они получают распространение фактически и во всей Европе. Поля погребальных урн особенно распространены именно в Центральной Европе, где их схематично можно разделить на три территории: лужицкую, южно–германскую и средне–дунайскую.³

ПОЛЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ УРН

К этому периоду относится и переселение племен, которое в 13 в. до н.э. всколыхнуло всю Европу и в корне изменило сложившуюся в ее пределах культурную и языковую картину. Это новая Культура полей погребальных урн (*Urnenfelderkultur*). Ее корни обнаруживаются на территории Лужицы, откуда ее носители совершают большие походы, завоеывая и компактно заселяя всю территорию от Балтийского моря по направлению к югу, через Альпы до верхней Адриатики и Аппенин. В своих походах они проникали также в глубь Аппенинского полуострова и на другие европейские территории.

Археологи утверждают, что переселение периода полей погребальных урн означало также индоевропеизирование территорий, которые были им охвачены, например, территорию Аппенин ⁴. Но они, точно так же как и лингвисты, не соглашались во взглядах на происхождение племен, задействованных в переселении. До Второй мировой войны и еще годы спустя преобладало убеждение, что как Лужицкую культуру, так и позднейшую Культуру полей погребальных урн и связанное с ней переселение целесообразно приписать племени иллиров. Этот взгляд был распространен до шестидесятых, пока его окончательно не опровергли критики–языковеды, так что ныне преобладает суждение о том, что носителями культуры полей погребальных урн были венеты, или венды.

Их язык соответствует общеиндоевропейскому языку второй половины второго тысячелетия до н.э. В то время как у греков, гефитов, иранцев и индийцев формировались национальные особенности, имеющиеся сведения о венетах указывают на то, что они стремились сохранять статус–кво (Г. Девото) ⁵.

Как я уже упоминал, выражение «венетский» означает языковую характеристику венетов, а «иллирский» в значении, которое сегодня уже не принято, – прежние «северно–иллирские» территории от верхней Адриатики до Балтийского моря, что, по сути дела, – то же самое, поскольку территориальное обозначение «венеты», распространенное на территории предположительного распространения их языка, встречается как на юге, так и на севере. (В.Мейд) ⁶.

Однако венетам нельзя приписывать все направления, по которым происходило переселение в Европе в период Культуры полей погребальных урн. О территориях, которые они освоили и заселили в своих походах и на которых удержались на протяжении столетий, кроме пространства между Балтийским и Адриатическим морем, можно судить как по немногочисленным упоминаниям в истории, а лучше – по сохранившимся названиям местностей и племен. Источниковедение подсказывает, что венеты упоминаются даже в Малой Азии, французской Бретани, на побережье Балтики и на других территориях, порой также спустя несколько столетий.

Скандинавские вандалы также, как представляется, были участниками первичных переселенческих потоков венетов, и лишь впоследствии были германизированы. Недалеко от шведского города Уппсала есть местечко с названием Вендел, где были обнаружены богатые захоронения, хотя и относимые к несколько более позднему времени (7–10 вв. н.э.). Мощная группа венетов сохранилась в Прибалтике даже до римских времен. Очевидно, поэтому финны и по сей день называют соседнюю Россию именем *Venaja* (от *Venada*), а скандинавы поморов – *Vindr*, а места их обитания – *Vindland* 7.

В ходе переселения периода полей погребальных урн венеты, совершая великий завоевательный поход, прорываются с территории распространения Лужицкой культуры на территории современной Польши далее на юг, перебираются через Альпы в верхне-итальянский Падано и дальше на Апеннины, до самой Сицилии. Об этом уже до Первой мировой войны и после нее высказывалась итальянская наука, сравнивая венетов с иллирами, кельтами и славянами (Г.Серджи 1926) 8.

С Восточных Альп в Италию проникли племена, которые мы обыкновенно называем иллирскими, но я бы их назвал протославянами (*Protoslavi*), по причине похожеści славян и иллиров. Эти племена дошли до Венеции, до области Болоньи и дальше. Индоевропейцы пришли через Апеннины также в Лаций, заняли Албанские горы и долину, где впоследствии возник Рим. В меньшем числе они появились из-за Адриатического моря также в Апулии и Базиликате, как свидетельствуют захоронения. Они обитали в хижинах, не зная каменного или деревянного строительства. Эти племена походили на те, что вторглись в миккенскую Грецию. В Италии они были наиболее многочисленны в Падуйской долине, их не было в Марках и Абрुццах, более-менее твердое их ядро было в Этрурии и на холмах Лация.

Как мы уже говорили, присутствие данных племен на этой территории особенно убедительно доказывают топонимы, указывающие на земледельческую и пастушескую культуру. Это слова, смысл которых нам понятен, если вспомнить старинную лексику словенской деревни. Уже сами названия Апенинны (*rep*– вершина горы, Погорье) и Падана (низменность, куда «ниспадают» холмы и стекают реки) и другие с окончанием –ана, обозначающим понятие «ширь» (например, «поляна» – широкое поле) нам вполне понятны. Все эти названия – признак праславянского происхождения венетов.

Вторжение венетов основательно встряхнуло культурные группы, населявшие Апеннины со времен неолита, такие, как, например, культура Бельверде–Сетона (после 12 в. до н.э.). Убранство из захоронений при Каstellфранко–Ламонселло, например, из долины Фиора в Тоскане, свидетельствует о столкновении между венетами и местным населением. Эти находки говорят о сопротивлении исконного, связанного со

средиземноморской культурой населения. Особенно на юге Апенинского полуострова, поскольку венеты и на эту территорию принесли новые духовные и культурные моменты, где об их присутствии свидетельствуют погребальные урны, датируемые тысячелетием до н.э. – Timmari (tamar) вблизи Матери в Базиликате, или Милаццо (melci) на северном побережье Сицилии.

Примерно за 750 лет до н.э. вблизи Неаполя была основана первая греческая колония Куме (Cumae), за которой последовали многие другие, расположившиеся вдоль южного побережья Апенин. Греческие колонии оказывали мощное культурно–языковое влияние на весь юг Апенинского полуострова, или юг Италии, где стал развиваться народ италов/латинов.

Совсем другую картину нам дает центральная часть Апенинского полуострова. На его территории вдоль Адриатического моря, в Марках на Аbruццах, уже с 8 в. до н.э. развивается культура Новилара (Novilara), приписываемая племени пиценов. О том, что на эту культуру оказали влияние венеты, говорят поля погребальных урн в местечке Пианелло возле Анконы.

Территория венетов

На обширной территории, тяготеющей к Тирренскому морю, в Тоскане и Умбрии венеты на длительное время стали господствующим слоем. Захоронения того периода делятся на два вида – погребения исконного населения (скелетные останки) и венетские захоронения по обряду трупосожжения (урны). Постепенно начинает преобладать трупоположение, что свидетельствует о слиянии двух народов и о начале новой, очевидно, этрусской культуры.

Подтверждение этой гипотезе дают находки, произведенные в Риме и его окрестностях 9. Обнаруженные остатки поселений говорят о том, что в то время в Палатине были распространены хижины круглой и эллипсообразной формы, а также на холмах Эсквилин и Квиринал; на площади Форум Романум также обнаружили следы поселения 10–9 вв. до н.э. Вскрытие могил показало, что захоронения производились как в дубовых гробах, так и в урнах. Для последних характерен вид урна капанна («urna sarapna» – жилищеобразная урна), извлеченная из могилы, найденной на площади Форум.

В расположенных поблизости Албанских горах (итал. Colli Albani, ср. lob –alb) обнаружено еще несколько захоронений, в которых находились урны или скелетные останки, что характерно для культуры Центральных Апенин, или для этрусков. Эту культуру австрийский археолог Р.Питтиони назвал культурой Маринопо, по местечку Марино в Албанских горах, где были сделаны находки.

Так называемая культура Марино (800–500 гг. до н.э.) охватывала территорию от Албанских гор до местностей к северу от старинного города Таркини. Эта культура отражает прогрессирующее взаимодействие и слияние двух племен, местного и венетского. В 7 в. до н.э. эта унификация закончена, и фактически культура этрусков в этот период достигает своего расцвета, о чем мы можем судить по изобилию предметов в захоронениях. В могиле воина (tomba del guerriero) из Корнето–Таркини, датируемой 720 г. до н.э., была найдена и греческая позднегеометрическая керамика, что

свидетельствует о контактах с греками. Характерная фаянсовая ваза из этого же захоронения говорит и о том, что этруски торговали с финикийцами.

Культура этрусков, или культура Марино, в которой проявляется как средиземноморское, так и центрально–европейское влияние, является самобытной. Раскопки дают представление о сохранении первичного, ориентированного на Средиземноморье населения, от них наследуется умение обрабатывать камень, возводить сложные с точки зрения техники и искусства постройки. Верхний слой же центрально–европейских венетов сообщает общественную и военную организацию, основанную на новых верованиях, а также вносит духовную мощь. Подобные элементы демонстрируют, например, находки в Кастельфранко–Ламонселло, Аллюмьере–Пианелло, Таркини 10.

Это два мощных вектора, приведших к подъему культуры этрусков, унаследованные позднее римлянами.

В связи со всем изложенным встает вопрос о языке этрусков, который дошел до нас в виде многочисленных надписей, высеченных на их надгробиях. Ученым не удавалось их расшифровать, исходя из средиземноморских языков. Учитывая же вторжение венетов на Апенинны и их праславянское происхождение, следовало бы к решению этого вопроса привлечь славянские языки.

И действительно, А.Берлот¹¹ несколько лет назад смог расшифровать немало этруских и ретийских надписей, пользуясь материалом словенского языка, которые сохранил праславянские корни лучше, чем какой–либо другой из славянских языков, при этом в текстах, кроме всего прочего, было обнаружено двойственное число. При расшифровке этруской надписи из местечка Пирги (относимой к 500 г. до н.э.) появляется, возможно, впервые славянское наименование в форме *Cluveni*, которое может указывать на то, что сами венеты называли себя именем словены.

С другой стороны, в Центральной Европе, продолжает существовать и поступательно развиваться Лужицкая культура. Она порождает новые культурные группы, которые после вторжений кельтов в 5 в. до н.э. и позднее подпадают под влияние кельтской культуры Латен (Latene). Во 2 в. до н.э. на территории нынешней Польши в результате сложения всех этих векторов образуется Венедская культура (с позиции польской археологии), которая сохраняется до 6 в. н.э. 12. Несмотря на различные сторонние влияния и вторжения, в пределах данной культуры сохраняется первичное племя праславянских венетов, или вендов, прямых родственников словенцев.

Характерно, что принадлежность носителей Венедской культуры к той или иной народности и по сей день является предметом споров между польской и немецкой исторической наукой. Германские специалисты приписывают ее преимущественно группам германцев, особенно вандалам, которые, по их мнению, в это время расширили свой ареал обитания из области Вендзюссел в Ютландии на территорию современной Польши.

Польские ученые же считают Венедскую культуру наследницей Лужицкой культуры (Й.Костжевский), и считают ее носителей праславянами. Находки, говорящие о

пребывании вандалов в Ютландии, действительно весьма родственны тем, что относятся к Венедской культуре (Й.Вернер) 13. Если при этом учитывать, что скандинавские вандалы происходят из Культуры полей погребальных урн и что они носят венетское наименование, и что потом они подверглись германизации, – то можно считать, что данный вопрос приближается к своему решению.

В Венедской культуре выделяются, по мнению польской науки, две основные группы.

На севере, где Лужицкую культуру сменила Восточно–поморская, в приморье между дельтами Одера и Вислы распространилась группа Оксиве (Oksywie). Если названные культуры–предшественницы были праславянскими, и данная группа также, то ее носителей должно считать предками нынешних славянских поморян и кашубов. И действительно, у этого народа по сегодняшний день сохранилось название словинцы.

Территорию же современной Южной Польши в то время занимала группа Пшеворск (Przeworsk). В ней, на основании имеющихся находок, можно распознать ощутимое влияние кельтов. Они во 2 в. до н.э. действительно вторглись на эту территорию через Моравские ворота и длительное время здесь сохранялись в виде небольшой, но влиятельной прослойки. Кельты компактно селились лишь в Силезии, однако уже в 1 в. до н.э. растворились среди местного населения. Из этой культурной общности формировались предки поляков, которых немецкие соседи до сих пор называют «лехи» («Lechen»), т.е. «влахи», что являлось обобщающим названием кельтов. Так кельтский элемент оставил след в названии современного польского народа.

Германская наука относит группу Оксиве к бургундцам, а группу Пшеворск к вандалам.

После переселения народов периода Культуры полей погребальных урн несколько культурных групп зарождается на территории современных Чехии и Моравии. В 5 в. до н.э. на эти территории проникают кельты и насаждают свою культуру типа Латен.

Территория современной Австрии, Баварии, Швабии и Восточной Швейцарии была полностью завоевана и заселена венетами в итоге их походов. Прежнее население рассеялось, язык и культура венетов стала преобладать. В Падане (Северная Италия) исчезли существовавшие ранее культуры, известные как «terramare», среди них осталась еще довольно сильная культура Полада. Для всей Центральной Европы назрела новая эпоха.

Уже после 10 в. до н.э. в Альпах и их окрестностях формируется несколько новых культур 14. Однако при этом тенденции, привнесенные сюда в ходе переселения периода полей погребальных урн, преобладают и приводят к формированию характерного культурного портрета того периода. Население, которое обитало здесь до венетов, не исчезает ни в биологическом, ни в культурном смысле. При его участии создается новая реальность, т.к. верхний слой венетов был бы слишком слабым, чтобы самостоятельно довершить развитие новой культуры. Однако она обладала немалой духовной силой, так что могла формировать будущие культуры, а именно культуры позднего бронзового и раннего железного века.

В этот новый период в нижней Падане (современные Эмилия и Романья) преобладает культура Вилланова (800–390 гг. до н.э.). Своего расцвета она достигает в 7–6 вв. до

н.э. Для нее характерно трупосожжение и захоронения в т.н. «виллановских» урнах. Могилы со скелетными останками появляются лишь эпизодически, однако, начиная с 5 в. до н.э., они уже преобладают, что говорит о том, что в то время данная культура полностью подпала под влияние этрусской культуры. Еще до того, в последней трети 6 в. до н.э., культура этрусков проникла в значимые центры культуры Вилланова (Фельсина, Марцаботто, Спина), а вовсе не в провинцию.

Приход кельтов в Падану и достижение ими Рима (примерно в 390 г. до н.э.) эту культуру разрушил. Кельтские бойи захватили ее самый центр - Фельсину, которая с этого момента называется по их имени Болония (Bologna).

В богатом наследии культуры Вилланова особенно выделяется своими ситулами – кубками, украшенными фигурами, которые служат обрядовым целям. Искусство изготовления ситул в рамках этой культуры достигла пика в начале 5 в. до н.э., и лучший образец ситулы – это Ситула Сертоза (Situla Certosa), а к концу того же столетия – Ситула Арноальди (Situla Arnoaldi). На первой из них ясно различимы сцены из жизни жителей Виллановы: военный поход, два всадника, люди, играющие на музыкальных инструментах и их слушатель; особенно интересен земледелец, погоняющий пару волов и несущий на спине рало. На другой ситуле можно видеть боевую колесницу, в которую запряжены кони. Искусство изготовления ситул появляется впервые именно в рамках культуры Вилланова, а уже потом это умение проникает и в соседние культуры.

В верхней Падане, т.е. в Пьемонте и Ломбардии и до самой Лигурии, в это время распространяется культура Голасекка (800–150 гг. до н.э.). Ее территория обширна, поэтому она не особенно связана внутри себя и характеризуется оживленными контактами с соседними культурами. В 5 в. до н.э. на территорию ее распространения в процессе торговли проникают греческие изделия, через Вилланову ввозятся раскрашенные черным цветом, а через Массилию – раскрашенные красным цветом керамические изделия.

Трупосожжение в этой культуре является превалирующим способом погребения. В лигурийских областях впоследствии для этих целей пользуются каменной шкатулкой (casetta). Характерна также обрядовая повозка (carettino) из могилы в Ка Морта. Чрезвычайно богаты также могилы воинов (5–4 вв. до н.э.) из Сесто Календе. После вторжения кельтов влияние кельтского Laten также сильно сказывается на культуре Голасекка. К тому времени относятся высеченные на камне картины в долине Камоника, с изображениями воинов и лошадей.

Земледельческое население этой культуры не принимает сторонних влияний, и по сохранившимся в предгорьях Альп довольно многочисленным названиям можно судить о том, что это был преимущественно пастушеский народ, и что уже тогда средой обитания у них были горы.

В южном Тироле, в кантоне Грисун и в Предарсле в то время развилась культура Мелаун (800–100 гг. до н.э.), которую называли по местечку вблизи Бриксена, где были сделаны находки. Ее группа Фритценс достигает Северного Тироля. Как представляется, в эту культуру переросла также более ранняя культура Крестаульта, о которой свидетельствуют раскопки Креста печна в Энгадине 15. Захоронения по обряду трупосожжения было общепринятым в культуре Мелаун. Что же касается ее

керамики, то для нее типичны т.н. мелаунские ручки. Характерной особенностью является также строительство жилья на холмах и многочисленные городища.

В 6 в. до н.э. носителям этой культуры становится известно искусство изготовления ситул, распространенных в соседней культуре Эсте, и они его перенимают. Мотивами мелаунских ситул являются прежде всего люди и лошади, всадники, а также характерные рукопашные (кулачные) бои.

После проникновения кельтов на южные склоны Альп в этой культуре проявляются латенские влияния, привнесенные из Паданы. Однако кельты не селились на мелаунской территории, поскольку во всем Южном Тироле не было обнаружено ни одного кельтского захоронения.

Особенно же активной и устойчивой на Венецианской равнине в тот период была культура Эсте (800–180 гг. до н.э.) в центре современной Венеции и Фриуле, свое название она получила по юго-западному предместью Падуи, где производились раскопки. Здесь было распространено трупосожжение, захоронения со скелетными останками, сделанные даже в более позднее время, встречаются здесь очень редко. Особое место в пределах данной культуры принадлежит группе Св. Луция (Мост на Соче), которой принадлежат богатые находки, датируемые примерно 700 гг. до н.э.

В рамках этой культуры искусство изготовления ситул достигает своего пика, о чем свидетельствует, например, ситула Бенвенутти, на которой представлены мотивы духовной и светской жизни людей Эсте: мифические животные, птицы, конь, собака, мужчина, гонящий перед собой крупный рогатый скот, охотник, трубящий в рог, воин с копьем, боевая повозка... Среди изображений животных выделяется изображение лошади, таким образом, находит подтверждение особая роль, отводимая этому животному с давних пор.

Вторжение кельтов не могло значительно пошатнуть ядра этой культуры и оказало на нее лишь эпизодическое влияние. Даже позднейшее романское вмешательство на этой территории не сказалось на темпах прогресса.

ГАЛЬШТАТСКИЙ ПЕРИОД

Все перечисленные культуры Центральной Европы относятся к раннему железному веку, который пришел на смену бронзовому приблизительно за 850 лет до нашей эры. Мощнейший очаг культуры, относимой к позднему железному веку, находился в Восточных Альпах, где имеются месторождения железа (раскопки под Гальштатом).

Урновые захоронения, происходящие из общности культур полей погребальных урн, предшествовавшей этому периоду, остаются столь же многочисленными и наиболее распространенными, и говорят о преобладании венетов также в Верхнеиталийских и альпийских культурах.

Однако это ничего нам не говорит о дальнейшем существовании их праславянского языка, в особенности после вторжения кельтов (примерно 390 г. до н.э.). А в конечном

итоге – лишь язык является той характерной чертой народа, в которой заключается его сущность и через которую она наследуется последующими поколениями.

Если язык венетов преобладал даже в Этрурии, где аборигенное население после вторжения венетов в ходе переселения, относимого к периоду общности культур полей погребальных урн, продолжало играть решающую роль в культурном развитии, то можно тем увереннее говорить о том, что этот язык преобладал и в культурах Паданы (Вилланова, Голасекка, Эсте).

Вторжение и последующее господство кельтов это состояние, несомненно, изменили, поскольку в Падане, за исключением культуры Эсте, в высших слоях населения преобладал кельтский язык. Венетский же язык, должно быть, и далее употреблялся землепашцами и в удаленных местностях, вплоть до римского времени. Вывод об этом можно сделать исходя из сохранившихся венетских, или праславянских имен.

Название «венеты» в культуре Эсте сохранилось до самого прихода римлян, как это зафиксировали источники, тем самым поспособствовав сохранению этих сведений. Оно должно было распространяться также и на население культур Вилланова и Голасекка. Остается неясным, какова была доля венетов в формировании этноса лигурийцев, т.е. в лигурийской Голасекке. Носители культуры Мелаун, известные нам позже как ретийцы, также говорили на венетском языке и, как на это указывает многое, пронесли его через весь римский период. Как и у венетов культуры Эсте, у ретийцев появляется т.н. этрусский алфавит. Однако это еще не значит, что они его заимствовали у этрусов, поскольку, возможно, речь идет о более древних буквах, которыми пользовались венеты, так называемое руническое письмо, высеченные знаки, из которых алфавит развился позже.

Говоря о вещевой культуре и языке того или иного народа, необходимо принимать во внимание и положение земледельческого слоя, доля которого порой достигала 90%. Этим обстоятельством историки, давая оценку культуре отдельного этноса, привыкли пренебрегать, тем самым давая неполную картину его жизни.

Наиболее ярким выражением позднего железного века в Европе, несомненно, является Культура Гальштат (800–400 гг. до н.э.), а кое-где вплоть до 15 г. до н.э.

Она охватывает обширную территорию Восточных Альп и на севере предальпийские равнины – современный Эльзас, Швабию, Баварию, Северную Швейцарию, Австрию и Словению с ответвлениями в сторону Моравии, Паннонии и Седмограда 16. Воздействие данной культуры на другие территории было столь сильно, что в археологии весь железный век в Европе получил название «Гальштатский период».

Территорию, на которую распространялась эта культура, археологи делят на два округа, граница между которыми проходит с севера на юг в районе местности Гальштат, где производились раскопки: Западный Гальштат, тесно связанный с формированием впоследствии этноса кельтов, и Восточный Гальштат, который вблизи Адриатики демонстрирует связь с иллирийской культурой.

Гальштатская культура также происходит из общности культур полей погребальных урн и принадлежит к Венетским культурам. В своем развитии она обогатилась существенными элементами юго-восточного влияния и в период своего расцвета

взаимодействовала с культурами эсте и этрусской. Достаточно тесными были и ее связи со Скандинавией.

В этой культуре также процветало изготовление керамических изделий, бронзовой посуды и ювелирных изделий. Восточный Гальштат обнаруживает в своем декоре и его тематике заметную склонность к изображению фигур, которые довольно часто переходят в более или менее выраженные геометрические формы. Значимым элементом является добыча соли и торговля ею. Главным же в данной культуре является добыча железа. Железо из Восточных Альп, впоследствии Норика, было известно во всей Европе под названием «железо Норика» и высоко ценилось за его прочность и надежность, вплоть до римских времен.

Из исконного этноса венетов в культуре Гальштат сформировалось два народа: винделики на Западе и норики на Востоке.

Носители культуры Гальштат не были иллирийцами, как это утверждали до шестидесятых лет немецкие исследователи. В западных районах сформировался этнос винделей, населявших преимущественно современную Швабию и Баварию. После 5 в. до н.э. виндели подпали под господство кельтов, которые вторглись из Восточной Франции и Западной Швейцарии, однако полностью в них не растворились; они сохранили даже собственное имя, по крайней мере до прихода римлян.

У нориков, населявших восточные области, можно найти следы иллирийского влияния. Однако территория распространения иллирийцев не достигала современной Словении. Для латобиков— рода, который населял территорию нынешней Доленской и, по мнению словенских экспертов, не относился к иллирийцам, данная языковая принадлежность вовсе не доказана. О том, какая путаница существовала в научных взглядах на распространенность иллирийцев, говорит даже то, что Й.Покорны пытался выводить название этого этноса из названия баварской реки Иллер, то есть, народ, проживающий по берегам Иллера 17. Таким образом виндели могли превратиться в иллирийский род.

Формирование иллирийцев как культурной общности, или народа, шло, как и у кельтов, собственным путем. Для них характерно курганный погребение, как это явствует из раскопок, сделанных в местности Гласинац возле Сараева. Эти курганы позволяют нам делать вывод о том, что иллирийцы отделились от индоевропейцев, подобно германцам, фракийцам или дакийцам уже в период культуры курганных погребений (после 15 в. до н.э.), однако еще долгое время у них сохранялась общественная организация на уровне жуп (sipa), и вследствие этого они как этнос в сравнении с венетами, точно так же как кельты, были более молодым явлением. Иллиры впоследствии заимствовали погребение по обряду трупосожжения. Их культура развивалась под влиянием греков, которые с середины 8 в. до н.э. имели свои колонии на берегу Адриатического моря.

Влияние иллирийцев затем распространялось на север, на территорию современной Словении, в Восточные Альпы и Западную Паннонию. В Западной Паннонии носители гальштатской культуры Вал еще долгое время сопротивлялись иллирийскому господству 18. В гальштатский период из восточно–европейских степей сюда часто совершали свои набеги киммерийцы и скифы, о чем свидетельствуют захоронения, в

особенности в Паннонии. Как долго паннонцы, находясь под иллирийцами, сохраняли свою этническую самобытность, мы сейчас оценить не можем. Можно лишь предполагать, что слой земледельцев паннонско–венетского этноса сохранялся до прихода римлян. На основании латинизированных топонимов в Паннонии некоторые словенские лингвисты (например, Д.Трстеняк) до первой мировой войны делали вывод о «славянскости» древних паннонцев.

В Восточном Гальштате своими достижениями в культуре и искусстве обращает на себя внимание группа Вачена территории нынешней Доленьской – раскопки в районах Ваче, Магдаленской горы, Ново–Место и др. К прекраснейшим изделиям, обнаруженным здесь, относятся ситутлы с изображениями сцен из жизни местного населения. Среди них по значению и художественной ценности выделяется ситутла Ваче. Сцены, изображенные на ней, расположены тремя рядами: в первом – войско на марше, кони, боевые колесницы; во втором – обрядовые сцены, кулачные бои; в третьем – вереница животных, из которых особенно выступает козерог. Из графических элементов следует отметить начертанную на листе волнистую линию в форме линии жизни, которую держит в клюве птица.

ПЕРИОД ЛАТЕН

Вехой, разделяющей старый и новый железный век в Европе, является переселение кельтов. Оно началось примерно за 400 лет до н.э. и нарушило существовавшую культурную ситуацию как к северу, так и к югу от Альп, где в период Гальштата сложились протяженные торговые пути. Тем самым Северная Европа, то есть ее области, прилегающие к Северному и Балтийскому морю, а также Скандинавия, были отделены от Центральной Европы.

С походами кельтов начинается новый железный век, именуемый также Латенским периодом (La Tene), по имени местечка на озере Нойешател в Западной Швейцарии. В более узком смысле такое название получила также сама Культура Латен (400–15 гг. до н.э.), которая наложила отпечаток на весь исторический период.

Носителями этой культуры были кельты. Влияние же ее было столь велико, что оно достигло даже тех областей, куда кельтские орды в своих походах не добрались. Вследствие этого латенские находки не всегда достоверно свидетельствуют о присутствии кельтов на вышеназванных территориях 19. В Центральной Европе о присутствии кельтов можно определенно говорить лишь там, куда они относительно легко проникли. В более отдаленных и горных областях они селились только тогда, когда имели для этого соответствующую мотивацию, например, чтобы добывать соль.

Население Альп, которое вело свое происхождение из позднего периода бронзы или из Гальштата, таким образом, могло без вмешательства извне сохранить свою культуру вплоть до романизации (Р. Питтиони) 20.

Понятно, почему в глубине Восточных Альп сохранилось относительно мало латенских находок, да и они перемежаются с гальштатскими 21. И точно так же, как период Латен, впоследствии и римский период для Альп не означает просто романизации населения.

Альпы следует исключить из территорий, которые подверглись кельтизации, тем более потому, что даже открытые территории, как, например, Паданская долина, в тот период нельзя считать полностью кельтизованными. Даже на территориях, завоеванных кельтами, а это, кроме Паданской долины, также Бавария и Чехия, сохранились многочисленные венетские, или праславянские имена, что свидетельствует о сопротивлении и сохранении более раннего венетского населения.

Что же касается периода Эсте, то имеющиеся у нас данные недостаточны для того, чтобы исходя из них делать выводы об этническом статусе венетов, или их отношении к кельтам. Латинские надписи на посуде, найденной в захоронениях поздней культуры Эсте, не дают ясных свидетельств и о языке населения, а только отражают модные веяния того времени. Например, в результате вторжения кельтов среди населения Эсте распространился обычай давать детям кельтские имена ²². Слишком много вопросов для того, чтобы можно было дать ясный ответ, даже для римского периода.

Кроме того, нельзя совершенно исключать возможность того, что кельты по языку могли быть близки венетам, если вообще не являлись той самой группой венетских этносов, которая двинулась по собственному пути развития: создала мощную военную организацию, занялась добычей руд и выплавлением металлов, а также торговлей. Ведь характерно, что между древнейшими венетами и более поздними кельтами не велись войны, отсутствовали какие-либо столкновения и, напротив, все говорит о мирном сосуществовании и взаимодействии, например, в Винделии (Бавария). В Центральной Европе, помимо всего прочего, несмотря на подтвержденное археологическими находками присутствие кельтов, мы не обнаруживаем кельтских топонимов, за исключением редких форм имен в Лахии (Вельшен), что говорит о том, что здешние кельты были романизированы.

Сохранившиеся имена являются по происхождению венетскими (праславянскими) и соответствуют словам языка кельтов, населяющих Атлантическое побережье лишь в случаях, когда прослеживаются индоевропейские корни. Из этого можно сделать вывод, что современный кельтский язык – это фактически язык довенетского, или докельтского населения Атлантического побережья, которого затем достигли походы венетов, за ними шли кельты, завоевавшие эти области и давшие им свое имя, а в отношении языка влились в местное население, организованное и многочисленное. Это была культура, которая уже в позднем неолите (за 2000 лет до н.э. и даже ранее) продемонстрировала свою творческую силу возведением менгиров и дольменов.

Римляне, как это до них делали кельты, имели свои гарнизоны в укреплениях, из которых они контролировали стратегически важные дороги. Старое венетское население, относительно свободное, продолжало обрабатывать свои поля и разводить скот, выплачивая лишь предписанные новой властью подати. Пришельцы не стремились перегружать население различными податями, поскольку землепашцы, даже если бы и не взбунтовались, то могли бы просто уйти, и тогда возникли бы определенные проблемы со снабжением городов и армии.

С наступлением римского владычества распространение Римской культуры, как и латинского языка за пределами Италии ограничивается прежде всего городами. Однако даже крупный город Оглей (Аквилея) во Фриуле сохранил преимущественно исконное население, поскольку покровителем города остался бог Белин (Веленус), солнечное божество венетов Норика и карнов.

Романизация в пределах Римской империи постепенно нарастала, особенно в тех местностях, где селились многочисленные римские воины, чиновники и колонны. Это нам известно по римским провинциям Венеция, Паннония, Винделиция, позднее также Реция. Остается однако вопрос, до какой степени дошла романизация и когда она закончилась. По-видимому, лишь с наступлением христианства в средние века.

ВЕНЕТЫ

Западная группа славян (венеты) сохранила древний, лучше сказать праславянский пласт лексики, в то время как предки восточной и южной группы двинулось по новому пути развития (С.Вердиани) 23.

Множество славянских имен на территории, протянувшейся от Балтийского моря через Альпы до Верхней Адриатики, в Паданскую долину и до Апеннин, уже в прошлом веке привлекали внимание лингвистов и других ученых. Сегодня, когда история установила, что в доисторическое время на эту территорию проникли носители Культуры полей погребальных урн из Лужицы, которые, как утверждает языковедение, являются праславянскими венетами, или вендами, эти открытия предстают совершенно в ином свете.

Это касается и труда *Staroitalia slavjanska* (Вена, 1853), который в то время как раз закончил Ян Коллар 24. При этом им руководил, несомненно, панславянский пафос, романтическое славянство, которое проходит через все его произведения. Однако мы не должны по этой причине пренебрегать его исследованием, как это до сих пор имело место, хотя, конечно же, ему требуется критический пересмотр.

Здесь мы снова сталкиваемся с проблемой идеологии и ее вмешательства в толкование истории и прочих наук, в особенности общественных и лингвистики. Идеология обуславливает научные доводы и подчиняет их определенным, чаще всего национальным, или националистическим и политическим целям.

Так, историю Центральной Европы уже в прошлом веке подчинили два идеологических лагеря: пангерманизм и панславизм. Всю историю стали рассматривать в ракурсе отношений германцев со славянами и наоборот. А, поскольку таких народов в полном смысле этого понятия не существовало уже на протяжении целого тысячелетия, то доисторическое время, в которое таковые могли существовать, стало предметом научного спора: какому из народов должны принадлежать первые культуры в Европе, или, иначе сказано, – какой из них является более древним?

Исторические школы

В университетах Европы уже в первой половине прошлого столетия сформировались исторические школы, развивавшие собственные методики исследований. Кроме выполнения основной задачи, изучения исторического прошлого, они также открывали историю и культуру собственного народа, которой до того времени латинская церковная наука не уделяла внимания.

Во второй половине прошлого века обострившийся общественный кризис наложил на исторические школы заметный националистический отпечаток. Их предназначением стало не только изучение истории и культуры собственного народа, но и создание при помощи научных методов, такой истории, которая бы ему в сравнении с другими народами обеспечивала если не первенство, то максимальный авторитет. Отстаивание исторической правды приобрело второстепенное значение.

Идеологические наработки школ прошлого века дожили до наших дней. На словенскую историографию оказывали наибольшее влияние немецкая и чешская историческая школы через университеты в Вене, Граце и Праге. В Словении историография придерживалась в основном направлений названных университетов. Таким образом, по той или иной причине, самостоятельной словенской исторической школы не возникло. Прочие же исторические школы также обнаруживают идеологическую направленность.

Под влиянием немецкого национального движения в начале 19 в. возникла немецкая историческая школа, для которой характерно формирование исторических методик. Данным термином сначала обозначали германское языкознание, право и историю, которые, в немецком понимании общего «народного духа» считали единой наукой. Своего наивысшего подъема эта школа достигла стараниями К.Ф. Эйхгорна и Ф.К. Савиньи. Во второй половине 19 в. эта школа приобрела более выраженные немецкие национальные черты, а на рубеже столетий особый тон ей задал Густав Коссинна, выдвинувший т.н. археолого–поселенческую методику (*lex Kossinna*). Она впоследствии оказала решающее влияние не только на германскую, но и на европейскую историографию в целом.

Согласно теории Коссинны, предполагаемыми предками германцев были т.н. индогерманцы, которые отождествлялись с этносом индоевропейцев. В качестве носителей европейской культуры выдвигались лишь кельты, римляне и германцы. В отличие от них, славяне, как считалось, возникли лишь в 6 в. н.э., придя с заболоченных территорий по Припяти, из–за Карпат. Они находились, якобы, на очень низкой ступени общественного развития, и свое культурное наследие получили позднее от уже упомянутых носителей цивилизации.

Осознанно или нет, однако такой подход означал не что иное как апологию пангерманского замысла т.и. «натиска на Восток» («*Drang nach Osten*») и «моста до Адриатики» («*Brücke zur Adria*»), т.е. похода немецких культуртрегеров на земли, населенные неисторическими славянами, и с целью общего прогресса рода человеческого.

От этих идеологических тенденций школы Коссинны историческая наука еще не отделилась до конца. Теория существования индогерманцев оставила свой след в бесчисленном множестве книг, словарей, энциклопедий и т.п., которые используются как материал при написании новых работ, особенно в Западной Европе и Северной Америке. Читатель, не сведущий в славянских языках и источниках, истинную суть этих работ вряд ли сможет проверить.

В историографии славянских народов до первой мировой войны ведущую роль играла чешская историческая школа, представленная такими известными именами как П.И. Шафарик, Й. Добровский и в особенности Л.Нидерле, работы которого встретили чрезвычайно активный отклик. Свой новый взгляд на период, когда образовался этнос

славян, он обосновал в работе «Slovanske starozitnosti» (Прага, 1902–24). На основании антропологических, лингвистических, этнографических, а также исторических сведений Нидерле представлял себе существование славянской прародины в виде обширной территории, протяженной от Лабы на западе до Днепра на востоке.

На этой территории прародина славян в более узком смысле слова могла ограничиваться рядом областей, таких как современная Польша, или южная Белая Русь до Киева, Подолье. По сути дела Нидерле все еще располагал прародину славян «в тылу» Карпат, однако в отношении того, как они были представлены в истории, утверждал, что что уже во втором или третьем веке н.э., если даже не в первом, они проживали там же, где и ныне. (см. Х.Тума) 25.

Гипотезы Нидерле окончательно отвергали теорию т.н. автохтонистов, в особенности австрославянских, которые провозгlašали славян исконным населением Европы. Славяне якобы когда-то жили от Урала до Атлантического океана, славянской якобы была Этрурия (Я.Коллар), как и все семь римских холмов. Славянской будто бы была также культура скифов, сарматов и т.п. Очевидно, что при этом, во всяком случае, в том, что касается языка, славяне отождествлялись с индоевропейцами, ведь, если судить по языковому материалу, славян и поныне могли бы выводить почти непосредственно от общего индо-европейского ствола.

Прочие языковые группы от общего корня уже в значительной степени отделились. Это проблема, которую языкознание еще не прояснило в достаточной мере.

Объяснениям Нидерле была весьма близка и русская историческая школа, представленная прежде всего И.И. Барсовым, И.П. Филевичем и А.И. Погодиным. Последователи этой школы предполагали, что уже западнее от Вислы жили германцы. Позже А.А. Шахматов выдвинул и утвердил точку зрения, согласно которой прародина славян отодвигалась несколько к северу, к верхнему течению Немана и Северной Двины до озера Ильмень и реки Волхов; лишь впоследствии праславянский этнос мог переселиться на берега Вислы, на свою вторую родину, оставив первую балтам.

После революции 1917 г. в России Н.Я. Марр создал новую историческую школу, введя отрасли науки, которые основывались на марксистских взглядах. Как он считал, славяне были в Европе автохтонным народом, они ниоткуда не приходили, а произошли от родо-племенных общностей, населявших территории от Среднего течения Днепра до Лабы на Западе и от Прибалтики до Карпат на юге. После второй мировой войны советская историография хотя и пересмотрела взгляды Марра, однако теория прародины славян, которая находилась за Карпатами, считалась более или менее верной 26.

Этот взгляд еще со времени, предшествовавшего Первой мировой войне, был краеугольным камнем идеологии панславизма, как и его варианта – югославизма. Если германские империалистические круги, настаивая на утверждении о местонахождении прародины славян в болотистом Закарпатье, хотели подчеркнуть прежде всего неполноценность культуры славянских народов, а поход нацистов в славянские страны представляли в виде культурной миссии во имя прогресса человечества, то панславизм ставил иные цели.

Единый народ «югославян» в сообществе с другими братскими народами от Триеста до Владивостока демонстрировался австрославянским народам в духе восточного мессианства ради окончательного вызволения из–под немецкого ярма. История якобы подтверждала, что такой славянский народ, ядро которого размещалось в Закарпатье, когда–то существовал. Таким образом, повторная славянизация охначала бы лишь возврат к былой исконности и тем самым было бы оправдано.

Этот лозунг в условиях югославянского централизма после первой мировой войны приобрел в более или менее заметной степени форму идеологического принуждения. Поиск исторических корней словенцев за пределами южно–славянского массива, выведение корней народа, не из общности южных славян, а, вопреки официальным взглядам, из среды западных славян провозглашался политически сомнительным делом, псевдонаучным взглядом, национальным романтизмом, увлечением одиночек. И все это объявлялось уровнем, до которого не должна снисходить серьезная научная критика.

После Первой мировой войны, вне идеологических рамок, обусловленных немецкой и русской точкой зрения, за поиск истоков славян взялась польская историческая школа, представленная прежде всего именами Й.Костжевского и Л.Козловского (доисторический период), Й.Чекановского и Л.Стояновского (антропология, этнология), Т.Лер–Сплавиньского (сравнительное языкознание). Уже в 1922 году эта школа выдвинула в качестве своего исходного пункта гипотезу о том, что культурную основу возникновения праславян положила Лужицкая культура. Польские ученые в течение многих лет вели тщательные исследования, к ним присоединились М.Рудницкий (языкознание) и К.Мошинский (этнология), окончательное согласование, обработку и публикацию материалов осуществил уже после второй мировой войны Т.Лер–Сплавиньски 27.

Польские ученые в своей работе, несомненно, также допускали выражение национального пафоса, однако, несмотря на допущенные крайности, как, например, предположение о присутствии праславян между Вислой и Одером за два с половиной тысячелетия до н.э. (Й.Костшевски), именно польская школа в сравнении с немецкой или русской в данной области характеризуется наибольшей системностью. Польскую же гипотезу об истоках славян в Лужицкой культуре германская, а вслед за ним и западная, историография последовательно отменяет 28. Что же касается панславистов, придерживающихся закарпатской теории славянской прародины, то они ее упорно не замечают.

В своих выкладках польские авторы приводят прежде всего исторические свидетельства, относящиеся к праславянам (Лер–Сплавиньски) 29. Частью их могли являться уже негры, о которых Геродот (5 в. до н.э.) пишет, что они населяли территории между Верхним течением Днестра и средним течением Днепра и являются северо–западными соседями скифов, также как и венеты (Vinidae, Uenedai), которых на стыке 1–2 вв. н.э. упоминают Плиний, Птолемей и Тацит. Опираясь на сравнительное языкознание и на исконные гидронимы, польские ученые объясняют происхождение славян следующим образом.

В третий подпериод неолита (2000–1700 гг. до н.э.) в Центральной Европе возникает т.н. Культура шнуrowой керамики (боевых топоров), ее носители перебираются через

Одер и двигаются на восток, на территории Культуры головчатой керамики, характерной для финно–угорских этносов.

В результате встречи двух культур на пространствах между Одером и Вислой формируется культурно–родовой слой, из которого вышли праславяне. Сначала на востоке, по Волге и Оке, где прежняя головчатая керамика была подчинена более сильной шнуровой, формируется культурно–родовой и языковой слой, в котором распознаются прабалты.

После 1700 г. до н.э. на восток перебираются новые этносы, которые имеют черты Унетицкой культуры (Чехия). Из этой культуры во второй период бронзового века развивается знаменитая Лужицкая культура (1300–1100 вв. до н.э.), в пределах которой окончательно формируется языковая и этническая общность праславян.

На востоке Лужицкая культура никогда в истории не пересекала антропогеографической разделительной черты, в роли которой выступала река Буг. Тем самым была прервана вначале существовавшая связь между культурами прабалтов и праславян. Носители Лужицкой культуры же были праславянами, исторически известными нам как венеты или венды.

Конь и меч

Польская историография, рассматривая позднейшие периоды, обращается прежде всего к событиям, имевшим место на территории современной Польши и прилегающих областей. Несмотря на некоторые неясности, которые все еще являются предметом дискуссий или критики, существующие исследования в рамках идеологии свободного польского языкознания и археологии подтвердили два существенных для данного труда исходных момента:

- Лужицкая культура – это основа, на которой формируются праславяне, или венеты;
- Венеты, называемые также вендами, являются носителями пришедшей ей на смену Культуры полей погребальных урн и ее проникновения на обширные территории Европы и Средиземноморья.

Остатки укрепленных городищ и военных лагерей, раскопанные на территории Лужицкой культуры, свидетельствуют, что ее носители имели мощную власть и военную организацию, а также о том, что они часто конфликтовали с соседями, германцами и скифами 30. В числе археологических находок упоминается тяжелый меч с литой рукояткой, которая обеспечивала плотность обхвата (15–13 вв. до н.э.) 31, и кони 32, незаменимые в бою. Такая организация и оснащенность обеспечивала носителям Культуры погребальных урн, венетам, быстрое проникновение на обширные европейские территории.

Позднее греческие источники (например, Эврипид в своем труде «Ипполит», 5 в. до н.э.,) упоминают, что венеты обладали хорошим навыком содержания лошадей. В венетских культурах Вилланова, Голасекка, Эсте и Гальштат изображение лошади встречается чаще, чем изображение какого–либо другого животного. Известно же, что в Восточных Альпах, в Норике в римские времена имелись как рабочие тяжеловозы, так и ездовые лошади 33.

Переселение, вызванное в 13 в. до н.э. венетскими походами, проходило в период общности Культур погребальных урн, и было самой крупной религиозной революцией в древнейшей истории, которая потрясла самые основы Европы и Средиземноморья. В те времена не было перенаселенности территорий, и возможные грабительские нашествия имели эпизодический характер. Они были направлены в определенные местности, поэтому походы на столь далекие расстояния мы можем приписать завоевательным целям миссионерского фанатизма, во главе которого стояли, как нам говорят археологические находки, верхние слои общества, т.н. «аристократия».

С родных территорий в Центральной Европе походы венетов докатились до современной Голландии, Британии, через Францию – до Испании, а также на Апеннины и в Скандинавию. Во всех этих местностях они оставили свои урновые погребения. Скорее всего, они уже тогда прорвались к Уралу и на Кавказ. Территорией их плотного расселения была Центральная Европа.

Венеты своими походами и вторжениями провоцировали новые переселения, в особенности наплыв различных этносов в Грецию, Малую Азию, на Ближний Восток. В современной Македонии восстали дорийцы против микенцев, они завоевали позднее царство минойцев на Пелопоннесе и на Крите. На Анатолию обрушиваются фригийцы и разрушают мощное царство гефитов. Разрушена также знаменитая Троя (в археологическом понятии Троя VII). Мощные силы катятся по суше дальше, завоевывают и рушат целые города, опустошают поля. Морем же подходит их флот, который завоевал Кипр.

Египетские записи упоминают их как «племена с моря». Фараон Рамзес III выходит со своей армией им навстречу и наносит им поражение, но тут же вынужден вновь выходить на берег, поскольку их суда уже заплыли в рукава Нила, – чтобы одолеть их морские силы. Египет был спасен. Среди этих племен были тогда и филистимляне, которые после поражения (1188 г. до н.э.) поселились в приморских низменностях Палестины.

Керамика филистимлян носит совершенно миккенский орнамент и говорит о том, что этот этнос пришел сюда через Микены и Крит. На Крите раскопали относимые к этому периоду мечи с полной рукояткой, похожие на центрально-европейские. Некоторые имена на Ближнем Востоке, такие как Суэц (zveza – «связь», Табор (tabor – «лагерь») указывают на связи с Центральной Европой. Невозможно, однако, установить, какую долю в этом нашествии «племен с моря» на Ближний Восток составляли непосредственно венеты. Над прояснением этого вопроса необходима дальнейшая работа.

После всей этой активности венеты еще в течение всего первого тысячелетия до н.э. во многих местностях помнили свое родовое имя и происхождение. Может быть, в большинстве случаев, они помнили также свой исконный язык. В более поздние времена древнегреческие и древнеримские авторы доносят до нас следующие наименования венетских племен, проживавших в различных землях 34:

1. Венеты в Пафлагонии (северное побережье Малой Азии), которых в 9 в. до н.э. упоминает Гомер в «Илиаде» (852). Он говорит, что Пилемен из рода энетов (Enetoi), предводитель пафлагонцев, пришел со специальным отрядом на помощь осажденной Трое. На это сообщение в дальнейшем более или менее очевидно опираются все

греческие и латинские авторы, упоминающие о венетах. Их называют также «генетами», поскольку греческий язык не знал звука «в», поэтому греки замещали его звуком «h», дигаммой, который произносился как нечто среднее между «b» и «v».

2. Венеты в Иллирике, по нижнему течению Дуная, упоминаемые Геродотом в 5 в. до н.э. (I, 196). Геродот также называет их «Enetoi», его упоминание вплоть до недавнего времени помогало историкам отождествлять венетов с иллирийцами. пока лингвистика после второй мировой войны не доказала достоверно, что это два различных этноса.

3. Венеты в Верхней Адриатике, которых также упоминает Геродот (V, 9). Латинские авторы их называют венетами, и в этой связи приводят также историю о том, что их после падения Трои привел в эти местности легендарный вождь Антенор.

4. Венеты в Центральной Европе, которых в 1/2 вв. н.э. упоминает Тацит (Ger., 64) и Плиний (IV, 97) под именем Veneti, Venethi или Venedi, а также Птолемей (III, 5) под именем Uenedai. Последний упоминает также Венетский залив (возле Гданьска) и Венетское нагорье (в Мазовше, или Восточной Пруссии)

5. Венеты в Галлии (Бретань), упоминаемые Цезарем, Плинием, Страбоном, Птолемеем, Кассием Дио и др. Эти венеты возвели свое поселение также в Британии, известное под названием Venedotia или Gwineth.

6. Venetus lacus, так называет Помпоний Мела (III, 24) нынешнее Боденское озеро в 1 в. н.э. Возможность того, что данное слово происходило от «vapam» («вода») или обозначало синий цвет, не столь велика, чтобы пренебречь этим историческим упоминанием (G.B.Pellegrini). Наименование Boden стоит выводить из слова «voda» – «вода».

7. Венеты в Лации, упоминаемые Плинием под названием Venetulani (Nat.hist. III, 69). Археология, как уже говорилось, утверждает, что арийское население присутствовало уже после переселения народов, относимого к периоду Культуры полей погребальных урн на склонах Албанских гор и в римском Палатине (G.Sergi).

Самостоятельность языка венетов в начале 1960–х годов признало, наконец, германское языкознание (Г.Крае, Г.Кронассер), после того как оно в течение столетия защищало точку зрения, что до кельтов территория Европы была заселена иллирийцами, якобы являвшимися носителями Культуры полей погребальных урн и, позднее, Гальштата 35. Об исконном языке венетов у нас нет письменных текстовых свидетельств, но сохранились многочисленные надписи адриатических венетов Культуры Эсте. Разгадать эти надписи до сих пор не удалось никому, кроме как Матея Бора.

Итальянские лингвисты считают, что в самом латинском языке присутствуют пласты венетской лексики, но их еще не анализировали в сравнении со славянской лексикой, которая более близка индо–европейской. А ведь только так можно было бы установить их основное значение. Очевидно, этого не сделали, исходя из убеждения, что славянская группа языков – последняя из сформировавшихся в Европе. Когда же сравнение со славянскими языками неизбежно, исследователи прибегают к обозначению «индо–европейский язык», тем самым закрывая праславянское происхождение венетов.

Венеты и словенцы

В более основательном исследовании невозможно обойти мысль о том, что имя «венеты», или «венеды» фактически относится к славянам, или праславянам, и что между понятиями «индо–европейский» и «праславянский» существует тесная связь. Многие специалисты, которые не знают славянских языков или знакомы с ними лишь поверхностно, утверждают следующее.

Этническое наименование «венеты» распространилось на широкие территории, где в то или иное время и в той или большей степени были распространены урновые захоронения. В германском мире имя «венеты» в смысле обозначения этноса, относится к соседям–славянам, а также к балтам.

Появление венетов отождествляется с приходом «завоевателей», «организаторов». Везде, где встречается имя «венеты», речь идет об организованном народе с индо–европейской языковой традицией, который по отношению к другим характеризуется как «победитель». Этнос венетов утверждается на срединных территориях и вытесняет на периферийные земли (кельтские и индо–европейские) более древнее имя «арийцы» (G.Devoto) 36. К этому следует добавить: этносы и говоры западных славян ответвляются от праславянского корня (C.Verdiani) 37.

Имя «венеты» могло по одной из версий происходить от понятия «побеждать» (G.Devoto). Некоторые исследователи выводят его из понятия «большой народ» (Lehr–Splavinski) 38. Это зависит от того, какое значение приписывать корню «ven–» – «побеждать» (vincere) или «торговать» (vendere), или же выводить его от праславянского «veti». Однако ни одно из приводимых объяснений не имеет безоговорочного подтверждения.

В сравнении с этим, достаточно убедительным кажется выведение имени «венеты» от имени «словенцы». Исконное имя «словенеты», после палатализации и редукции полугласного звука: «slovene(t)ci», в произношении соседних народов уже довольно быстро утратило начальный слог и дошло до нас в виде «(сло)венеты», «венеты», как утверждает Матей Бор в своем исследовании.

Удивительно, как точно совпадают имена «словенцы» («словены» и «венеты» – как с исторической, так и с географической точки зрения. Оба этих имени сохранились до сегодняшнего дня только у западных славян, которые происходят из праславянского ядра, а именно: словенцы, славонцы, словаки, словинцы (поморяне), а также венды (лужицкие сербы) и словене у озера Ильмень под Новгородом в Северо–Восточной Руси, которых в начале 12 в. упоминает Нестор в своей летописи 39.

На западной окраине славянского мира, расстилающегося от Адриатики до Прибалтики, до сих пор появляется историческое имя «венеты», или «венды». Славянские языки на этой территории сохранили некоторые древние особенности, как, например, праславянское сочетание согласных *tl* и *dl*, которые сохранились в зильском диалекте Корошки, например: *sidlo*, *mocidlo* или в общеславянском, напр. *dleto*, *pletla je* и т.п. То же самое наблюдается в северо–западном наречии русского языка вблизи города Псков, недалеко от Новгорода, то есть на территориях, где, по Нестору, обитали «словене» 40. Археологи утверждают, что предки словен пришли на эту территорию во

2–3 в. н.э., причем из области распространения венедской культуры в Центральной Польше (группа Пшеворск) 41.

Исконное имя «словене» («словенцы») сопровождает, таким образом, венетов с самого начала. В средневековье их также весьма хорошо отличали от прочих славянских народов. Их поселения вдоль центральногерманских рек Регниц (Рейн) и Мен (Майна) были называемы «Ratenuuinida» и «Moинуuinida», а ближайший славянский или, быть может, ославяненный этнос чехов назывался «Beouinida». Для обозначения последних у их германских соседей вплоть до настоящего времени сохранилось разделение на «Beheim» (чехи) и «Vint» (словены) 42. Это указывает на то, что чешский народ сформировался из двух племен: кельтских бойев и праславянских вендов.

Древнее имя «словенец» («словенет»), или «словен», следует выводить из наиболее естественного значения, хотя некоторым такой подход представляется слишком упрощенным: в славянских языках, где присутствует слово «слово», понятие «словенец» означает человека, который говорит так, что его понятно. Этимологические построения типа «сыны Славы», где «Слава» – древняя богиня или честь (слава), или «берега некоей реки Слова», 43– лишены достаточных оснований.

На Западе словенцы вступали в контакт с племенем, речи которого они не понимали и поэтому называли их «немцы». Это обозначение, очевидно, восходит к слову «немой» (в значении «непонятный»). С исторической точки зрения, нельзя сказать, насколько старым является обозначение «немцы», по всей вероятности, оно является доисторическим, поскольку мы находим его практически у всех славянских народов. Однако в исторических источниках данный этнос выступает под названием «германцы».

Что касается их происхождения, то, по крайней мере, в Европе трудно найти другой наглядный пример того, как националистическая идеология, укоренившаяся в науке, пыталась увековечить имя какого-либо народа, как это пыталась сделать немецкая нацистская идеология по отношению к названию «германцы».

Упомянутый немецкий археолог Г.Коссинна связывал германцев с арийцами (индогерманцы). Появление прагерманцев он относил ко второму тысячелетию до н.э. Исследование древнейшей истории он тесно связывал с целями германского нацизма, а его наследники и приверженцы в этом пошли еще дальше. Что касается вопроса этнического происхождения древнейших культур, то немецкая национальная школа Косинны после первой мировой войны вступила в острый научный спор с польскими исследователями. Немецкая сторона и по сей день противостоит идее славянскости Лужицкой культуры.

Первая археологическая культура, которую мы можем со значительной степенью достоверности приписывать германцам, – это культура Ясторф (Jastorf). Это общее имя для различных проживавших на территориях к западу от Ганновера до морского побережья групп, которые были разбросаны также в Среднем Полабье, до самого Мекленбурга, Шлессвига, Гольштейна и Ютландии. Развитие этой культуры прослеживается от древнейшего Гальштата далее, когда начинает возникать германский язык, параллельно развитию Латенской культуры в Центральной и Западной Европе. Она выделилась из более древней местной культуры, под мощным влиянием культуры полей погребальных урн.

Позднее культура Ясторф принимала с юга все более настойчивое воздействие культуры Латен и в значительной степени кельтизировалась. Первоначальная организация, т.н. «sīra» – словен. «zupa» («жупа»), у германцев сохранялась значительно дольше, чем у тех европейских кародов, которые вступали в контакт с культурной средой на юге. В любом случае общественно–экономическое развитие германцев с периода Латен получило хороший импульс 44.

Лексика немецкого языка на две трети не является германской. И, как можно видеть на их примере, процесс формирования какого–либо этноса может быть весьма затяжным. Язык может выделиться уже в родовой общине и развиваться самостоятельно. О народе можно говорить после того, как данная общность на основе собственной культуры в своей среде обитания создаст некое духовное и культурное целое, выйдет на такой уровень внутренних связей, что будет способна самостоятельно представлять себя перед лицом внешнего мира. Это возможно и без собственного языка при наличии собственного наречия. Решающее значение здесь имеет сознание принадлежности определенной общности. Соответствующую иллюстрацию можно найти в современности. Например, эльзасцы, будучи германского происхождения, являются частью французской нации.

ЯЗЫК И НАРОДЫ

В науке нет общепринятого представления о том, что такое племя, народ, государство и т.п. Археология занимается исследованием всего лишь культурных групп, а также более крупных единиц – культур, которые определенным образом соответствуют государственному делению. Социология применяет к государствам еще более строгие критерии, а народ почти отождествляют с государством.

Языкознание отождествляет народ с определенным языком. Последний критерий не является бесспорным, так как различные этносы или племена могут говорить на одном и том же языке и при этом различаться между собой. Определяя, какое племя или какой народ был в истории самостоятельным народом, несомненно, следует опираться на общественное сознание данного народа, то есть на осознании принадлежности к определенному организму, невзирая на язык или культуру.

В Европе человеческая речь должна было войти в обиход уже со времени древнекаменного века, то есть 80 тыс. лет назад. Тогдашний «Homo sapiens diluvialis», называемый также кроманьонцем, должен был в обиходе употреблять уже некое подобие индоевропейского языка, как считает немецкий исследователь E. Roth 45. Однако лишь в среднекаменном веке, за 5000 лет до н.э. родственные группы («жупы») на территории к северу от Дуная переходят к оседлому образу жизни, занимаются скотоводством и земледелием, особенно в широком поясе плодородных черноземных почв.

На этих территориях, в самом сердце Европы, около 4000 г. до н.э. преобладает земледельческая Культура ленточной керамики, севернее от нее низины все еще населяют охотники, рыбаки, собиратели. Затем следуют вторжения представителей Культуры воронковидных кубков с севера. Для периода, датируемого 2800 г. до н.э., можно предполагать, что некая лидирующая группа заставила сохранившихся здесь охотников перейти к животноводству. Культура ленточной керамики и воронковидных

кубков как бы переживает свой закат, что можно объяснить лишь тем, что ее носители переходят к Культуре шнуrowой керамики, которая представляет собой нечто вроде культурной среды определенного круга этносов.

К концу данного цикла развития, ближе к 2000 году до н.э. индоевропейцы как племя в своем зачаточном виде, либо венеты (по более ранним обозначениям – иллирийцы) представляются самым древним племенем Центральной Европы. Они имеют строгую организацию, о чем свидетельствуют захоронения предводителей, относимых к высшему слою, или аристократии. Языковеды считают, что именно тогда индоевропейский язык уже разделился на две языковые группы – «kentum» (западную) и «satem» (восточную), что произошло, очевидно, ввиду значительной протяженности индоевропейских территорий.

Примерно за 1700 лет до н.э. предположительно разделилась восточная индоевропейская языковая группа, известная как балто–славянская, на прабалтийскую и праславянскую. В более западной части, на праславянских, или, может быть, уже венетских, землях формируется Унетицкая культура (на территории современной Чехии), т.е. во второй период бронзового века, и эта культура примерно после 1300 г. н.э. переоформляется в знаменитую Лужицкую культуру.

Эта последняя явилась не только языковой, но и вещественной, и духовной основой для новой, сильнейшей общественной организации венетов или словенов (праславян). Она имела мощную военно–оборонительную организацию, чтобы защищаться от чужих нападений. И действительно, археологи обнаружили в Центральной Европе следы частых набегов из восточно–европейских степей, датируемых 1500 г. до н.э. Возможность таких набегов на столь дальние расстояния объясняются использованием прирученных лошадей, что в это время впервые находит распространение в степных районах Восточной Европы.

Развитие коневодства в быту древнейших племен Европы, явилось в определенном смысле вехой. Нападающие впервые могли за сравнительно краткое время пересечь на лошадях значительные расстояния. Население, подвергавшееся нападениям, вынуждено было строить укрепления, совершенствовать оружие, делать значительные запасы продовольствия и готовить все необходимое для контратаки, что требовало наличия особо хорошо развитой командно–оборонной, или военной организации. Для этого также нужны были лошади, добротное оружие, а прежде всего боевая сила, способная успешно отразить удар. Все это нам демонстрирует Лужицкая культура, а после нее Культура полей погребальных урн.

Праславянское племя венетов, или словенцев, происходившее из упомянутых культур, означает тот самый ствол, от которого впоследствии отпочковались другие славянские группы. При этом речь в первую очередь идет не о языковых различиях, а о новых культурных группах, каждая из которых имела свое жизненное пространство и свой образ жизни. Такой культурной группой в период 700–400 г. до н.э. была т.н. Высоцкая культура по верхнему течению Днестра и среднему течению Днепра. Греческий писатель Геродот в 5 в. до н.э. называет это племя неврами. Потом, в период 400–100 гг. до н.э. ее перекрывает группа Пшеворск, которая во 2–3 вв. н.э. распространяется на север, к бассейну Припяти, то есть на территории современной Северной Украины и Беларуси, где сливается с местной праславянской общностью, известной как Зарубинецкая культура. Из этих культур формируется группа Восточных славян.

Археологи относят к началу 2 в. н.э. проникновение славян на Балканы. В 4 в. н.э. на эти земли вторглись также и гунны, разрушившие предварительно восточно-европейское царство готтов. В середине 5-го в. гунны потерпели поражение, и тогда на Балканы устремился мощный поток славян. Они приходили сюда через Карпаты к югу по Тисе. Другие пути были с востока к Влашской низине; с севера через Паннонскую низменность и на Западные Балканы.

Разграничение между названными потоками по сей день остается спорным (J/ Filip) 46. Достоверные письменные свидетельства об этих славянах появляются лишь после того как они направляются на юг через Дунай, в Византийское царство. При правительстве Юстиниана I (527–565) они уже угрожают Византии, затем проникают в Грецию, и некоторые из них селятся на Пелопоннесе и Эгейских островах. В 7 веке они обживают всю территорию Балкан. Эти поселения дают начало формированию южных славян.

А. Арии (Индоевропейцы)

Б. Балто-славяне

В. Праславяне

Лужицкая культура (13 в. до н.э.)

Г. Западные. Д. Восточные. Е. Южные славяне
(венеты) 2–3 вв. н.э 5–6 вв. н.э.

словенцы поляки украинцы хорваты болгары
полабяне чехи белорусы сербы македонцы
сорбы словаки русские

В соотношении В – Г происхождение племен, или их языков, явствует из их родства в том что касается грамматического строя современных языков, сходства словарного запаса, чего не наблюдается ни в какой другой группе арийских языков 47.

Доказательств прихода предков словенцев в Альпы с южнославянских территорий невозможно найти ни в области археологии, ни по историческим свидетельствам.⁴⁸ Родство словенского языка с другими южно-славянскими языками, и прежде всего с кайкавским диалектом хорватского языка, старинным говором Славонии, – следствие западно-славянского переселенческого потока при формировании южных славян. Из этого потока происходит, вероятно, и культура Кестель (Keszthely) (6–8 вв.) в Западной Паннонии, которую не представляется возможным приписывать обрам, т.к. она возникла посредством слияния остатков романского населения и поселившихся здесь славян.

В последующие века, особенно в 15, штокавщина, в связи с притоком т.н. «ускоков» – выходцев из тех оказавшихся под турками регионов, где говорили по-сербски (штокавская разновидность диалектов), вытесняет исконные кайкавские говоры на окраины Славонии.

Все три группы, которые мы сегодня относим к славянским, упоминает в 6 в. готский историк Йордан (Getica 34–35), говоря о происхождении и деяниях готов: 1) венетов как общее обозначение славянских племен и как группа на обширной территории

вплоть до Вислы; 2) склавенов – от устья Савы до дельты Дуная; 3) антов – между Днестром и Днепром 49. Эта классификация Йордана соответствует разделению на западных, южных и восточных славян.

СВИДЕТЕЛЬСТВА СЛОВЕНСКОГО ЯЗЫКА

Центральная Европа – это территория, на которой, как можно утверждать, примерно за два тысячелетия до н.э., т.е. в период Культуры шнуровой керамики (существовавшей с 2800 г. до н.э.) проживало племя индоевропейцев, язык которых был весьма древним и возник за несколько десятков тысяч лет до описываемого времени. Их наречие уходит своими корнями, как уже отмечалось, в первый период палеолита, к периоду организованных родовых общин (E.Richt).

В период Культуры шнуровой керамики индоевропейцы являлись не только языковой общностью, но общностью племен, основой которой была общая земледельческая культура. И эта культура проходит потом через все исторические периоды (Унетцкий, Лужицкий, Гальштат, Латен), до римского периода и далее, в средние века, вплоть до нового времени.

Носители этой культуры относятся к земледельческому народу, во главе которого стоят различные «аристократии». В постоянном контакте с соседями этот народ во многих регионах перенимает на протяжении тысячелетий чужие языки. В результате возникают различные языковые группы.

Вопреки взглядам, существовавшим в довоенное время, что этот древний народ были иллирийцы, в настоящее время в научных кругах полностью победило утверждение, что этот народ назывался венетами. Его исконное имя должно было быть «словенти» (словенцы), от «слово», то есть люди, которые друг друга понимают (М.Бор).

Рассыпанные по всей Европе имена с основой «vend» также подтверждают идентичность данного народа. То, что его языковое и культурное наследство в значительной мере сохраняется именно в словенском народе и его культуре земледелия, подтверждают многочисленные топонимы, гидронимы и этнонимы в Европе, значение которых нам понятно и сейчас. В качестве примера можно привести следующие индоевропейские корни *ker (торчать, возвышаться), *kam (согнутый, искривленный), *kar (копать), *mer (мерить, отмерять), *pelth (широкий = как поле), *kut (покрывать, кутать), *dhubh (углубленный, погрязший). Характерным является корень *wig (битва, война, оборона, противодействие), который в этом же значении сохранился в германских языках 50.

Однако в топонимах в германском мире этот же корень проявляется и как «vik» (лат. vicus), что означает населенный пункт. И это значение – то же самое, что в западославянском и словенском слове «vas» (крестьянское поселение), а по-русски «весь». Таким образом, значение населенного пункта в наименовании vik/vas исходит от венетов, которые уже до германцев населяли нынешние германские территории. Более того, словенское «iti v vas» («идти в село», т.е. в гости), а также «vasovati» (т.е. находиться в обществе), указывают на изначальную, выраженно крестьянскую общность, которая имела также характер прикрытия, защиты, о чем свидетельствует исконное значение, содержащееся в корне этого слова.

Словенский язык, являющийся западнославянским по своему происхождению, сохраняет, как это свойственно языку населения земледельцев, характерные индоевропейские и праславянские элементы. Он принадлежит западнославянской группе, являвшейся наследницей первичного этноса венетов. В ней праславянская основа присутствовала в течение длительного времени. Еще во Фрейзингских отрывках, датируемых 10 веком, словенский язык не слишком далеко отстоит от праславянского (Й.Топоришич). В отличие от нее южнославянская языковая группа формируется в привязке к новой почве (Фр. Рамовш) 51. От данной группы словенский язык характерно отличают сохранившиеся праславянские особенности и даже родство с балтскими языками.

Существует более чем достаточно доказательств тому, что словенская языковая основа имеет существенные черты северно- и западнославянского типа, который уже с самого начала развивался под продолжительным южнославянским влиянием (Фр.Безлай) 52.

Если для какого-либо славянского слова, не имеющего соответствующих славянских параллелей, не находится романских, германских или венгерских соответствий, я мысленно произвожу наиболее вероятную праславянскую реконструкцию. Результат перевожу в прабалтский язык и выстраиваю из полученного материала современное литовское или латышское слово. Теперь я уже не удивляюсь, если это слово я действительно нахожу в словаре в значении, соответствующем исходному славянскому слову (Фр.Безлай) 53.

Помимо лексического родства с балтскими языками, в словенском языке представлены еще многие другие праславянские элементы: двойственное число, как и у лужицких сербов; супин, как и у чехов, родительный отрицания, характерный для балто-славянской группы и т.п. 54. Необычайно огромное число диалектов, около 50, как ни в одном из славянских языков, также указывает на архаичность словенского языка, в особенности по сравнению с более молодыми южнославянскими языками, которые по этой причине менее разнообразны в диалектах.

О северном происхождении говорит наличие г в относительных местоимениях kdor, kar, kakor, odkoder, nikamor, чего в южнославянских языках не наблюдается. И, наконец, акцент на предпоследнем слоге, сообщающий словенскому языку, в отличие от южнославянских, совершенно другую мелодику. В словенском языке сохранились отголоски всех праславянских исходных черт (Фр. Безлай) 55.

Как далее заключает Фр. Безлай 56, пласт балто-славянских лексических параллелей и архаизмов в словенском языке говорит в пользу гипотезы, что зачатки самостоятельности словенского этноса уходят в то время, когда метатезы еще были продуктивным явлением, т.е., по меньшей мере, в 4 в.н.э. По его мнению, мы не можем сказать имелись ли эти зачатки еще в праславянской прародине, или же одна из волн переселений возникла здесь, на юге, за несколько столетий до других.

В действительности же могло иметь место последнее из его предположений о том, что одна из славянских волн переселения возникла на юге значительно ранее остальных. И это подтверждают археологические открытия, свидетельствующие о распространении Культуры полей погребальных урн с территории Лужицы после 1200 г. до н.э., а также выводы языкознания, которое установило, что насителями данной культуры были

венеты (G.Devoto), то есть праславяне, ныне западные славяне (C.Verdiani). Эта волна переселений пришла с севера не то что на несколько веков, но на полторы тысячи лет раньше остальных. После нее археология уже не находит каких-либо следов другой волны, в котором можно было бы распознать признаки переселения какого-либо из славянских народов. И это было до 5–6 вв. н.э.

В этой связи мы должны попытаться дать ответ на вопрос, почему южные славяне после своего переселения на Балканы в 5–6 вв. переживали иной путь языкового и общественного развития, нежели словенцы?

При переселении на Балканы произошла встреча восточной и западной волны славян, что явилось поводом для возникновения новой славянской языковой группы.

Следует уяснить, каково было при этом влияние иллирийского и фракийского языков, то есть языков населения, которое здесь проживало ранее. Если древние иллирийцы или фракийцы к тому времени были латинизованы или эллинизированы, то южнославянские языки должны были позаимствовать у них множество латинских и греческих слов. Мы ведь не можем допустить, что оба народа, населявших Балканы, бежали отсюда под натиском славян, или полностью укрылись за крепостными стенами приморских городов, или просто растворились в славянском «море».

Коренное население в большинстве своем осталось на прежнем месте и затем смешались со славянскими пришельцами. Их язык, иллирийский или фракийский, должен был быть еще довольно близким индоевропейскому, подобно праславянскому языку. Поэтому в южнославянских языках иллирийские или фракийские слова не выделяются. Совершенно другое дело – албанский язык, в огромной мере подверженный влиянию греческого, а впоследствии – турецкому влиянию.

Если в южнославянских языках пласт более древней иллирийско-фракийской лексики не особо выражен, то, с другой стороны, тем более характерны южнославянские особенности в народной культуре. Сельскохозяйственная культура южных славян сильно отличается от этого вида культуры словенцев, а также и прочих славян. И эти особенности мы, очевидно, должны отнести именно на счет иллирийского и фракийского наследия.

В сравнении с южными славянами как язык, так и народная культура словенцев свидетельствуют о качественно иных исторических корнях. Как уже упоминалось, словенцы относятся к праславянской ветви западных славян, предки которых уже в период переселения времен Культур погребальных урн заселили склоны Альп. И там, прежде всего, в Восточных Альпах, они сохранились, в том числе и в период Гальштата, Латена, римского Норика и средневековой Карантании, вплоть до наших дней. Этот факт следует учитывать языкознанию, так же как и историографии, по крайней мере, в качестве одного из исходных положений для дальнейших исследований.

Весьма часто иностранные ученые касаются проблемы венетов и словенцев. И чрезвычайно характерно то, что заключает о венетах известный языковед и историк Г.Б.Пеллегрини: «Что касается непосредственно венетского языка, следует заново перепроверить его место в лингвистике, его территорию. С тех пор как изжило себя понятие иллиризма (которым мы для собственного удобства еще довольно часто

оперировали), то нам остается: «in primis» вопрос некельтского индоевропеизма в Норике и Паннонии» 57. Также и польские писатели, которые выступили с серьезными аргументами против монополии немецкой науки в этой области, вопросу о словенцах не уделяли отдельного внимания, хотя в научном мире и обосновывали собственную позицию по вопросу о происхождении славян. Поэтому именно сейчас назрела необходимость для словенцев заняться самостоятельным поиском собственных корней, не считаясь с закулисными целями идеологий.

РИМСКАЯ ЭПОХА

Норик

Как уже упоминалось, из Культуры полей погребальных урн, которую праславянские венеты в 13 веке до нашей эры распространили по Европе, в эпоху бронзового и раннего железного века формируются новые культурные общности. На определенной территории от Балтики до Адриатики носителями их были венеты.

В Центральных и Восточных Альпах и близлежащих областях, которые в рамках данного исследования нас особенно интересуют, на основе, созданной венетами, развились цветущие культуры, которые археология именует по местам важнейших находок: Вилланова, Эсте, Голасекка, Мелаун и Гальштат.

В нижней Падане влияние этрусков на культуру Вилланова все усиливалось, и к концу 6 века до н.э. эта культура совершенно утрачивает свою самостоятельность. Центр ее – Фельсина (Болонья) – стал одним из наиболее значительных этруских городов.

В начале 4 века до н.э. в Падану вторглись полчища кельтов, захватив и Фельсину. На этом закончился этруский период культуры Вилланова. Под натиском кельтов наступил и закат культуры Голасекка в Верхней Падане. Однако находки при раскопках, как и многочисленные местные топонимы в близлежащих Альпах, по холмам вокруг озер и у подножия Альп, а также на равнине, например, в области Равенна, свидетельствуют о том, что первичный слой венетов – словенов – и после вторжения кельтов сохранялся в земледельческо–пастушеской субкультуре еще долго, вплоть до периода римлян.

Нашествие кельтов незначительно затронуло и культуру Эсте на Венецианской низменности и в близлежащих Альпах, так что она сохранилась до периода римлян. Археологические находки, относящиеся к ее последней стадии (Эсте IV) составляют лишь небольшое количество предметов из кельтской культуры Латена. И все же значительное число фигурок нагих воинов и латенская боевая амуниция: каска, меч, щит, наконечники стрел (раскопки в Лаголе) 58, – могут свидетельствовать о том, что верхний слой этой культуры – кельтский. Кельты также чтили богиню этой страны Гекату, как и местное население (Р. Питтиони).

Слой кельтов, в той степени, в какой он здесь действительно существовал, связанный с изделиями Латенской культуры, постепенно сходит на нет. Кельты, вероятно, присутствующие в области влияния культуры Эсте, не могли быть какой–то захватнической силой, скорее это были какие–то союзнические воинские части. И

кельтские имена на памятниках из поздней культуры Эсте не свидетельствуют об ассимиляции кельтами венетов, а только о духе союзничества между ними.

Venetia

В 225 году до н.э. римляне нанесли кельтам тяжелое поражение на этрусском берегу при Теламоне. Поражение это означало постепенное затухание кельтской гегемонии в Падане. Так, римляне в 192 году до н.э. захватили город *Boonopia* (Фельсина, сейчас Болонья), который был средоточием кельтских боев. В 183 году до н.э. они завоевали также область культуры Эсте и дали ей название *Venetia* по жившим там венетам. Это название сохранилось до нашего времени: Венето (ит. *Veneto*) – для области Венеция (ит. *Venezia*) – для ее главного города.

Римское название *Venetia* свидетельствуют о том, что во время появления римлян в этой местности все еще значительно преобладало старое венетское население и его язык. В наречии Венеции, Падуи и Мантуи до сегодняшнего дня сохранились многие слова, родственные формы и значения для которых мы находим в современных славянских языках. Они свидетельствуют о характере существовавшей когда-то культуре венетов.

Мнение о праславянских истоках этой венетской группы, то есть адриатических венетов, еще сто лет тому назад отстаивал в своих трудах словенский ученый Д.Трстеньяк 59. При этом он опирался на многочисленные словенские выражения в наречии современной Венецианской области. Его выводы решительно отвергал словенский историк Фр. Кос (1896), который, правда, не отрицал существования словенских слов в названном наречии, но находил для них иное, хотя и совершенно бессмысленное объяснение, о чем свидетельствует следующий абзац: «Трстеньяк в своих исследованиях, сравнивая венецианское наречие со славянскими языками, убедился в том, что у венецианцев много выражений, употребляемых также славянами. Это служит ему новым доказательством того, что старые венеты относились к славянской народности. Я думаю, что такой вывод ошибочен. Многие лингвисты могли бы найти в наречии горицких словенцев немало итальянских выражений. Но разве можно на этом основании утверждать, что горицкие словенцы на самом деле являются славянизированными итальянцами?» 60.

Историк Фр. Кос, очевидно, не очень хорошо был знаком с географией, иначе он имел бы представление о том, что итальянские венецианцы, живущие на территории Венеции, Падуи и Мантуи, не имеют общих границ со словенцами, от которых могли бы в повседневном взаимном общении перенимать словенские или соответственно славянские выражения.

Здесь мы не можем рассуждать о том, какая доля истины содержится в утверждении, будто венеты пришли когда-то из Пафлагонии. Сначала они помогали осажденной Трое, а после ее падения их легендарный вождь Антенор якобы привел венетов на северное побережье Адриатического моря. Почерпнув эту историю из греческих источников, ее повторяют и латинские писатели: Плиний Старший ссылается на то, будто об этом говорит Катон, далее Корнелий Непот, Ливий и др.

Но археологи на этот вопрос пока не дали нам надежного ответа. Точно так же у нас нет сведений о том, когда в Венецианской области перестал звучать местный венетский

(праславянский) язык. Романизация не могла прогрессировать слишком быстро (R. Pittioni, *итм.*, 337/30). В крестьянских слоях язык, вероятно, сохранялся еще не одно столетие, до того, как окончательно победил романский язык. По местным топонимам в венецианских горах можно заключить, что венетский язык преобладал там еще долго.

Carnica

В восточной части земли Venetia, возле города Aquileia (соврем. Аквилея) в современной Фриули римляне создали в 181 году до н.э. мощный военный лагерь. В этой области в результате встречи культур Эста и Гальштат сформировалась новая культурная общность и соответственно народность карнов, именуемая в исторических источниках Carni. Отсюда происходит название Carnia, по-словенски, относящееся к территории современного северного Фриули и Карнийским Альпам.

От этого названия, совершенно очевидно, происходит название Carniola (словен. Kranjska, нем. Krain), возможно также Крас (Crasus) и далее Carantania (Карантания, а также Коротан и Корошка; нем. Karantanien, Karnten), может быть, также Гореньска. Ученый Ян Коллар возводит название народа Carni к слову «gornj», т.е. горцы, жители гор 61.

Ландшафт в нижнем Фриуле был тогда еще болотистый, лесистый. Как свидетельствуют исторические записи, карны рассеялись по окраинным холмам и горным долинам. Жили они в нижней Каринтии, Гореньской и на Красе. Города Оглей (Aquileia, соврем. Аквилея), Градеж (соврем. Градо) и Триест (Tergeste, Trieste от венетского Terg, т.е. «торг») были их торговыми центрами. Карнийскими были также Чедад (соврем. Чивидале), римский Forum Julii, от которого происходит название нынешнего Фриули, и город Concordia (близ области Портогруаро). В северной части наиболее значительным центром карнов был Julium Carnicum (сейчас это Чулио близ города Тольмеццо). Знаменательно, что Плиний старший отождествляет карнов с таурисками и позднейшими норичанами (Nat. Hist. ш. 133).

Подпись к иллюстрации

Белин (Belenus), бог солнца карнов и норичан. Фигурка найдена при раскопках в Галиане близ Чивидале (1870). Память о Белине в Фриули сохранилась в названии церквушки S. Bellino на холме S. Pantaleone e Orzone (см. A. Tagliaferri. *Colonie legionari nel Friuli celtico*. Pordenone. 1986. 228). О нем напоминает также название местечка Белинья близ Аквилеи. В верхнем Посочье сохранилось даже предание о том, как Белин с помощью своих чудодейственных ключей возвращает людям свет.

То, что карны, как и норичане, были выходцами из народа венетов и состояли в родстве с другими венетскими народностями, подтверждает между прочим и то обстоятельство, что всеми ими почиталось одно и то же божество – бог солнца Белин (Велен, Веленус), которого одождествляли с Аполлоном – он был общим для всех.

Карнийский, он же норикский бог Белин был покровителем города Оглей (Аквилея), из чего мы можем сделать вывод, что город этот, вопреки римскому военному присутствию, оставался еще в значительной степени карнийским, хотя в повседневной жизни несомненно преобладал латинский язык.

Римский писатель Тертуллиан определяет Велина как норикского бога (Noricus Belenus – Apol. adv. gent. 24.7. ad nationes II. 8). Сохранившиеся надписи Belino sac. на каринтийском замке Ойстровица и Belino Aug. sac. в предместье Целовца (Клагенфурта) Циголе (Ziggulln) свидетельствуют, что Белина в Норике действительно почитали. В городе Julium Carnicum бог этот имел свой храм, посвященные ему надписи найдены также в старых городах Concordia, Altinum и в Венеции. Следовательно, почитали его в провинциях Норикум и в Венеции.

Правда, надписи в честь Белина мы находим и в областях Римини, Тиволи и в Риме, то есть в Лациуме, в связи с которыми Плиний старший упоминает венетов, а также вблизи города Бурдигала (Бордо), в Галлии и на некоторых галльских монетах (Belenos) 62.

Имя Белин, или Беленус, несомненно указывает на венетское, то есть славянское происхождение. В нем ощущается связь со старым Белбогом, праславянским божеством солнца и света. Имя его появляется везде, где мы находим венетов – в Лациуме, по свидетельству Плиния старшего (III, 69), и в Голландии, в Арморике, где венеты во время прихода римлян проживали еще компактно. Только от них могли перенять Белина некоторые роды кельтов.

На территории Фриули почти нет латенских археологических находок, и сохранившиеся местные топонимы не свидетельствуют о существовании здесь кельтских поселений накануне прихода римлян, хотя современные фриульские патриоты стараются обосновать самостоятельность фриульцев присутствием здесь в древние времена культов, искусственно возводят многие фриульские топонимы к кельтским.

Но почти все названия, как и многочисленные «Sclavons» на этой территории, где, по убеждению историков, словенцев вообще не должно было быть 63, говорят о венетских, то есть славянских карнах в предримскую эпоху. Значительная доля словенских сел в фриульском говоре также хотя бы в некоторой мере должна восходить еще к старым карнам 64, а не только являться результатом соседства с современными словенцами.

Знаменательно также, что Фриуль, по сравнению с Венецией, еще долгое время после завоевания римлянами не был романизирован. В городах, торговле и среди воинства преобладал латинский язык, то есть язык официальный, а не народный романский говор 65. Лишь с христианством латинский язык стал распространяться и далее, проникать в христианскую среду. И только в эпоху позднего средневековья в селах возобладал новолатинский язык, то есть нынешний фриульский говор 66.

Подпись под иллюстрацией:

Надпись на одном из алтарей римского периода в Оглее (Акуилее), посвященная Белину (Белен, Беленус).

Во многих случаях словенские элементы в фриульском говоре открывают нам ту стародавнюю крестьянскую культуру, какой ее отражают именно словенские предания. Извлекая материал из фриульского атласа (g.g. Corbanese, 1983), мы находим в фриульской лексике не только слово scuete (словен. skuta – творог), но и molec (от словен. mlecep – молочный, также в значении молочно-восковой спелости) в значении

«мягкий», «покорный»; и далее *govet* (от словен. *govedo* – крупный рогатый скот) в значении «откормленный теленок», *čjmat* (словен. *komat* – хомут) в значении «конь» и т.д. Название *tamar* (словен. *tamar* – загон, овчарня) в значении «огороженный пастушеский загон» указывает на древнее пастушество, которое проявляется также в названиях *Pasian* или *Passons* (от словен. *pasnik* – пастбище). А словенское слово *bajta* – хижина, лачуга – почти в первоначальном виде сохранилось в фриульском говоре как *rojata*.

С культурой славянского дома и поля связаны слова *ganizze* (словен. *oganica* – пахотная земля) и *pustot* (словен. *pustota* – пустошь); что касается садовых фруктов, то здесь характерно слово *seregne* (словен. *cesnja*, *cresnja* – черешня) и особенно *cespe* (словен. *cespa* – слива), которое распространилось почти во все романские языки (Meyer-Lubke), есть там также *vuising* (от словен. *vi[n]ja* – вишня) в значении «дикая слива». Из огородных растений – *crep* (*hren* – хрен).

В таких названиях как *Patocco* отражается слово «поток» (словен. *potok* – река), и *molesa* (*Salix alba* L.) не может быть ничем иным кроме словенского *maleka* (верба). В реке может быть *save* (*zaba* – жаба, лягушка), по воде может плавать *gasse* (*gasa* – утка), а также *madrac* (словен. *modras* – гадюка). Известен также *zoc* (словен. *sok* – пень, колода). Из еды – *mulis* (словен. *mulica* – сорт кровяной колбасы), *colaz* (словен. *kola* – пирог) и т.д. И у фриульцев бытует слово *clanz* (словен. *klanec* – дорога в гору).

Мы приводим лишь несколько примеров, говорящих о первобытной крестьянской культуре. Той, что является доисторической. Фриульский народ мог ее с лексическими выражениями лишь сохранить, а не перенять от якобы недавно переселившихся соседей. От народа, который будто бы пришел сюда из болотистой местности по ту сторону Карпат, фриульские соседи могли позаимствовать разве что слова для обозначения жабы, змеи, утки, вербы и т.д.

Raetia, Vindelicia

Обширное пространство Центральных Альп, прежде всего современный Тироль и швейцарский Гризун (Граубюнден) до захвата их римлянами относились к культуре Мелаун. Впервые жителей этой области – ретов – упоминает Полибий (у Страбона IV, 209), говоря о том, что один из четырех перевалов через Альпы проходит по их территории – *dia Raiton*.

Но название страны как таковой, *Raetia*, впервые упоминает лишь Веллей (II.39.104) во время правления Тиберия примерно в 30 году н.э. 67. Народность ретов составляли многочисленные группы населения в альпийских долинах. Соответствующие названия были высечены на памятнике победы *Trophaeum Alpium* от 7 года до н.э., и Плиний-старший приводит их как *gentes Alpinae* (III, 136 sl).

Среди перечисленных есть и такие, чье первоначальное венетское название в несколько измененной форме сохранилось до наших дней, например, *Venostes* из долины Винтшгау (*Val Venosta*) и *Venonetes* в долине Вальтеллина. При Плинии старшем (III 47, 134) в горной долине реки Стура, то есть еще на территории культуры Голасекка, жили венены. Тут и сейчай есть еще район с названием Винадио (область Кунео) 68. По верхнему Тицину (*Val Lepontina*) жили лепонтийцы, а в долине Аоста – салашане, или *Salassi*, которых Катон (у Плиния ст. III, 134) называет *Tauriscae gentis*.

На основании этого наименования мы можем сделать заключение об их родстве с таукисками в Восточных Альпах, которые были идентичны норичанам и карнам. Это родство подтверждается также местными топонимами. Распространенные венетские названия этих народностей, хотя и сохранившиеся в различных формах, также делают совершенно очевидным то, что эти группы были остатками некогда единого народа (H.Hirt) 69.

Во время прихода римлян все эти народы не были ни кельтскими, ни подвергшимися кельтской ассимиляции. Римский писатель Ливий (V, 33) сообщает нам также, что реты происходят от этрусков и что они сохранили также этрусский язык, хотя и не очень правильный. Подобного мнения придерживается также Плиний старший (III, 133), а также Помпей Трог (при Юстиниане, XX 5), которые сами были выходцами из близлежащих областей. Как этрусский, так и ретский язык восходил к древнему языку венетов, к праславянскому языку.

Вследствие этого нас не удивляет, что А. Берлот смог расшифровать многие как этрусские, так и ретийские надписи, начертанные оригинальными венетскими или, что то же самое, этрусскими письменами, на основе лексики современных славянских языков 70. Как уже указывалось вначале, на всей этой территории появляются также многочисленные локальные топонимы, значение которых нам понятно прежде всего при обращении к словенскому и другим славянским языкам. Большое число археологических находок также подтверждает присутствие на обширных пространствах докельтских культур и тогда, когда уже наступила римская эпоха.

Венетские, или, что одно и то же, ретийские земли простирались на Западе до середины современной Швейцарии. Далее к западу обитали кельтские гельветы и раурики. К северу от швейцарских Альп и Боденского озера (Venetus lacus) на территории современной Швабии и Баварии находилась Vindelicia, народность которой сформировалась на основе западного круга культуры Гальштат и позже смешалась с кельтскими переселенцами. В названии этой страны и ее населения тоже отражается их исконное венетское происхождение.

Римские писатели не проводят четких границ между Ретией и Винделицией, упоминая о них и их населении в одном и том же месте, подряд, как, например, в 30 году н.э. Веллей при сообщении о том, что Тиберий подчинил Риму многие зимли, и в их числе также Raetiam et Vindelicos. Действительная Винделиция, к северу от Альп, была уже с раннего периода латенской культуры территорией расселения кельтов (с 5 в. до н.э. и далее). Население же в Центральных Альпах, Ретии, было лишь в незначительной степени затронуто кельтским влиянием, о чем свидетельствуют находки при раскопках, а также топонимы и гидронимы по направлению с их севера на юг до котловины у города Базель. Вследствие этого многие исследователи уже с конца прошлого века высказывали мнение о том, что жители Альп еще в начале Римской эпохи в действительности были венетами, а не кельтами и не иллирами 71.

Вопреки интенсивному расселению кельтов на северной стороне Альп винделичане не были кельтским или ассимилированным кельтами народом. Об этом свидетельствуют не свойственные кельтам вложения в могилах еще эпохи доримских завоеваний, переделанные на римский лад, но не кельтские названия винделицийских городов, таких как Celio (Келльмюнц), Febiana (в устье реки Иллер), Fuetbus (Фюссен),

Parthanium (Партенкирхен), а также Scarbia (у Миттельвальда), и названия рек Инн, Лех, Партнах 72, так же как Иллер и Траун.

И все же мы должны сделать вывод о существовании у винделичан кельтского высшего, возможно, даже ведущего слоя, что, однако, не предполагает его господства над венетским населением, хотя при кельтском вторжении такие отношения можно вполне себе представить. Позже винделичане выступают как один народ, что свидетельствует о возникновении единения, вплоть до включения венетов в ведущий слой. Процесс единения мог протекать быстрее, если языки кельтов и венетов были близки или подобны.

Римляне покорили ретов и винделичан в 15 году до н.э. Римский полководец Друз сначала разбил ретийские воинские части при Изарке, затем, пройдя через Альпы, Бреннер и седловину Зеефельд над Инсбруком, проник в Винделицию. А из Галлии нанес удар Тиберий, одержав победу над винделичанами у Боденского озера. На завоеванной территории римляне создали единую провинцию Raetia с административным и военным центром Augusta Vindelicum (Аугсбург), связав с Италией дорогой, проходящей через Ферн (1210 м) в долину реки Инн и затем через Решен (Резия, 1508 м) в Винтшгау и далее на Меран, Бозен, Тридент в Падану. К западу от Боденского озера возле современного города Бругг был создан мощный военный лагерь, названный Vindonissa (сейчас Виндиш) и на Дунае оборонительный пункт Limes.

После вторжения маркоманов в 166 году н.э. римляне преобразовали систему обороны уязвимой для нападений низменной Ретии (Винделиции) Военное командование они перевели в лагерь Castro Regina (Регенсбург) и начали переселять в эти места колонов для земледелия и защиты страны. Император Диоклетиан (годы правления 284–305) административно поделил провинцию Ретия на две новые провинции – Raetia prima (Ретия) и Raetia secunda (Винделиция). Однако последнюю уже вскоре стало невозможно защищать от натиска других народов.

С середины четвертого века и далее римляне обороняют лишь альпийскую Ретию – вплоть до середины пятого столетия, когда римской власти вообще приходит конец.

Местное, то есть венетское и кельтское население Винделиции к этому времени почти рассеялось. Римляне сразу после завоевания страны вывели из нее множество молодых людей – в свою армию. За этим последовало размещение здесь римских солдат, а затем и колонов, в большинстве своем – германских. Но многочисленные венетские (словенские) названия на равнинах Швабии и Баварии, где некогда была Винделиция, и сейчас свидетельствуют о том, что землю здесь первым культивировал народ венетов. И спустя полтора тысячелетия он оставил ее в обработанном виде вместе с топонимами германским колонам.

Но несомненно, венетское население в течение всего римского периода сохранялось в самой Ретии, то есть в Тироле и Восточной Швейцарии, где, за исключением города Кур (римск. Curia) нет следов римской цивилизации и существования римских городов 73.

В конце пятого века к северу и югу от Боденского озера навсегда поселяются алеманы, а восточнее от них живут баварцы, относительно которых и сейчас неизвестно, откуда

они вообще переселились. Наиболее вероятно, что этот народ сформировался из германских колонов и оставшегося здесь венетско–кельтского населения старой Винделиции. Но словенский (венетский) язык мог продержаться в Альпах еще доброе столетие.

NORICUM

Восточные Альпы были средоточием Гальштатской культуры, сильное воздействие которой распространялось на всю область Центральной Европы. Центром этой территории является место археологических находок Гальштат, по которому эта культура и получила свое название. Под ее влиянием в соседних областях возникали другие культурные общности, а именно – в Чехии общности Knoviz, Bylany Milavce, в Моравии и Нижней Австрии – Velatice и Baierdorf, в Западной Словении – Chotin, в Западной Паннонии – Val. А на южной окраине, на территории современной Словении уже отражается иллирское влияние 74.

В VI–V вв. до н.э. случились набеги с востока киммерийцев и скифов, о чем свидетельствуют находки в погребениях: захоронения всадников, коней, части конской сбруи и т.д., что характерно для степных народов. Захоронения такого рода встречаются по окраинам Восточных Альп, от Нижней Австрии и Словении через Западную Паннонию до Словении. Но Гальштатскую культуру, прочно утвердившуюся в Альпах, вторжения с Востока существенно не затронули.

Основой богатства и силы восточной части Гальштата было горное дело. В позднем бронзовом веке, после переселений эпохи культуры полей погребальных урн, территория Солнограда (современного Зальцбурга) была уже настоящей горнорудной страной с рудниками и плавильнями меди, крестьянскими хозяйствами, снабжавшими рудокопов всем необходимым, и сетью дорог. По ним перевозили медь и бронзовые изделия на юг; некоторые из дорог пролегали через высокогорные седловины в Альпах. Кроме меди, в этих местах добывали каменную соль и торговали ею.

А по окраинам Восточных Альп проходил знаменитый Янтарный путь, идущий от месторождений янтаря на Балтике (к востоку от устья Вислы) по направлению к югу – мимо Альп к Адриатике, прежде всего в Оглей (соврем. Аквилея), бывший тогда самым большим янтарным рынком.

Начиная с бронзового века и далее Янтарный путь пролегал по старой территории венетов, на основании чего можно заключить, что именно венеты были перевозчиками и торговцами янтарем. Для доисторического человека янтарь был магическим целебным средством, из него, наряду с другими изделиями, изготавливали также амулеты для детей. На территории Апеннин, в культурах Марино и Новиллар, позже также в культуре Рима применение янтаря в украшениях достигло своей художественной вершины. 75

Около 700 года до н.э. в Восточных Альпах уже преобладала черная металлургия. Средоточие добычи железа было в Северной Каринтии и Верхней Штирии, где находились залежи железной руды. Восточноальпийское железо отличалось превосходным качеством, оно уже достигало качества стали, поэтому торговля им сделалась главным источником благосостояния здешнего населения. Продолжалась и добыча соли. Ее залежи находились на северной стороне Низких и Высоких Туп

(Гальштат, Галлейн). Мощные хозяйственные центры развились в Венской, Градской, Целовецкой (соврем. г. Клагенфурт) котловинах, и особенно в Нижней Крайне (общность Ваче).

Подпись к иллюстрации

Находки из Гальштата, давшего название старейшему периоду железного века в Европе, носителями которого были венеты. Характерные фигурки быка и коня на многих предметах отражают военный и крестьянский характер этой культуры. (Источник: J.Filip, itm, 457).

К концу V века н.э. наступавшие с Запада кельты не покорили Восточные Альпы. Но частичное присутствие кельтов на этой территории подтверждают кельтские захоронения прежде всего в названных центрах хозяйственной деятельности. И все же во внутренних районах Восточных и Центральных Альп кельтские находки эпохи Латена очень редки и смешаны с Гальштатскими, а то и совсем отсутствуют 76. Поэтому их можно также объяснить торговым обменом или присутствием кельтских переселенцев.

Кельтские захоронения в развитых в хозяйственном отношении областях Восточных Альп сами по себе еще не дают оснований для далеко идущих заключений о том, что Гальштатские венеты оказались под властью некоего господствующего пласта кельтов, как это постоянно твердят немецкие и австрийские историки и археологи, а за ними и прочие западные знатоки. Мы приходим к заключению о существовании лишь некоторого кельтского слоя рудокопов в индустриальных районах и с еще большей вероятностью – о существовании кельтских ремесленников и торговцев.

После того, как кельты завоевали все территории в окрестностях Альп, в руки к ним попала также и европейская торговля, от которой была зависима черная металлургия в Восточных Альпах. Об этом явно свидетельствуют находки кельтских денег – золотые и серебряные монеты и другие вещи. Кельтские монеты появились во втором веке до н.э. К этому времени восходит и некоторые венецианские монеты, найденные в Горине (нем. Gurina) в верхнем течении Зилы под известным перевалом Плеке (Plocken, 1360 м).

Хотя отношения между кельтами и венетами все еще не прояснены, мы можем предположить, что в торговле и хозяйствовании наряду с кельтами участвовали и венеты, которые после кельтских вторжений никуда не исчезли, и именно они несли на себе основную ношу дальнейшего развития.

По убеждению некоторых историков, присутствие кельтов в Восточных Альпах должно было стать особенно ощутимым в конце III века до н.э., и это означало бы, что, если не раньше, то во всяком случае в данное время они преобладали в этой местности. Историки эти основывают свое мнение на следующем факте: в 225 году до н.э. на этрусском берегу под Теламоном римляне одержали решительную победу над многими родами кельтов, на помощь которым подоспели тауриски (Полибий II, 28, 4.30.6), якобы тоже кельтская народность. После поражения тавриски будто бы должны были отойти в Северо-Западную Каринтию, где, начиная со II века до н.э. обнаруживается высшее сословие кельтов, стоящее над старым «иллирийским» населением 77.

In Tauriscis Noricis

В сражении под Теламоном во всяком случае могли участвовать лишь тауриски Западных Альп, о чем нам определенно говорит Полибий. Далее Полибий (II 5. 8) упоминает западных таурисков как жителей местности, образенной к равнине 78, и Катон (у Плиния старшего III, 134) – как *Tauriscae gentis*, когда повествует о лепонтийцах в Тицине и о салашанах в Аосте. Но, как уже упоминалось, эти две народности не были кельтскими, а являлись остатками венетов (культура Голасекка), хотя они и подчинялись верхне-италийским кельтам. От этих западных таурисков происходит название города *Julia Augusta Taurinorum* (Турин, итал. Torino). Существует еще и третья группа с названием «таурины», упоминаемая Птолемеем (III 8, 3) и пребывающая в северо-западной Дакии (или северо-восточной Паннонии).

В письменных источниках, относящихся к этому периоду, отсутствует название жителей Восточных Альп. Греческие и римские писатели сообщают нам, что во втором веке до н.э. через Альпы по направлению к югу вторглись народы, называя их галльскими, то есть кельтскими. Но такие сообщения возникли лишь в начале нашего летоисчисления.

В борьбе с этими народами римляне в 181 году до н.э. создали мощный военный лагерь в Оглее (соврем. Аквилея) и около 170 года до н.э. уже имели с ними дипломатические контакты. Эти контакты осуществлялись на кельтском языке. Об этом нам сообщает римский писатель Ливий, когда упомянутые «*Alpini populi* (XLIII 5, 1) он называет, как и Страбон (VIII 293. 313), галлами. Ливий приводит также имя их повелителя – «*Rex Gallorum Cincibillius*», и затем еще следующего – «*Regulus Gallorum Balanus*» (X IV 14 1), подразумевая при этом, по мнению большинства историков, уже некое союзное королевство в Восточных Альпах 79.

Ливий пишет дословно: «...*Rex Gallorum Cincibillius nomine Alpinorum populorum sociorum suorum*», который через своего брата отправил жалобу в римский сенат. Латинский термин «*populus*» означает государственно организованный народ (*populus Romanus*). И таковы, несомненно, – «*populi Alpini*», которые между собой также союзники – «*socii*».

Однако из-за недостатка археологических находок, относящихся к культуре Латена в Восточных Альпах, большинство археологов и историков полагает, что существовавшее там союзное королевство не было кельтским, и правил им лишь тонкий слой этого народа, то есть кельтов или, как говорили римляне, галлов. Указание в источниках, правда, такое заключение допускают, особенно вследствие упоминания «галльского» короля и названия – «галлы».

Но очевидно, что писатели отождествляют с галлами (кельтами) в Восточных Альпах также венетов по причине единства или сходства их языков. Но о каком-то господствующем слое источники специально нам не сообщают. Дипломатические контакты между римлянами и народами Восточных Альп должны были осуществляться на венетском языке.

Название обитателей Восточных Альп впервые в середине 2 века до н.э. приводит Полибий (XXXIV – 10; у Страбона IV, 208), когда говорит о том, что «*in Tauricis Noricis*» (у норикских таврисков) открыли богатые залежи золота. Однако тавриски прогнали итальянских торговцев и захватили торговлю золотом в свои руки. А в

Италии из-за этого цена на него упала на треть, из-за чего затем обострились отношения между тавриками и Римом.

В 129 году до н.э. в сражении с римлянами тавриски потерпели поражение, а вскоре за ними были побеждены и карны. Однако, когда германские кимбры вторглись в Восточные Альпы и осадили норикскую столицу Noreia, римляне пришли таурикам на помощь. Но при этом они сами были разбиты (113 год до н.э.). Когда исходившая от кимбров опасность миновала, между Римом и королевством в Восточных Альпах было достигнуто дружеское соглашение, действовавшее целых сто лет.

Королевство тауриков и норичан в предримский период было довольно обширным: на севере оно доходило до Дуная, на западе – до выходящей за пределы Альп реки Инн и горного гребня на современной тирольской границе; южнее она охватывала также всю долину реки Риенц до современного города Бриксен, откуда граница шла по горным гребням доломитов и Карнийских Альп до Наупорта (Врхника) и Эмоны (Любляна); ему принадлежали также современные доленьская и нижне-штирийская территории с городами Целея (Целье) и Петовио (Птуй), а также западно-паннонские города с более поздними римскими названиями Savahba (Сомбатхей), Scarbantia (Шопрон) и Carnuntum (Петронелль)⁸⁰. Через эти города проходил древний янтарный путь, связывавший Балтику с Оглеем (соврем. Аквилея).

Вернемся к вопросу, действительно ли Норикское королевство принадлежало кельтам, или кельты составляли его господствующий слой, чего не подтверждают ни источники, ни раскопки, ни наследие местных топонимов.

Даже в более открытых для доступа извне землях западной Паннонии, где кельты бесспорно были у власти, мы еще можем проследить существование первоначального, говорящего по-венетски (J.Filip: по-иллирийски) населения вплоть до позднего римского периода. Раскопки в Чехословакии свидетельствуют, что первоначальное гальштатское население существовало как подоснова даже после того как страну захватили и поселились в ней кельты. В эту подоснову лишь постепенно проникали латенские элементы ⁸¹.

Современная область Зальцбурга в Восточных Альпах оказалась той землей, где присутствие кельтов было наиболее мощным, что, однако, не дает никаких оснований для заключения о кельтской гегемонии или о кельтской ассимиляции Норика. На территории современной Штирии на основе культуры Гальштат существовала восточно-норикская культурная общность на протяжении всего периода Латен. В Западной Каринтии, в местности Горина, сохранились венетские монеты, а в находящихся неподалеку Времьях (Wurmlach) – надписи, манера письма и азбука которых являются венетскими. Во время господства римлян в этих местах находилась область Loncium (Itin. Ant. 279), название которой идентично словенскому названию Лока ⁸².

В тауриках, которые якобы должны были быть господствующим слоем кельтов, многие специалисты видят просто первоначальное название жителей Норика ⁸³.

Римский писатель Плиний старший (III, 133) указывает: «Названия «таурики», а затем «норичане» для обозначения государственного образования в Восточных Альпах преобладают, вследствие чего историки считают что

господствующая роль перешла здесь от первых ко вторым, то есть от предполагаемого кельтского слоя к «иллирским» местным жителям.

Но, как следует из слов Плиния, речь идёт только о группах одного и того же народа, сформировавшегося на культуре восточного Гальштата. Из упоминаний в источниках ясно, что народ в Восточных Альпах составляли четыре народности, к которым в римский период присоединились ещё некоторые меньшие группы, и жили они на следующих территориях: тауриски – в западной Каринтии и по долинам Высоких Тур в Солноградской области (норичане – в центральной Каринтии и в области Низких Тур, то есть в Верхней Штирии и Нижней Австрии; карны – по долинам Карнийских и Юлийских Альп, а также вне границ Норика в Фриули и на Кресе; латобики – в Доленской, Нижней Штирии и в Латобской долине; современное доленское Требинье имело ещё латинское название «*Praetorium Latobiorum*», а Дрново – «*Municipium Flavium Latobiorum Neviodunum*».

Тот факт, что в источниках не содержатся временные и пространственные размежевания этих народностей, свидетельствует в пользу гипотезы об их общем происхождении, о едином народе. Согласно Плинию (III, 131), карнам принадлежал также перевал Хрушица и область Сисак в Славонии (*Carnis Segesta et Ocra*), то есть земли латобиков; и точно так же, согласно Плинию (III, 148), места обитания таурисков распространялись до Скордисков близ славонских холмов (*mons Claudis, cuius in fronte Scordisci, in tergo Taurisci*).

Народ в Альпах избежал кельтской ассимиляции прежде всего благодаря горному ландшафту, который не подходил кельтам для поселений, а местным венетам издавна давал возможность успешно обороняться. Кроме того, у венетов был достаточно высокий уровень крестьянской культуры, более высокий по сравнению с кельтами. Тысячелетием ранее, при завоевании и заселении Альп в процессе переселений периода Культуры полей погребальных урн, старое альпийское население со своей культурой (напр., культура Крестаулта в Энгадине), более слабой по сравнению с венетской, растворилось среди венетов.

Regnum Noricum

Норикское королевство упоминается в середине 1 столетия до н.э., хотя оно было значительно древнее: впервые его упоминает Юлий Цезарь в своих *Commentarii de bello Gallico*» (1 5, 4), называя *ager Noricus* (норикская земля), что мы должны понимать как королевство. При этом Цезарь указывает, что кельтские бои, которых Марбод, король германских маркоманов, изгнал из Чехии (*Voiohemum*), вторглись в Норик, попытались захватить его столицу Норею, осадили ее, но все же были отбиты. Из этого очевидно, что норичане не могли быть кельтским племенем, иначе они, будучи единого с ними происхождения, помогли бы боям в сражениях с германскими маркоманами или хотя бы пустили их в свою страну. В действительности же они претерпели осаду.

Подпись к иллюстрации

Норикские деньги. – Начиная с первой половины 1 в. до н.э. норичане ковали свои собственные деньги. В частности, характерна была большая серебряная монета двух видов: западнонорикская (монетный двор на Шталене) и восточнонорикская (монетный двор в Целле). На их аверсе – голова Белина (Аполлона), на реверсе – конь или всадник. Венетская надпись VOKK на некоторых из них означает имя норикского короля (*rex*

Voccio). На снимке – серебряная сонета из клада, найденного в Лемберге близ Целье, лицевая сторона. (из: P. Kos. Celjski muzej III – numizmati; na razstava, Ljubljana, 1082).

Более того! Норичане были связаны с германскими суэбами в Поренье. Из сообщения Цезаря (bell. Gall. I 53, 4) следует, что вторая жена свевского короля Ариовиста была родной сестрой норикского короля Voccio (Norica, regis Voccionis soror). Имя «Voccio» вполне может быть латинизированным древнеславянским именем Волк или Вук.

Норикский король Воккио должен был быть значительной личностью в политических и военных условиях того времени на территории Альп, так как он отразил мощное нападение, которое совершил на его страну через северную Паннонию король Буревиста, могущественный правитель Дакии. Столица страны была перенесена тогда из Нореи, находившейся на современной каринтийско–штирийской границе близ области Неймаркт, в город на холме Шталлен, или Шталенской горе (Магдаленсберг) выше современной Госпосветы. Название этого города нам не было сообщено, но вполне вероятно, что он назывался Вирун, как и позднее одноименный римский город, возникший ниже на склоне горы.

На Шталене получил развитие мощный центр норикской торговли, которая была в основном с Оглеем (соврем. Акуиля). У оглейских торговцев в этом городе были свои постоянные представительства. Норикское хозяйство, кроме земледелия, основывалось прежде всего на животноводстве, а также на пчеловодстве, лесоводстве и особенно на горном деле.

На рынок в Оглей возили дрова, скот, смолу, воск, мед и сыр (Страбон V 208), а также шерсть, шерстяные изделия и кожу (Вергилий. Георгика III, 474 сл.). Вывоз металлов и металлических изделий распространялся значительно дальше, ибо норикское железо славилось как исключительно твердое, и меч из этого железа высшего сорта называли *ensis Noricus* (норикский меч), как об этом упоминает Гораций (Эподий XVII, 71, Carm I, 16, 9). А в Риме было даже торговое представительство, норикское *statio* (подворье).

Важная составляющая государственной и народной идеи в Норике была религия. Правда, нам известны норикские божества лишь позднего римского периода 84, когда мы обнаруживаем в стране также почитание греческих и даже некоторых египетских богов наряду с государственными римскими богами, и почитание самого императора. Но все эти новые божества ни в коей мере не вытеснили своих местных, которые более ясно выражали первоначальные религиозные представления о космической связи неба и земли.

В Норике мы встречаемся также с древними евразийскими верованиями в двух основных богов, это – свет (солнце, небо) и земля (плодородие). Из соединения обоих элементов, когда солнце своими лучами согревает землю, пробуждается рост и таким путем рождается жизнь.

Так, еще в римские времена главными норикскими божествами были Белин (или Беленос), бог света и солнца, и *Noreia*, мать страны и ее защитница, первоначально богиня плодородия и дарительница богатства 85, бог войны *Latobius* соответствовал римскому Марсу.

В римский период существуют и местные божества, например, Celeia, Teurnia и т.д. О присутствии кельтов свидетельствуют божества Эпона, Альбиона и т.д. А государственность Норика в период правления римлян представляют *genius Noricorum*, чье местонахождение было на фортуме в Вируне и в «*statium Noricorum*» в Риме.

Присутствие римского чиновничества и некоторых подразделений римской армии оставило после себя многочисленные надписи, посвященные греко-римским божествам и даже египетской Исиде – здесь Isis Noreia, и в более позднее время особенно почитался Митра, занесенный в страну, вероятно, через Оглей.

Подпись к иллюстрации

Норичанка времен Римской империи (2 век), изображение на надгробии; сейчас находится в стене церкви Св. Якоба в Дховше (Лендорф) над Цнеловцем (Клагенфурт). Женщина принадлежит к высшему кругу, одежды и богатые украшения ее в значительной степени служат отражением норикско-римской культуры.

После того как римляне завоевали Паннонию, Норик не мог долго противостоять им и присоединился к Риму в 15 в. до н.э. И как многолетний римский союзник еще столетия под названием *regnum Noricum* сохранял свой статус присоединенного королевства. Лишь при императоре Клавдии (правил в 41–54 гг. н.э.) оно стало личной провинцией императора, а при Марке Аврелии (правил в 161–180 гг. н.э.) – обычной римской провинцией. На восточных и южных окраинах из Норикского королевства были изъяты и переданы под римское управление города по линии стратегического янтарного пути: Emona, Poetovio, Sarbantia, Carnuntum, которые были присоединены к Паннонии. В Норике и далее еще оставалась Celeia.

Норик и потом, потеряв статус королевства, не был порабощенной страной. Когда он был личной провинцией императора, его возглавляет императорский прокуратор (*procurator*), а когда становится обычной провинцией, им управляет наместник императора легат (*legatus*).

Об исключительном положении Норика в Римской империи свидетельствует то обстоятельство, что главные норикские центры уже при Клавдии получили правовой статус римского города (*municipium*). Virunum на Госпосветском поле стал с этого времени столицей государства, другие города – Teurnia на Шпиттале, Aguntum близ Лиенца, Celeia (нынешний Целье) и Juvanum (у венетов – Солноград, а ныне – Зальцбург) 86. Около 70-го года римским городом становится и Flavia Solva близ Липницы, а в следующем столетии также Ovilava (сейчас Вельс), затем еще Lauriacum (сейчас Лорх).

Это были старые центры, в которых и ранее присутствовал определенный слой кельтских торговцев и ремесленников. С этих пор названные города стали центрами римского правления и римских чиновников. Кельтский слой быстро романизировался.

Местное право (*Ius gentium*)

Благодаря тому, что статус всех главных центров Норика был поднят до статуса римских городов, «*municipia*», страна получила в римской империи такое же правовое положение, как и Италия. Норичане в правовом отношении были уравнены с римскими гражданами. Об этом свидетельствует и тот факт, что уже при Клавдии они служили в

римской армии, на что имели право только римские граждане, тогда как остальные лица без гражданства, именовавшиеся «чужестранцами», могли служить только во вспомогательных частях (*auxilia*).

Сохранились некоторые надписи, сообщающие о происхождении норикских легионеров. В числе этих надписей особенно показательна следующая: «*Celeia mil leg. II ad (i) r.f. natione Noricus*», где выражение «*natione*», очевидно, обозначает принадлежность к народу – стране. Норичане служили даже в числе преторианцев 87, что с римской стороны означало наибольшее признание и доверие.

Как многолетние союзники, норичане, несомненно, сохранили в Римской империи также свое право, которое было включено в римский правопорядок.

Римское право

Население в пользовании общественными привилегиями по римскому праву делилось на три слоя. Больше всего прав имел тот, у кого было римское гражданство (*civitas Romana*). Его права были равны правам свободных горожан Рима. Почти такие же права имели люди с латинским гражданством (*ius Latii*), которые вначале были жителями союзнических городов в Италии. Со второго века ставшие полностью равноправными с римлянами.

Города вначале тоже несколько различались по своим привилегиям, в зависимости от того, какое они носили название – «*municipium*» (латинский город) или «*colonia*» (римский город).

Следующим слоем населения были «чужестранцы» (*peregrini*) – это все те, кто не имел римского или латинского гражданства. Римляне признавали их местное право (*ius gentium*), если они принадлежали к народу, который без жестоких сражений раньше или позже сдался на милость римлянам. Эти люди обладали определенным правом заниматься своими делами, они могли иметь свои поля и т.д., но представители тех народов, которых римляне победили лишь в результате тяжелых боев, считались побежденными чужестранцами (*peregrini dedicii*). Поэтому они не имели своего местного права и вообще не считались свободными. Рабов римляне не считали за полноценных людей.

Все те, что жили в окрестностях какого-то города имели свои поля и не были горожанами, назывались «жителями» (*incolae*). Тот, кому даровалось римское гражданство, получал имя того, кто ему это гражданство дал. Поэтому и в Норике, как это может показаться с первого взгляда, нетрудно обнаружить немало жителей, носящих латинские имена.

Все имущество облагалось налогом (*res fiscalis*), исключением было только состояние императора (*patrimonium*). Начиная с Септимия Севера существовало также присвоенное императором и больше не облагаемое налогами состояние (*res privata*). В 5 веке управляющий имуществом императора носил титул «*comes patrimonii*».

Надписи, относящиеся ко второй половине 2 в., свидетельствуют также о существовании финансового ведомства и его управляющего в Вируне: *tabularius, dispensator p r n* –

речь, вероятно, идет о бухгалтерском учете, или «ratio» состояния, изъятого у норикских королей; prn – patrimonium regni Norici.

При императоре Каракалле в 212 году решением «Constitutio Antoniniana» римское гражданство было даровано всем свободным людям империи.

Таким образом, норичане после ликвидации их королевства при Клавдии не стали бесправными переграми, не были они переграми и по римскому правопорядку. Горожане Норика имели римское гражданство. И хотя 90% населения жило за пределами городов 88, эти люди тоже, соответственно статусу Норика, не могли быть полностью переграми. Они, несомненно, сохраняли свое местное право «ius gentium», что означало сохранение при господстве римлян своей общественной структуры и даже своей государственности, так как осталось норикское собрание – conventus Noricorum.

Об этом свидетельствуют раскопки фундамента зала с архивом, относящиеся к 1 в., в городе на Шталене. Кроме того, есть свидетельство (Cassius Dio LXXVI 9, 2), что в 208 году наместник императора Сабинус передал своего предшественника по имени Поллиенус Себеннус «норичанам», то есть судебному собранию тех, кто внес против него обвинение. Это могло быть только земельное собрание норичан, существование которого не предусматривалось римским правом, а только правом местным.

Следовательно, норичане сохранили свою собственную организацию общества также и в Римской империи – на уровне римской провинции. В политическом смысле и государственно-правовое устройство было римским и базировалось на римском праве норикских городов, включенных в римский «imperium», тогда как свой местный «patio», составляющий население Норика, был представлен земельным собранием. Божество «genius Noricorum» являлось защитником страны и ее народа.

В исторических записях о Норике почти нельзя найти сведений, относящихся к сельской местности, так что у нас нет ясного представления о том, в каких условиях жило крестьянское население. Как полагают историки, в Норике не были расселены итальянские колонны и не было латифундий. Преобладали небольшие усадьбы крестьян, и поля были их частной собственностью. Владельцы платили за них соответственно налог, в остальном они были свободны. Уже тогда существовали общие горные пастбища. А в соседней Паннонии преобладали латифундии 89.

Из этого следует, что жизненная основа существования крестьянского населения и его организация в Восточных Альпах при господстве римлян не была разрушена, и это вполне подтверждает значение действующего местного права. Что касается подразделений римской армии, то в Норике стоял лишь один легион, на Шталене, командование которого находилось в Птуе.

В римских провинциях крупное замлевладение постепенно вытесняло мелкую крестьянскую собственность. Норик избежал такой участи, очевидно, из-за его особого положения в Римской империи. Лишь с середины 2 в. и в этой стране появились единичные латифундии, о чем свидетельствуют остатки их административных зданий, называвшихся «villae».

Общины (Civitates)

Небольшая крестьянская усадьба были основой существования деревни и тех селений, что были связаны с неким центром – крупным селом или городом. Такой город и селения на замкнутом территориальном пространстве были объединены в определенный округ, например, села такой–то долины или ее части. И только к такому округу могло относиться римское обозначение *civitates* (мн.).

Латинское слово «*civitas*» (ед.) обозначает население в пределах города, в административном же смысле это название служит для определения правового статуса неримских групп населения, самоорганизовавшихся как в городе, так и в сельской местности. В более узком смысле это народные общины 90, которые в Норике не могли быть ничем иным, кроме общностей, и в соответствии с местным правом.

Из сохранившихся надписей нам поименно известен лишь состав «*civitas Saevatum et Laiancorum*» (СП.1838). Как полагают историки, севаты жили в Пустрице, а восточнее от них – лаианки. Судя по территории, их «*civitas*» соответствует размером словенской жупании.

Обе эти общины названы также в надписи, или, точнее, в двух надписях, одна из которых посвящена Ливии, жене императора Августа, а другая – его дочери Юлии. Названия общин, заказавших эти надписи, следующие: *Norici, Ambelinei, Ambidravi, Uperaci, Saevantes, Laianci, Ambisontes, Elveti* 91. Что касается норичан, или гельветов (эльветов), то речь, очевидно, идет о части представителей этих народов, остальные названия относятся к представителям жупаний (*civitates*), из которых можно четко определить лишь название *Ambidravi* (подравляне).

Города в Норике живут по римскому праву. В сочетании римского и норикского права здесь формировалась характерная культура римской провинции, но города были маленькие, в них проживала лишь десятая часть всего населения Норика. Остальное население было сельским и, очевидно, жило по своему норикскому праву (*ius gentium*), то есть согласно своей общественной структуре, в селах и жупаниях по собственному хозяйственному устройству, основой которого была небольшая крестьянская усадьба.

В связи с такими общественными условиями возникает вопрос, подверглись ли норичане романизации? В городах в качестве официального языка и при торговых сделках преобладал латинский. Но, вопреки официальному латинскому языку, даже о городах мы не можем сказать, что они были романскими. Исключение составляют переселенцы из Италии.

Немецкая и панславянская историография под воздействием идеологии постоянно повторяет утверждение о романизованных норичанах, что для непосвященного человека выглядит вполне логично: римский Норик – римский народ. На время после крушения Римской империи его нужно куда–то определить, чтобы век спустя в Восточные Альпы пришли славяне.

Однако существование многочисленных словенских топонимов в Центральных Альпах, в местах, которых предполагаемое славянское переселение вообще не достигло, указывает на более древнее происхождение славянского народа в Альпах, что официальная историография попросту замалчивает.

Начиная с 3 в. и далее в Римской империи все сильнее сказывается кризис, следствием которого являются многочисленные восстания, возникновение новых религий и ослабление обороноспособности. Поэтому император Диоклетиан (правил в 284–305 гг.) преобразовал государственное управление, разделив также землю Норика на две провинции – *Noricum ripense* (прибрежный Норик) и *Noricum mediterraneum* (внутренний Норик). Граница между ними проходила по Высоким и Низким Тупам, центром первого была *Ovilava* (Вельс), центром второго – *Virunum*. Во главе каждой из двух провинций стоял *praesides* (повелитель), а город *Lauriacum* (Лорх) был местом пребывания военного командования, и командующий именовался *dux* (воевода).

После того, как при императоре Феодосии (391 г.) христианство стало государственной религией, в Норикских городах также были учреждены епископаты, подчиненные метрополии в Оглее (Аквилея). Однако распространение христианства в Норике тогда ограничивалось лишь городами.

В начале 5 в. в Прибрежный Норик стали вторгаться германские народности, прежде всего на земли по Дунию. В 401 г. через страну устремляются вандалы и аланы, и те и другие вместе со свевами в 406 г.; в 451 г. – гунны под водительством Атиллы по пути в Галлию и обратно; около 472 года – алеманы, тюринги и герулы 92. После того как в 476 году король герулов Одоакр вторгся в Италию и сверг западноримского императора, он в 488 г. окончательно передал Прибрежный Норик германцам.

Внутренний Норик в это время остается полностью связанным с Италией. В 493 г. король остготов Теодорих, посланный византийским императором Зеноном, победил Одоакра. Италией и Внутренним Нориком тогда завладели остготы. Археологические находки показывают, что остготы имели и в Восточных Альпах, то есть в Норике, свои военные гарнизоны. Например, доказано существование готского поселения в Кране.

Однако уже в 535 г. остготы, вынужденные защищаться в Италии от византийцев, оставляют весь внутренний Норик франкам. Остготское королевство в Италии прекратило свое существование в 555 г., после чего наместник византийского императора Нарзес напал на франков во Внутреннем Норике; изгнав их, византийцы в 561 г. завладели этой страной, установив свое правление.

Но в 568 году на Италию из Западной Паннонии напали могущественные лангобарды, свергнув византийскую власть в северной и центральной области – за исключением окрестностей городов Равенна и Рим. На завоеванной территории они создали свое королевство, в которое, однако, больше не входил Внутренний Норик, т.е. Восточные Альпы.

Так мы доходим до критического периода, когда в Восточные Альпы будто бы переселились с Балкан славяне и основали Карантанию. Эта общность, т.н. альпийские славяне, должна была стать предками современных словенцев.

Однако, как уже говорилось, об этом переселении ни один исторический источник нам ничего не сообщает, и многие авторы, начиная с давних времен, например, Д.Е. Шпрингсгут 93, считают, что адриатические венеты, точно так же, как и карны в Альпах, по своему языку – славяне, обосновывая свое мнение прежде всего сохранившимися топонимами (1772 г.)

Византийский писатель Константин Порфирородный в своем труде «de Administrando imperio» (cap. 27 p. 88) в 10 в. указывает, например, что старые венеты построили немало укреплений на островах, и в числе их латинских названий приводит также топонимы Cogradum, Rhibalenses, Boes, Pristena, Bronium, которые, по мнению Шпрингсгута, являются славянскими и означают: град, город (словен. grad), рыбацкий край, бой, поле боя (bojisce), пристань, оборону (bran, utrdba). Ливий (XLIV, 26), говоря о Далмации, приводит топоним Bylazora, что может означать «белая гора» (словен. bela gora) или «белое озеро» (словен. belo jezero). Птоломей (lib/ II) приводит топоним Curieta, что может означать «корыто» – «русло» и т.п.

Многие римские топонимы в здешней местности не отражают ничего содержательного, и по лингвистическим правилам их невозможно перевести в соответствующие словенские формы, но, принимая во внимания исследования ономастики и топонимики, мы находим их в родственных словенских словах. Название Tergeste (Триест) соответствует «terg» – торг (mercato), на что указывает также итальянская сторона; Timavus (Тимава) в основе своей имеет слово «тема» – «темнота, тьма»; Emona (Любляна) – скорее всего, «имение», Celeia (Целье) может быть «село», Longaticus (Логатец) – «лог»...

Из Оглея в Норик вела via Beloio вдоль реки, которая и ныне называется Bela – Белая, близ Трбижа был населенный пункт Bilachinium, что сейчас почти наверняка отразилось в наименовании города Беляк, который тогда был римским Santicum; название пункта Meclaria (Мегларье) соответствует «medgorje» (междугорье). Город Teurnia (близ Шпиттала) соответствует слову «turje» («туры»), Lentia (Линц) – словен. «lende, ledina» (целина); Ostra mons (Хрушица) является переделкой словенского слова «krusica», т.е. крошащаяся скала, позже неверно переведенная словом «hruska» (груша) в Ad pirum...

Возможность толкования всех этих топонимов на славянской основе официальная историография до сих пор заранее исключала, полагая, что славяне пришли в Альпы только в 6 в. н.э. Однако исследования топонимии, опирающиеся на топологию и краеведение при учете словенских топонимических выражений, открывает нам истинный смысл многочисленных, еще при римлянах зафиксированных названий.

КАРАНТАНИЯ

Qui mox cum exercitu in Sclavorum provinciam introiens, patrava Victoria, ad solum proprium cum maxima praedna remeavit (Pauli diaconi Historia Langobardorum). 94.

Из предыдущих глав данной книги явствует, что венетское племя уже в момент наступления римлян проживало в долинах Центральных и Восточных Альп и возле Верхней Паданской долины. То есть, в тех местностях, где до сих пор сохранились венетские (словенские) топонимы и ledinska imena, напоминающие о некогда едином венетском этносе: «венеты», «венонеты», «венены», «веносты», а также «винделики» и т.п. Археология, кроме того, открыла, что в тех местностях, где еще под владычеством римлян были распространены различные варианты имени «венеты», – там до самого римского времени сохранялись признаки таких культур как Голасекка, Мелаун и в особенности Гальштат и Эсте.

Как можно заключить из некоторых находок, во всех этих местностях проживали также кельты, занимавшиеся торговлей и добычей руд. Однако это не означает, что остальная часть населения – венеты – были всего лишь крестьянами, ведь у них самих еще до кельтов были распространены и торговля, и добыча руд. Хотя многие находки, свидетельствующие о кельтской культуре Латен в Альпах, можно приписать торговому обмену, поскольку кельты населяли все территории к северу и к югу от Альп, кроме Венецианской равнины.

Историография же, скроенная по меркам идеологий, упорно утверждает, что кельты перед приходом в Альпы римлян были здесь господствующим слоем, хотя ни археология, ни ономастика не дают нам достоверных исторических доказательств этого факта. Некоторые римские авторы, как, например, Ливий, хотя и сообщают, что некоторые кельтские племена (галлы) в Восточных Альпах имели собственное королевство, однако эти свидетельства появляются лишь после двухсотого года (?). Опираясь на археологические находки и ономастику, эти сообщения подтверждают нам то же самое. А именно: имело место присутствие кельтов в центрах, но не подчинение кельтами аборигенного племени венетов в Альпах.

В связи с приходом римлян в Восточные Альпы в 1 в. до н.э. встает еще один вопрос: было ли аборигенное население Альп, в котором многие хотели бы видеть иллирийцев, в последующие века романизовано?

Institute Sclavenica

Области, в которых во времена римлян осело италийское население, состоявшее из торговцев, колонов, чиновников, ремесленников, землевладельцев и т.п., говорили (и говорят до сих пор) на романских языках. Те же области, которые не подверглись романизации, но в которых установилось римское правление, войска, с распространением христианства, приняли официальный латинский язык. Свидетельства об этом и сейчас можно обнаружить от Фриуля до швейцарской Реции.

Далее, мы должны учитывать, что римляне в покоренных ими областях камня на камне не оставили от местных законов, и коренное население оказалось в положении бесправных чужаков (*peregrini dediticii*). Такой местностью была Реция, т.е. Центральные Альпы.

Совершенно другая картина сложилась в Восточных Альпах, т.е. в Норике.

В начале римского владычества Норик сохранял статус королевства, однако через какие-то полвека он превратился на целое столетие в вотчину цезаря. Лишь во второй половине второго века он становится рядовой римской провинцией. Поскольку население Норика никогда не считались бесправными чужаками, они уже при цезаре Каракалле были уравнены с римскими гражданами (*constitutio Antoniniana*). В конце того же века под правлением Диоклетиана местное право (*jus gentium*) уже было полностью унифицировано с римским (*jus civile*) 95.

Норик, таким образом, является обычной римской провинцией всего три десятка лет, пока граждане Норика не становятся вполне равноправными с римскими гражданами.

Однако и при статусе римской провинции они имеют собственное собрание представителей земель (*conventus Noricorum*). Кроме того, все более или менее значимые поселения Норика уже с 1 в. являются римскими городами (*municipia*), а сельская местность организована в жупании и сельские общины (*civitates*).

По причине особого положения Норика в составе Римской империи уже с самого начала мы не можем считать представителей этих общностей чужаками. Признание местного права – это, несомненно, основа для сохранения в Норике слоя местной аристократии, относительно которой у нас нет оснований утверждать, что она была романизована или латинизирована.

После разделения местности на две части во времена Диоклетиана находящийся на отшибе Прибрежный Норик наводняют пограничные отряды (*limitanei*) и подразделения регулярной римской армии (*comitatentes*), пока римское правление не ослабевает настолько, что эти местности занимают германские народы, в том числе баварцы.

Здесь следует задать ключевой вопрос: почему баварцы в то время не заняли также и Внутренний Норик? Гористость рельефа вряд ли могла им помешать, как она не помешала им занять Центральные Альпы, или Рецию. Зачем баварцам было дожидаться, чтобы пришли славяне и у них перед носом заняли Внутренний Норик?

Логичный ответ возможен лишь в том смысле, что Внутренний Норик оказывал сопротивление как атакам германских племен, так и нашествию баварцев. Это сопротивление мог оказывать лишь слой аборигенного населения Норика, который не мог быть ни римским, ни романизованным, поскольку в этом случае он как часть римского государственной и военной организации пришел в упадок вместе с ней, и этот край остался бы незащищенным, открытым для германского вторжения. Значит после падения Римской империи во Внутреннем Норике сохранилась общественная организация, которая основывалась на местном праве и которая затем перетекла в средневековую Карантанию.

На закате Западной Римской Империи на ее территории возникли различные германские королевства. Романское и романизованное население этих королевств все еще подчинялись римским законам – «*leges Romanorum*», германское население жило по т.н. варварским законам – «*leges barbarorum*».

Эти последние уже в 5–6 вв. н.э. были переведены на латинский язык и изданы в виде специальных кодексов. Так, визиготты в Испании имели собственный «*lex Visigothorum*», остроготты в Италии – свой «*Edictum Teodorici*», для лангобардов в 7 в. был издан «*Edictum Rothari*», для аллеманов, или швабов – «*lex Alamannorum*». В 8 в. был издан также «*lex Saxonum*» для саксов, и это уже потом, когда потерпел поражение Карл Великий.

Франки, которые после крушения Западной Римской Империи постепенно начали господствовать в Западной Европе, вначале образовали несколько небольших королевств, из которых позднее образовались два крупных – Невстрия под управлением Меровингов, и Австразия под династией Каролингов. – В Невстрии был общепринят кодекс *lex Salica*, написанный еще около 490 г., известный также тем, что предписывает после агнатического наследования переход трона при полном отстранении женщин (в

отличие от «lex Visigothorum»). В Австразии действовал «lex Ripuaria», полностью носивший характер народного права и существовавший в письменном виде лишь с 7 в. Эти законы потом оставались действительны, претерпев некоторые изменения и дополнения, и в средние века.

В Карантании, сформировавшейся на территории Внутреннего Норика, по всей вероятности, сохранялось еще старое местное право времен господства римлян. Речь идет о древнем народном праве, которое сохраняется как правовой обычай, привычка (*consuetudine*) и для самой государственно–правовой конструкции и общественной организации Карантании. Это право для того времени, когда впервые упоминается Карантания, еще не упоминается отдельно. Лишь с начала 11 в. оно упоминается в исторических сообщениях под названиями 96:

institutio Sclavenica communis omnium Slavica lex.

Это – словенский правопорядок, или всеобщий словенский закон, возникший в Карантании не тогда, когда он впервые упоминается в источниках, а происходящий из «*ius gentium*», поскольку жители Норика, как впоследствии карантанцы, уже издавна являлись «*natio*», т.е. признанной правовой общностью.

Общественная организация карантанцев отличалась от германской, основой которой являлась древняя родственная «жупа» – «*sipa*» (*Sippe*, *zupa*). Основой карантанской организации была «весь» («*vas*») в значении общности и населенного пункта, с поделенной пашней и общим выпасом и лесными угодьями. О старой «жупе» напоминает лишь термин «*zupan*», которым обозначался глава сельской общины. О существовании какой–либо родовой общины в Карантании источники нам не сообщают.

Каждая «весь» имеет свою территорию, несколько таких поселений в зависимости от географического положения связывается в округ, возможно, называвшийся «жупанией», которой правил главный жупан, которого также могли называть головой (эти названия в источниках не присутствуют). Во главе округа стоит региональный князь (*princeps*), наделенный, как представляется, прежде всего военными функциями, а также осуществляющий связь с центральным двором, властью, во главе которой стоит воевода (*dux*). Воевода и князя образуют слой знати, который все же не является наднародным.

Свободные крестьяне, в противоположность знати, являются решающим политическим фактором. На уровне селения они организуются в совет, называемый «соседством» (*sosednja*, *sosecka*), на уровне округа совет называется «поезда» (*pojezda*), куда приезжает обычно высший представитель власти, в том числе воевода, на всенародном уровне такой совет называется «веча». На нем избирается новый воевода, непосредственно или через посланников, т.н. «добрых людей». Нового воеводу через своего представителя (?) возводит на трон народ на Княжьем Камне; после этого воевода отправляется на Господетско поле и восходит на Воеводский трон, где осуществляет первые шаги пребывания у власти.

Все эти правовые особенности Карантанского государства нам известны лишь из более поздних записей, однако они, несомненно, восходят к самым истокам и впоследствии, в средние века, сливаются с феодальными элементами, в результате чего образуется средневековая феодальная система Карантании. В этой системе присутствуют и другие

древние словенские элементы, в числе которых наиболее характерными являются свидетельства об отправлении закона: «rota» как старинный вид присяги в определенных местах, именуемых «rotisce», свидетели называются двояко: «svidok» (testis oculatus), также «posluh» (testis auditus).

Для обозначения общности остается термин «община» (obcina), общественные работы называются «gobota», внутренние беспорядки носят название «крамола» (carmola), коварное убийство называется «разбой» и т.д.

Женщина в Карантании является полностью равноправной, имеет имущественные и хозяйственные права, является дееспособной. Карантанские представительницы знати даже основывают монастыри, например, св. Гемма (11 в.), что было возможно лишь на основании карантанского права. Право вначале привязывалось к лицу, а не к земле. Лишь к 10 в. возможно принятие другого вида права, что впоследствии называется «professio iuris».

Наследовать в Карантании, в том случае, если не было наследников по мужской линии, могла женщина, в том числе по материнской линии. Это распространялось даже на верховную власть, что подтверждает пример воеводы Арнуфля Корошского (9 в.), сына благородной карантанки и франкского принца Карлмана. Примером родового наследования (?) является род Шпангейм, получивший имя по зятю, выходцу с Рейна, который взял в жены Рикарду, наследницу корошского знатного рода. Знать в Карантании была своя, местная.

Общественная организация и право Карантанцев могло происходить лишь от их предшественников, коренного населения Норика, которое под владычеством римлян оставалось «patio», то есть народом с признанными законами, или государственностью. Лишь в таком состоянии оно могло сохранить свои жизненные и правовые обычаи и свою традицию. В таких обстоятельствах совершенно неоправданно, да и не доказано утверждение официальной историографии относительно словенских земель к концу античного периода: «Таким образом, в силе были два знака равенства в период переселения варваров – то, что они были хотя бы в общей массе романизованы и охристианены» 97. Следовало бы сказать: в общей массе они не были романизованы и охристианены.

Идеология переселенчества

Гипотеза о романизации и христианизации Восточных Альп имеет ключевое значение для дальнейших выводов официальной историографии, вследствие чего переселение на эти территории славян в 6 в. выглядит вполне убедительно. Уж если ранее местное население подверглось романизации и христианизации, а впоследствии население Карантании оказывается языческим, то ясно, что старое население отсюда ушло, а его место заняло новое, славянское, нехристианское.

Ну, а если старое население не было романизовано и христианизовано, на каком языке оно говорило? По-видимому, только по-венетски (словенски), так же, как и их западные соседи ретийцы. Об этом свидетельствуют сохранившиеся словенские наименования на территории Альп вплоть до Швейцарии, докуда переселение славян в 6 в., соответственно позиции официальной историографии, не докатилось вовсе. По той

причине эта же самая официальная историография просто—напросто замалчивает наличие словенских наименований в Тирольских и Швейцарских Альпах.

При всех стараниях официальных историков, помещающих славян в Альпы в 6 веке, но лишь до хребтов Высоких Тур, не позволяя им пересекать этой границы, остается все же фактом, что о переселении славян в Восточные Альпы в конце 6 в. исторические источники ничего не сообщают. Однако такое переселение не могло не отразиться в письменных свидетельствах, тем более что, с другой стороны, упоминаний о вторжениях германских и прочих племен, не имевших столь длительных последствий, в них можно найти великое множество. И только почему—то славяне, которым якобы удалось занять весь Норик, остались за пределами внимания летописцев!

В период, предшествовавший Первой мировой войне, этот вопрос находился под влиянием идеологической модели южного славянства. Если словенцы по своему языку относятся к южным славянам, то их предки должны были прийти в Альпы вскоре после того как южно—славянская волна переселений охватила Балканы. Лингвист В.Облак, представлявший себе южнославянские языки как «непрерывный ряд родственных говоров» заявляет, что словенцы после переселения на свои нынешние территории вряд ли столкнулись здесь с исконными славянами 98.

Этот народ должен был быть весьма многочисленным, чтобы выдержать натиск разнообразных варваров. Мог ли столь сильный народ бесследно исчезнуть? В Верхней Штирии и северной Каринтии исконное славянское население должно было оставить следы в виде сохранившихся словенских топонимов. Разве их нет?

Именно поэтому, по мнению ученого, в Альпах до прихода словенцев во второй половине 6 в. не могло быть никаких славян. Поскольку же именно о таких топонимах в те времена многое было написано, данное утверждение Облака является очевидной натяжкой, а уж делалось ли это по неведению или в угоду немецкой националистической идеологии из карьерных соображений, пусть судят биографы. То, как словенцев загонял в Альпы заслуженный словенский историк, А.Кос, видно из следующих его тезисов 99:

«Южные и западные славянские народы, как, например, сербы, хорваты, болгары или чехи, пришли на свою теперешнюю территорию в шестом или седьмом веке нашей эры. Из этого следует заключить, что и словенцы поселились по Саве, Драве, Муре и Соче в то же время, а не за тысячу лет до этого.

Авары без боев получили Паннонию и земли гепидов, а Норик нужно было еще завоевать. Все говорит о том, что это сделали словенцы.

Вероятно, словенцы разрушили город Тибурнию, или Теурнию, а также и город Агунтум. По всей вероятности, они разрушили и Эмону... Словенцы селились в бывшем Норике и других соседних областях, продвигаясь вверх по течению рек».

Эту авторскую картинку переселения словенских предков в Альпы с Балкан разрушают заключения серьезных лингвистов о том, что словенцы не относятся к группе южно—славянских языков, к которой они, безусловно, относились бы в том случае, если бы их предки переселились в Альпы с Балкан.

Поскольку с этим фактом спорить трудно, историки пытаются свое первоначальное утверждение о переселении предков словенцев в Альпы с Балкан дополнить предположением о волне переселений славян, которая еще раньше, около 550 г. надвинулась на Восточные Альпы с севера, из-под Карпат и современной Моравии (Б.Графенауэр) 100. Отсюда – западнославянские формы в словенских диалектах (sidlo, mocidlo, sedlo). Однако, что касается волны переселения с севера, то археологические находки подтверждают его лишь для направления через западную Паннонию на Балканы. Все это, таким образом, не более, чем попытка спасти достоверность утверждения о переселении с Балкан в Альпы.

Официальная историография, которая пытается в рамках заранее заготовленной модели в духе будь то немецкой националистической, будь то панславянской идеологии обосновать переселение славян в Восточные Альпы в 6 в., осознает свою ограниченность. Поэтому она стремится, ссылаясь на многочисленные сочинения, литературу, имена, являющиеся мировыми авторитетами, укрепить в общественном сознании уверенность в том, что общественно-экономическая структура римских провинций после крушения Западной Римской империи, вызванного германцами, не была уничтожена.

Однако в Восточных Альпах эта структура после ухода лангобардов в Италию в 568 году прекратила свое существование. Рассуждая в этом направлении, получаем «логическое» заключение: эту структуру уничтожили славяне, которые, если верить источникам, присутствуют в последующих веках в Восточных Альпах. То есть славяне именно тогда и должны были прийти в Восточные Альпы!

Многочисленные сочинения и дискуссии о прекращении существования или хотя бы частичном сохранении этих античных римских структур связал в общую картину Б.Графенауэр; при этом он старательно отметал некоторые из объяснений, которые допускали продолжение античной традиции, из чего в особенности австро-германские авторы стремятся обосновать присутствие «кельтских» реликтов в Норике. Например, исходя из старинных обычаев, таких как «Летучие процессии» в Корошке. Из всей картины, предлагаемой нам этим известным историком, приведем в сжатом виде лишь основные тезисы 101:

1. Славянский период Карантании с конца 6 в. по начало 9 в. в том, что касается экономики и культуры, разительно отличается от периода поздней античности, на который остроготы не оказали разрушительного воздействия ранее. Пепел же сожженных городов, типа Норика, тому не более чем символическое свидетельство (R.Egger, J.Klemenc).
2. Территория расселения остается той же самой, что и в период Гальштата, и в римский период, и как бы плавно переходит в раннее средневековье Карантании. Из этого может следовать, что славяне, придя в регион, заселили земли т.н. старых поселенцев (M.Kos, E.Klebel, R.Eger).
3. Как указывают сохранившиеся топонимы, среди словенцев не было сколько-нибудь многочисленного слоя «старых поселенцев», называемых влахами (M.Kos). Часть альпийских романцев, или влахов, якобы была потеснена славянами на запад, о чем может свидетельствовать наименование «Noricum», встречающееся в раннем средневековье в пограничных землях Баварии.

4. Римская система деления поля не встречается нигде. Средневековая система могла сформироваться лишь позднее, когда Карантания попадает под власть франков (B.Grafenauer, S.Vilfan). Карантанцы же могли перенять ретийский двухколесный плуг, т.е. усовершенствованное рало (S.Gabrovec).

5. Родственная община, имевшая общий очаг, общее поле, небольшие населенные пункты, пастушеские сообщества, жупаны, косезы и т.п. – все это реалии славянского, а не античного происхождения. Косезы понимаются как отражение славянского института княжеской свиты, т.н. «дружины» (B.Grafenauer).

6. Христианизация карантанцев могла происходить относительно быстро также и по причине сохранения в их среде романского христианского населения (влахов).

Все эти аргументы призваны были доказать наступление в культуре переломного между античностью и средневековьем момента, доказать, что между этими двумя периодами не существует никакой преемственности. А уже это могло бы служить доказательством нигде не зафиксированного переселения славян в Восточные Альпы. Но насколько обоснованы все приводимые доводы?

Дело в том, что так называемый славянский период Карантании существенно отличается от позднеантичного, который был ориентирован на античный город с его римской системой. Однако, город охватывал, как уже говорилось, примерно лишь одну десятую часть населения. Остальное население было сельским, оно не было лишено законов, а имело свою правовую организацию. Село же не испытало впоследствии упадка. Все приведенные доводы Б.Графенауэра, кроме упоминания общины, в данном примере нам доказывают как раз обратное: непрерывность существования организации села от поздней античности до средневековья.

Города

Сожженные города Норика сами по себе не являются свидетельством того, что в указанное время сюда пришли славяне и сожгли их. Уже историк Фр. Кос это понимал и высказался с некоторой осторожностью: «Видимо, это сделали славяне».

Здесь имеются в виду не только города, но и другие населенные пункты периода поздней античности, как правило, укрепленные, которые примерно с 4 в. возникали вокруг античных городов и крупных поселений. Это были поселения городского и военно-оборонительного типа, о которых славянская топонимика оставила нам довольно точные упоминания.

Наиболее характерный тип подобного позднеантичного укрепленного поселения – это т.н. «gradec» («градец» – маленький замок), исконное название которого доносят до нас такие топонимы как Grazerkogel (683 м над Целовцем) и Grazerkogel (503 м над Госпосветским полем). Далее – Градец (Грац) как столица Штирии, Айдовски Градец (возле Бохиньской Быстрицы, возле Вранья), также Heidenschloss возле Вейссенштейна над Беляком, Словень Градец, Полхов Градец, Градец (возле Лисцы, в Козьянском, возле Литии, возле Подтурна и т.д.).

Население «градцев» должно было быть уже в конце античного периода преимущественно христианским, как свидетельствуют базилики, узнаваемые в раскопанных фундаментах большинства этих поселений. Найдены также надписи, сделанные в честь Юпитера, в Доле (Duel), под Бистрицей на Драве, а также Аполлона (в Теурнии) и т.п., что говорит нам о том, что городское население периода поздней античности было частично языческим, частично христианским.

От «градцев» поздней античности отличаются «gradisca» («градища»), обычно это укрепление доримского времени, а для описываемого времени – сельский укрепленный населенный пункт. Небольшое укрепление с гарнизонной стражей появляется в именах того времени в огласовке *sanca*. Кроме того, к тому же времени относятся обнаруженные археологами укрепленные убежища, как, например, *tabor*. Позднее, в средние века, их элементом была также церковь. Данный термин, происходящий от значения укрепленного холма, куда устремлялось население при возникновении опасности, относится еще к доримскому времени и узнаваем в именах, содержащих элемент «*taurus*» и т.д.

Большинство «градцев» было покинуто населением в период упадка античности, или падения римского владычества, так как городское, романизованное население постепенно отсюда отселилось. Под властью остроготовов лишь в отдельных городах удерживается бывшее, еще римское, правление. Так же точно оно удерживается еще несколько лет при господстве византийцев (до 568 г.), когда в Италии его свергают лангобарды. Учитывая, что переселение славян в Альпы для того времени не может быть доказана или обоснована, как и прочие обстоятельства, нам остается заключить следующее:

После того как лангобарды в Италии свергли власть византийцев и основали собственное королевство, Внутренний Норик был административно отрезан от Италии; исконное население Норика, венеты, или словене, не подвергшиеся ни кельтизации, ни романизации, могли тогда, не опасаясь за последствия, сжечь и разрушить города, которые были центрами чужого правления и эксплуатации.

Если бы эти города сожгли славяне, то встал бы вопрос о необходимости защиты от разорителей. Однако официальные историки твердят, что население Норика сбежало во Фриуль и Баварию. Тогда города должны были опустеть. Зачем их в таком случае жечь обвиняемым в этом славянам? Затем что они были дикарями? И поэтому им следовало сжечь города, остаться без крыши над головой и, может быть, вырыть себе землянки («*zemunice*»).

Предполагаемое переселение славян в Альпы и утверждение о том, что они выжигали альпийские города, очевидно противоречат друг другу. Относительно некоторых «градцев» археологи утверждают, что они сохранялись и во время существования Карантании, как, например, Рифник при Целье, Птуйский замок, Трнье в Подьюне, Св. Павел над Вртовином в Випаве, Св. Ловренц под Сторжичем, Лавант возле Линца и многие другие. К ним также относится и Крнский Град, центр Карантании, упоминаемый позднее как «двор» (*curtis*).

Пришли ли раннекарантанские «дворы» на смену позднеантичным «градцам» в качестве административных центров, сказать не представляется возможным. Похоже, они были организованы по образцу римского управления. Однако ведению исследований в этом направлении до настоящего времени мешало убеждение, что

после лангобардов в бывший Норик вторглись славяне и что ввиду этого Карантания не может иметь ничего общего с поздней античностью.

С приходом в упадок городов поздней античности и «градцев» в Восточных Альпах окончательно исчезает провинциально–римская культура, характерная для позднего Норика. Это, однако, не означает, что население Норика отсюда отселилось. Огромное большинство населения здесь составляли селяне. В сохранившихся именах в отдельных случаях нет четкого разграничения понятий «градец», (т.е. типичное городское поселение поздней античности) и характерным для сельской местности «градищем». Однако, если взять весь топонимический материал, то это различие предстает ясно очерченным. Распространенное название «градище» сохранилось применительно к укрепленным и густонаселенным сельским местностям, в значительной мере и до наших дней.

Сельская местность во Внутреннем Норике с крахом римского владычества, а позднее остроготского и непродолжительного византийского господства не подверглась разрушению. Власть могла перейти лишь к собственному крестьянскому слою, организованному в крестьянские общины (*civitates*), уже на уровне общественно–правового созрания, но еще вне христианства. Старые «*civitates*», упоминаемые во время римлян в значении сельских общин или жупаний, которые имели собственное право и общественную организацию, сохранились до времен Карантании, когда об их существовании на территории Карнии и Крайны (Гореньско) около 670 г. говорит Аноним Равеннский («*Cosmografica IV*, с. 19), приводя целых 25 наименований. Это были центральные села.

Таким образом, не является странным то, что территория заселения времен римлян продолжает свою традицию в Карантании, что, разумеется, отнюдь не свидетельствует о прибытии сюда новых поселенцев, славян. Наоборот, это указывает на сохранение здесь старого населения. И поэтому немногого стоит утверждение, что большинство жителей Норика, как предполагается, романизованных, отступило на запад и принесло имя Норик в ближайшие пограничные зоны Баварии. Эти территории, от Травны до Инна, протекающего за пределами альпийских территорий, а также долина Пустрицы, которые были в то время заселены баварцами, во времена римского господства относились к Норикку, и потом еще долго, до средневековья, сохраняли имя, полученное в период Норика.

Веси и села

Среди первейших «доказательств» прихода славян на территорию бывшего Норика, где они якобы поработили остатки коренного населения, любят приводить старый словенский термин «*krscenica*» для обозначения служанки. Это выражение наиболее горячие головы выволокли из дальнего угла, ведь оно ни в коей мере не присутствует в общесловенском речевом обиходе. С дальним прицелом они навязали ему идеологическую роль научного доказательства, хотя и значит–то оно лишь то, что служанка – это тоже христианское существо, с чем должны считаться и ее хозяева.

Само же по себе это наименование, путешествующее в качестве примера из одного издания в другое, еще ничего не доказывает.

Совершенно бесспорно то, что остатки христианизованного местного населения в ранней Карантании существовали. Раскопанный фундамент базилик во многих «градцах» свидетельствуют о весьма распространенном среди местного населения христианстве еще со времен бывшего Норика, что после уничтожения городов не могло последовательно сойти на нет.

В сельской местности после заката поздней античности, т.е. городского правления, к власти приходит сельский слой населения со своей общественной организацией, свидетельства которой мы в последующие века находим в Карантании, что не находит аналогий у южных и восточных славян. Родственные формы возможно обнаружить лишь у западных славян.

Основой общественной организации у словенцев издавна является деревня, «весь» (vas), которая означает не просто населенный пункт, а самую настоящую территориальную общность. Деревня как населенный пункт может состоять из нескольких хуторов, в образуемую территориальную общность может войти и небольшое село или даже несколько таких сел, которые вообще-то являются самостоятельными населенными пунктами.

Термин «vas» довольно старый, у него есть параллель в санскрите – «веса», что означает «сосед», «слуга» (skok), или также «дом» (boisacq). В латыни в этом же ряду понятий стоит «vicus» – «группа домов», «площадь», «квартал».

В древнегреческом языке – «oikos», населенный пункт сельского типа; в кельтских языках, как, например, в галльском – «gwig»; в старогерманских, напр., в нордическом «vik». И во всех западнославянских языках, кроме словенского, то есть в чешском, словацком, лужицко-сорбском, польском и кашубском (словинском). У адриатических венетов это название сохранилось в названии современного города Виценца, ранее Викетиа (Prosdoci). Все эти языки распространены на территории, куда направлялись потоки венетских переселенцев, из Северной через Центральную в Юго-Западную и Западную Европу.

У южных и восточных славян нет выражения «vas», они пользуются термином «selo». Это обстоятельство является знаком другой общественной организации у этих народов. И действительно, у русских сохранялась общность, именуемая «мир», с временными земельными наделами, личным домом, приусадебным участком и общим выпасом и лесом. (индоевр. (s)mer – поделить). На южнославянской территории же до недавних времен сохранялась старинная «жупа», основанная на фактическом и надуманном родстве; до самой второй мировой войны и какое-то время после нее – также патриархальная больша семья, по-сербски «zadruga», по-болгарски – «род», с общим полем и очагом, во главе которой стоит самый старший мужчина, дедушка.

Исходя из тезиса о существовании исконного народа югославян, идеологи уже после второй мировой войны составили схему исходной общественной организации этого гипотетического народа: род – братство – племя. Род в этом примере соответствует понятию «zadruga», из которой затем развивались новые «задруги», подобные материнской. Вместе они составляли бы «жупу». Из нескольких «жуп» могло состоять «братство», из нескольких «братств» – «племя». Старейшины, главы «жуп» впоследствии могли стать князьями. Однако после второй мировой войны понятие «братство» исчезает из книг, за исключением школьных учебников. И, поскольку также о «племенах» в источниках нет никакого следа, защитники этой концепции в ее

поддержку утверждают, что племена рассеялись при переселении, или же их могло разрушить владычество аваров (M.Kos, 1955).

В любом случае, доказательств существования родовой «задруги» у карантанцев мы не находим (J. Vilfan). Изучение сельского устройства у южных славян уже в прошлом столетии также открыло у словенцев иную организацию деревни, отличную от южнославянских народов (V.Bogisic) 102. Словенцы также не знают термина «старейшина» для обозначения деревенского головы, что указывающего на исходное общественное устройство на основе большой семьи, или «задруги». В исконно словенском языке это слово неизвестно.

Словенская деревня, ее община указывают на древнюю, устоявшуюся форму поселения.

В противоположность родовой «задруге» с общим очагом и полем, какую Б.Графенауэр, очевидно, по южно–славянской модели, желает приписать карантанцам в ранний период их самостоятельности, и, ко всему прочему, навязывает им еще и «дружинников», по украинскому образцу, в качестве вооруженной свиты князя, каковыми якобы являлись словенские косезы.

Такая параллель была бы оправданной, если представить себе, что предки словенцев, ветвь древних славян, наступающая из Закарпатья и затем с Балкан, пришли в Альпы в этот период. Что не доказано. Методология в данном примере пославлена с ног на голову, ведь гипотетическое следствие якобы должно подтверждать причину!

Далее, псевдонаучную выдумку о заселении славянами территории Альп в конце 6 века должна была бы доказать организация карантанской деревни и прилегающего к ней поля. Утверждают, что разделение поля по римской схеме нигде не сохранилось. Следующее же деление, относимое к средним векам, 9 в., якобы было совершенно отличным от римской модели. Из этого якобы следует, что поле в переходный период, то есть в первый период существования Карантании, было общественной собственностью некой организации. И такой организацией якобы могла быть только семейная община. И это считается доказательством ее существования в Карантании?

Не доказано даже существование римской схемы обработки поля в Восточных Альпах. Археологически она подтверждена лишь для местности Георгенберг под Михельдорфом в Верхней Австрии. Тогда римское землевладение было разделено на квадраты. Даже нивы имели квадратную форму (B.Grafenauer). Но в поздней Карантании такого деления нет 103.

Пример римской модели разделения поля мы не можем распространить на весь Норик. В крайнем случае на несколько владений римских колонов, которые в несколько большем числе поселились в Прибрежном Норике. Под римлянами Норик находился в особом положении, здесь не было римских латифундий, преобладало небольшое крестьянское хозяйство. Если землю сохранило за собой исконное население Норика, то не было римской модели деления.

Поскольку для промера земельных угодий применялась римская квадратная система на основании орала, iugerum 2520 м², им можно было измерять площади любой формы, что, вообще говоря, не предполагает квадратной формы участка, а тем более нивы.

Поскольку нивы приспособляются к форме поверхности и чаще всего бывают продолговатой формы.

При этом вообще маловероятно, чтобы площади в Норике измеряли квадратами. Их величину оценивали обычно обходом, как и позднее, в средние века. Так как в площадях, которые можно было обрабатывать, недостатка не было, их не нужно было вымерять досконально. Решающим моментом для права пользования было, кто раскорчевал ту или иную территорию, расчистил ее, обработал.

Поскольку в Норике не было римской модели деления поля, и поскольку невозможно доказать переселение славян на эту территорию, где они ликвидировали бы межи и превратили все в общую собственность, очевидно, что система, практиковавшаяся в Норике, или позднейшая система малых крестьянских хозяйств сохраняется и далее, в средневековой Карантании.

В Карантании, не было «задруг» с общим полем, поэтому нет возможности предполагать, что характерный тип деревни, где поле разделено, формировался лишь в 9 в. под господством франков, когда, как предполагается, пахотную землю начали размечать, измерять и делить на отдельные хозяйства и поместья (М.Кос) 104.

Система поселений типа «деревня и село» с разделением поля – весьма древняя, уходит корнями в Норик или в еще более раннее время. Деревни с прилегающей территорией, очевидно, и есть «*civitates*», упоминаемые римлянами. Деревни имеют названия, характерные для котловин или равнин. Села – меньшие населенные пункты, которые образуются при росте численности населения и опустевают при его сокращении. Как во время колонизации новых областей в Карантании и позднее, так и в настоящее время.

Плуг, соха и пчелы

Терпит крах и другое «косвенное» доказательство переселения славян в Альпы на закате античности, особенно на примере плуга.

В земледельческой культуре плуг относится к важнейшим орудиям обработки земли. По его совершенству оценивают уровень, которого достигло земледелие на том или ином историческом этапе. Как открыл известный археолог С.Габровец, производя классификацию найденных здесь железных плужных лемехов от латенского до позднеантичного периода, во времена римлян именно Восточные Альпы были центром прогресса земледелия.

Ученый не прошел и мимо того факта, что именно здесь примитивный исходный плуг, т.е. усовершенствованная соха, был в первом веке поставлен на колеса 105. Таким образом был облегчен процесс пахоты, поскольку плуг больше не застревал в почве. О двухколесном плуге на территории ближней Реции нам сообщает уже Плиний старший (XVIII 18, 48), приводя при этом выражение «*plaumorati*» 106.

Однако славяне, якобы переселившись в Восточные Альпы, не переняли двухколесного плуга от коренного населения, а предпочли остаться с простейшим плугом – «рало». Это якобы доказывают раскопки в Карантании, где будто бы недостает находок для периода 6–9 вв., которые могли бы подтвердить, что идея плуга была переселенцами

позаимствована. Да и само слово «плуг» якобы является заимствованным славянами через романцев от кельтов (plovum) или от германцев (Pflug).

От прежнего населения вновь прибывшие славяне якобы унаследовали крупный рогатый скот, отличавшийся длинными рогами, который в Норике разводили римляне, а также определенные виды лошадей. А со своей прежней родины они якобы привнесли птицеводство и пчеловодство 107. Однако все эти утверждения противоречат друг другу!

Необоснованно уже само утверждение о заимствовании слова «плуг», как несловенского термина 108. Еще более лишено оснований утверждение о том, что славяне позаимствовали кельтско–римское или германское слово, обозначающее плуг, но не само орудие, даже несмотря на то, что археология для т.н. карантанского периода не обнаружила соответствующих предметов. Не все находки можно однозначно классифицировать, иногда же они и вовсе не доходят до нас.

Однако уже то предположение, что т.н. исконное население утащило с собой в Рецию двухколесные плуги, чтобы не оставлять славянам, но оставило им длиннорогих коров и некоторые породы лошадей, звучит совершенно наивно. А если двухколесные плуги остались в Восточных Альпах, то что тогда гипотетически переселившиеся на эту территорию славяне не догадались бы, как это применяется, и остались бы при своих орудиях? Неужто они были так тупы и неотесаны? Пусть в это верит тот, кому в это хочется верить!

В 1985 году же в местечке Себенье у города Блед был найден клад – богатые орудия и оружие, изготовленное в первой трети 9 в., т.е. к т.н. словенскому периоду Карантании. В составе этой находки были обнаружены также железные лемеха в форме лопастей и заостренной формы, а также различное оружие и сбруя для боевых лошадей. Экспертное изучение находок привело к выводу, что в это время в деревнях вокруг озера Блед жили свободные граждане с семьями, причем у каждого было собственное натуральное хозяйство, и они время от времени участвовали в походах тяжелой кавалерии – самом современном роде войск для того времени, построенном по франкскому образцу 109.

Таким образом, рушатся утверждения о том, что карантанцы не знали плуга, о неразделенном поле, и, следовательно, предположение о семейной «задруге» и миф о «небоевитости» карантанцев.

Археологические находки лишь подтверждают то, что некоторые немецкие и австрийские исследователи обнаруживали и ранее. Уже до первой мировой войны К.Рамм допускал существование славянского плуга в Альпах (1908). После второй мировой войны Х.Корен установил, что плуг уже издавна был известен в этих землях, которые никогда не обрабатывались баварским населением (1950). Характерно также и его открытие, что более древняя соха, которая считалась типичной для славян, распространена в Тироле, в особенности в Южном Тироле, куда славяне, как считалось, не успели добраться. Однако, такое состояние дел полностью согласовывается с территорией, где до настоящего времени сохранились словенские топонимы, которые через территорию Тироля достигают территории центральной Швейцарии.

Особого внимания в ряду «косвенных» доказательств о заселении славянами Альп в 6 веке заслуживает утверждение о том, что славяне принесли с собой навыки птицеводства и пчеловодства. Это утверждение абсолютно не вяжется с немецко-националистическими концепциями, в которых славяне предстают поработанным малокультурным этносом, которым нашел призрачное обоснование Й.Пейскер, историк университета в Градце (1905) 110. Германские и турецко-татарские соседи будто бы уже в древнейшей истории подчинили славян и, владея над ними, не допускали их до животноводства. Тогда славянам пришлось отправиться в свой гипотетический поход через Карпаты без скота, без лошадей, лишь с гуртом кур, уток и гусей. И, похоже, с пчелиными ульями за спиной? Подставляясь под набеги соседних конных народов? Какой народ стал бы переселяться таким способом?

Поскольку как мед в античное время и еще задолго до него был единственным подсластителем, пчеловодство в древнем хозяйстве занимало важное место. В Альпах оно было распространено еще до римлян. Если бы его сюда занесли славяне при их предполагаемом переселении, альпийское пчеловодство имело бы сходные черты с методами, распространенными у других славянских народов, но таковых нет. Характерно и то, что в словенском языке нет терминов, которые относились бы к бортничеству, которое было характерно для северных и восточных славян 111. Если принять, что традиция пчеловодства у словенцев не прекращалась, и наоборот, и в последнее время переживала интенсивное развитие, вряд ли такой слой терминов, если бы он существовал, был бы предан забвению.

Более того, традиционный словенский улей, называемый «kranjč», до нашего века был распространен как в Краине, так и в Приморье, Штирии, Каринтии, а также далее вдоль долины Путрицы в Изарко (Eisaktal), через города Бриксен, Бозен, Меран и их окрестности в Винтшгау, затем через Режу (Reschen-Pass) в Энгадин и далее в кантоне Грисун 112 .

На всей территории Восточных Альп до сего дня распространено название «краньская пчела» (*Apis mellifica carnica*), называемая австрийскими соседями «корошской», а в новейших трудах – «норикской», так как ареал ее распространения – территории, некогда входившие в Норик.

Случайно ли то, что распространенность словенского улья совпадает с альпийской территорией, на которой множество словенских имен, и тянется через хребты Высоких Тур на запад? И случайно ли, что краньская пчела упоминается прежде всего на территории бывшего Норика? Думается, что нет!

Скот и горы

Уже в доримские времена в Норике существовала порода тяжелых альпийских лошадей, которые достаточно точно изображены на больших серебряных монетах. В римское время конские фигуры стали еще более часто изображаться на каменных надгробиях. По свидетельству источника от 507 года (Cassiod. var. III 50), существовала и более мелкая порода.

Очевидно, упоминаемые разновидности лошадей были хорошо приспособлены к местным условиям: лошади более крупной и тяжелой породы запрягались в тяжело

груженные повозки, которым приходилось одолевать крутые подъемы; лошади меньшего размера использовались для навьючивания и работы. Как следует из некоторых упоминаний, здесь разводили также и скаковых лошадей.

Путем скрещивания пород в более поздние времена, как считают исследователи, был получен норикский конь, известный также под названием «пинцгаузская порода», по наименованию Солноградского района Пинцгау. Он стал распространен также в Каринтии, Штирии и в Крайне, где впоследствии возникли различные вариации породы.

При этом опять возникает вопрос, зачем бы вдруг местные жители, если они и в самом деле под натиском славян отступили на запад, оставили дома, в Норике, именно лошадей? А сами словно бы двинулись в путь пешком, неся все самое необходимое на спине или толкая перед собой на тачках? Вот уж странное заключение!

Не менее странными представляются утверждения усердных историков относительно животноводства в Норике. Считается, что длиннорогий крупный рогатый скот привнесли в Норик римляне. Однако более уместным было бы считать, что его вывело само население Норика в то время, когда здесь находились римляне.

Длиннорогий скот в Норике не преобладал и сохранился здесь лишь в качестве одной из местных пород. Он стал основным материалом для селекции и возникновения в Восточных Альпах различных пород светлой масти, от которых происходят также и крайние «блондинки»; такой скот отличается разнообразием оттенков. Светлый окрас и удлинённые рога являются признаками исходной породы.

Намного ближе к исходному крупному рогатому скоту с менее длинными рогами, присутствовавшему в Норике, стоит несколько облагороженная порода «пинцгау», бело-пятнистая и рыжевато-красная, в т.ч. и рыжей масти, которая вплоть до недавних времен была распространена в Юлийских Альпах и, разумеется, в окрестностях Пинцгау, а также Солнограда (Зальсбурга).

И здесь представляется маловероятным, если бы т.н. норикские старожилы в самом деле оставили свои края, не угнав с собой скот и оставив его новоприбывшим славянам. Обстоятельства говорят о том, что проживавшие в селах норичане остались вместе со своими стадами дома и что славянского переселения с Балкан в Альпы не было вовсе.

В пользу этого свидетельствуют также весьма разнообразные способы хозяйствования в Альпах, если сравнивать их с теми, что приняты на Динарском нагорье. Основа альпийского хозяйства – разведение крупного рогатого скота, прежде всего молочных пород, с традицией сыроварения в горах. Динарское хозяйство основывается на овцеводстве. Альпийские склоны же уже в римские времена находились в общественном пользовании 113.

Слово «*planina*» («гора, склон») первоначально означает открытую, ровную местность, предназначенную для выпаса большого стада. Как свидетельствуют топонимы, такие участки также первоначально находились на менее высоких уровнях.

Под воздействием специфических для Словении социальных обстоятельств слово «*planina*» получило особый оттенок значения, которого нет в других славянских

языках, где имеется данное слово. Это – выпас, находящийся в общественной собственности словенской деревни, а, поскольку скот могли пасти не одним стадом, то и «планин» могло быть несколько. В выпасные сообщества, которые пользовались «планиной» и ухаживали за ней, вступали также и жители новых, образовывавшихся рядом, сел, насколько это позволял объем выпаса. «Планина» как таковая объединяла стадо дойных коров с участком производства сыра. Прочие виды «планины» (те, на которых паслись козы, овцы, кони) упоминаются отдельно.

Наиболее старым видом «планины», безусловно, является т.н. «tamar»; выражение «tamariti» означает, что пастух идет за стадом, которое на какое-то время останавливается там, где имеется хорошее пастбище; там же устанавливается временное жилище, либо оно было установлено здесь ранее. Позднейший «tamar» – это огороженный стан, в котором сквашивали молоко. Древнее приспособление для этих целей называется «vogon» («vog», «ur», «ugon»); на нем вешали над огнем котел. Когда молоко в котле сквашивалось, котел отворачивали от огня, створожившееся молоко перемешивали, для чего применялся «tarnac». Скотину для доения и на ночь запирали в загоне, называемом «medvereje», сокращенно «medrje» Лишь в более позднее время появились «staje», а в нынешнем веке – «stale».

Специфические «planine» и соответствующий им тип хозяйства среди всех славян сохраняют лишь словенцы, единственный из славянских народов, проживающий в Альпах. И, соответственно этому, сохраняют все «планинскую» пастушескую и хозяйственную лексику, которая не может присутствовать у других славян в таком разнообразии выражений и их значений.

Потому совершенно ошибочна методика, по которой различные ученые мужи пытаются сравнивать словенскую «планинскую» лексику с другими славянскими языками и, не находя в ней славянских параллелей, провозглашают ее заимствованной, то ли от романских, то ли от кельтских народов. Получается, что переселившиеся в Альпы славяне, получили в свое распоряжение горы, а на них – сыроделие. Однако же равнинные славяне, непривычные к высокогорным условиям, не полезли бы вверх, если бы нашли достаточно места в долине. А уж в месте, вне всякого сомнения, недостатка не было, им пользовался всяк, кто хотел. Наш известный исследователь горной местности Х. Тума уже до первой мировой войны подчеркивал, что «планина» имела славянский характер еще в доисторические времена. «Планинскому» способу хозяйствования словенцы обучали впоследствии баварцев и ладинцев.

Однако, если славяне поселились в Альпах только в 6 в., то, получается, что гипотеза Х. Тума всего лишь курьез, не имеющий научного значения. По крайней мере, так считает этнограф В. Новак 114, выдвинувший на основании немецких этимологических словарей и их авторитета суждение о том, что славянам «планины» достались от романских старожилов, потому что их ранее, за Карпатами, они их не могли знать. И это якобы доказывает множество слов и выражений, относящихся к данной культуре хозяйствования, как, например, «medrje» (от итал. «mandria»), «tamar» (дороманское слово), «hlev» (из гот. «hlaiw»), «bajta», «pinja», «skuta» (от фриул. «baite», «pigne», «scuete»), «trnac», также «tarnac» (от кельтского корня «tar-»), «konta» (от итал. «cunetta», т.е. «углубление») и т.д. Кроме того, последнее слово как «kuta» упоминается по-русски (от «kata») и не обязательно имеет романское происхождение.

Возможно, «pinja» действительно происходит от романского или фриульского слова, поскольку этот предмет изготовлен из соснового дерева (лат. «pinea»), однако можно предположить ее происхождение от «peniti» – «пенить». Это посудина, в которой молоко взбивается, вспенивается для того, чтобы из него получилось масло. Итал. «рапа» также происходит от первоначального «репа» (Д. Трстеняк), обозначающего сливки.

В любом случае, Х. Тума дает перечисленным терминам гораздо более основательную трактовку, учитывая и позиции некоторых известных исследователей.

Происхождение слова «skuta» искусственно выводят от лат. «excocta», однако в словенском языке можно найти и другие производные слова с этим корнем: «skut», «priskutiti se», «priskuta» (Плетершник). От этого корня происходят фриульское «scuette» и нем. «Schotten». От слов. «smetana» – нем. «Schmetten».

Створоженное молоко, перемешанное приспособлением, именуемым «tarnac», называется «prosnica», от последнего происходит нем. «Spriess», а также лат. «persun» и фр. «brosse», основой же является старинное слово «proso». Наименование «tarnac» не происходит от «tornare» (Штрекель) и не является также дубинкой с насаженными на нее шипами (trn), а мешалка, при помощи которой растирается створоженное молоко. От слова «voren» (вертеть) выводится нем. «Turner», также и в именах собственных; от «sirotka» («сыворотка») происходит фриул. лат. «sir»; фр. «seras» (творог) происходит от «sir», так же как и лат. «serum».

Со словом «kvas» (дрожжи, затравка) перекликается лат. «kaseus» (сыр), отсюда – нем. «Kase». Слово «bajta» идентично «rojata», отсюда фриульские «rojate» (временка, скоростройка). От «senar» – нем. «Senner» («планинар», альпийский животновод), поскольку некогда в горах заготавливали также и сено. К слн. «loze» восходит фриул. «lozis», от слн. «utro» – также фриул. «troi», а не от лат. «trivium». «tarnac» называется у фриульцев «glove», т.е. от слн. «glovna», сохраняющего значение «горящее полено, головня».

Характерный лексический запас этой альпийской культуры формировало на местности своеобразное значение отдельных выражений. Об исконном же значении мы можем пытаться судить исходя из словенского языка и его диалектов, что нас вновь приводит к доисторическим венетам, самого древнего народа в Европе. В древнюю традицию совместной культуры в Альпах входит также т.н. «легенда о горном человеке», или, по каринтийски, о диком человеке, научившим людей сквашивать молоко 115. Эту легенду знают до сих пор в различных частях Альп – вплоть до кантона Ури, Швейцария, то есть там, где распространены славянские глоссы.

По мере того, как мы открываем все эти старинные, сохранившиеся до нас устные легенды, предполагаемое переселение славян с Балкан в Альпы нам представляется все менее достоверным. Характерно еще и то, что культурные влияния как бы показывают нам прямо противоположное направление, то есть влияние альпийской культуры на прилегающие территории Балкан, как установил известный этнолог М. Гавацци 116.

На территориях распространения кайкавского диалекта, т.е. древнего языка Славонии, скрываются многие словенские обычаи, присутствующие также в Альпах: волочение плуга на пепельницу, «юрьеванье», костры, разводимые на Пасху, приспособления для просушки сена типа «козолец», черепичные крыши, burkle, роспись по стеклу и т.п. Как и сами территории расселения, так и эти древние правила крестьянского этикета из доисторической культуры Восточных Альп свидетельствуют о преемственности.

К этому следует присовокупить также и некоторые археологические находки Гальштатского происхождения, напр., бронзовые серпы из Логге Васи (Loge Vasi) над Врбским озером, или бронзовые кошки для устойчивости при косьбе на крутых склонах, найденные в с. Тровальскавас (Треффельсдорф) под Шталеном. Раскопки в Идрии у Бачи Латенского периода дают нам железные косы, лопаты, вилы, корчеватель для кустарника и т.д., что свидетельствует о земледельческих работах в том виде, в каком они сохранились еще в течение двух тысячелетий, вплоть до послевоенного времени.

И после всех этих открытий официальная наука все еще настаивает на том, что славяне пришли в Альпы с юго-запада, в то время как факты свидетельствуют о противном. Все это – стереотипы времен пангерманизма и иллирийского народного романтизма, отразившегося в идеологии всеобщего славянского единства и исконного югославянского народа, который якобы был первоисточником всего.

Карантания – *provincia Sclaborum*

Таким образом, попытки обосновать переселение славян в Восточные Альпы около 568 года, то есть после ухода лангобардов в Италию, терпят неудачу. После того как лангобарды в Италии смели византийское правление, распространявшееся также на Внутренний Норик, на этой территории возникает независимое государство, позднее известное по источникам под именем Карантания. И, как приходится признать офофициальным историкам 117, территория Карантании почти полностью совпадает с границами Внутреннего Норика, что, разумеется, не случайно.

Вопрос в том, почему славяне, или венеты, если они присутствовали в Норике еще ранее, в римские времена, не упоминаются под данным названием?

Римские свидетельства упоминают венетов и этносы с похожими названиями в разных странах, однако многие венетские этносы носили, как отражение развития, уже новые названия. Это видно как раз на примере ретийцев и норичан. Аналогично группы кельтов также называются особыми именами, например, бойи, скордиски и т.п. так же происходит у германцев, славян и у представителей других групп.

Свидетельства римских авторов о Норике относятся, кроме того, к господствующим слоям в городах, которые были частично или преимущественно латинизированы, проникнуты римской культурой. Надписи на памятниках Норика выполнены по-латински, сцены, изображенные на них, в большинстве своем отражают события греко-римской мифологии. Это памятники представителям латинского и латинизированного господствующего класса, в отличие от которого крестьяне не писали исторических записок и не возводили каменных обелисков. Лишь позднее, когда после завершившегося остготского и византийского нашествия данной территории местная знать взяла власть в свои руки, она привлекла к себе внимание историографов. И тогда становится ясно, что этот слой составляли венеты, или словены.

Языком письменности здесь по-прежнему остается латынь, как и во всей Европе. Это не означает, что целая Европа была романизована либо латинизирована. И точно так же латинский язык и латинская культура, уже ранее распространившиеся в городах Норика, не означают автоматически того, что уже было романизировано население Норика.

И римское наименование «Норик» в период средневековья в ряде случаев еще служит для обозначения Карантании. Еще в 973 г., например, папа Бенедикт VI делает солноградского архиепископа Фридерика апостольским викарием во всем Норике – *in tota Norica provincia*...¹¹⁸. Якобы романизованные старожилы, которые будто бы убежали на запад от прорывающихся сюда славян, в таком случае не забрали с собой в Ретию своего норикского наименования. Оно осталось в Норике, вместе с ними.

Независимое словенское государство в Восточных Альпах впервые упоминает в 595 году в своей *Historia langobardorum* средневековый историк Павел Диакон. В тот год баварцы, возглавляемые воеводой Тасилом ворвались в землю словенцев, *in Sclaborum provinciam*, и с богатой добычей вернулись домой. Когда же они на следующий год вновь двинулись на словенцев, те с помощью аварского каганата нанесли им сокрушительное поражение ¹¹⁹. Из этого должно следовать, что словенцы в то время находились под защитой аваров, которым, вероятно, платили дань ¹²⁰.

Этот вывод мог быть истинным лишь в том случае, если бы словенцы действительно переселились в Альпы с Балкан, которые принадлежали тогда аварам. Однако такое переселение, как это видно из логических построений, сделанных в настоящей работе, полностью исключено. И с этим согласуются также факты археологии о том, что в Восточных Альпах до сих пор не сделано никаких находок, которые можно было бы приписать аварам ¹²¹.

Авары проживали в Паннонии и Седьмограде, откуда через Балканы при помощи тамошних славян, платившим им дань, нападали на Византию. Но эти южные славяне не были карантанцами–словенцами из Восточных Альп. О чем–либо подобном исторические источники нам ничего не сообщают. Вместе с тем, официальная историография считает также и карантанцев южными славянами, которые бьются в ту пору на Балканах вместе с византийцами, и приписывает им подданство аварам. В таком случае предшественники словенцев, по официальной версии, могли заселить Восточные Альпы лишь при помощи аваров. Такую точку зрения защищают почти все видные словенские историки: Фр. Кос, Й. Груден, Л. Гауптманн, М. Кос, Б. Графенауэр и многие другие. Исключением является Й. Мал.

Утверждение о зависимости карантанцев от аваров идет от германской националистической историографии прошлого века. Последнее также классифицировало карантанцев–словенцев как «неисторический» народ, неспособный к самостоятельной жизни, который должен уступить место немецкому натиску в направлении Адриатики.

В словенской исторической науке это утверждение принял одним из первых, может быть, Фр. Кос в начале 20 века. При этом допустимо несколько возможностей. Прежде всего, то, что Кос не осознавал исторической подоплеки данной теории. Далее, то, что, будучи ведущим профессором, поставленным австрийским правительством, которое

само было инструментом в руках немецких национальных либералов, он не хотел ссориться ни с властью, ни с чехами, которые объявляли первым славянским государством гораздо более позднюю Великую Моравию. Не хотел он ввязываться также и в спор с хорватами, которые призывали южных славян объединиться на базе хорватского исторического права.

После первой мировой войны словенский историк–унитарист Л. Гауптманн раздувал кажущуюся подчиненность словенцев аварам за границы разумного и тем самым выстраивал собственную профессиональную карьеру. Мнимое историческое рабство словенцев унитаристский режим подавал как необходимость влияния в великом югославянстве, которое якобы должно устоять перед немецкой опасностью и прочими силами.

Тот факт, что словенцы в Альпах никогда не были подчинены аварам, не может поколебать даже упоминание в источниках о том, что в 603 году аварский каган послал славян (Sclavi) на подмогу дружественным лангобардам, которые осаждали город Кремону 122. Упомянутые славяне могли быть выходцами лишь с территорий Паннонии и Балкан, которые находились под властью аваров, но никак не из Восточных Альп. И эта попытка отрицать раннюю самостоятельность карантанцев, то есть словенцев, таким образом терпит неудачу.

Когда в 610 году авары нанесли удар лангобардам во Фриуле и победили их, славяне в повествовании об этом не упомянуты 123. Таким образом, дружба между аварами и лангобардами уже прекратилась. Словенцы же, тем временем, в 611 году побеждают баварцев возле Агунта. Однако баварцы вскоре собираются с силами и их изгоняют. В том же году славяне (или словенцы) нападают на Истрию 124. И в данном случае нам тоже ничего не удастся узнать о господстве над ними аваров.

Самостоятельность словенцев в Восточных Альпах однозначно подтверждает понятие «provincia»¹²⁵, которое использовал для обозначения их земли Павел Диакон. В данном случае это понятие обозначает страну, т.е. государство коренных словенцев. Зачем бы им, если бы они переселились с юга или частично с севера как последняя волна славянских переселений, приспособляться к совершенно новой для них высокогорной местности. И как могло случиться, что затем именно они из всех славянских народов первыми установили собственное государство? Ведь прочие славянские группы, проживавшие на равнине, это сделали лишь два–три столетия позднее.

Ответ на данные вопросы мы можем найти лишь признав, что словенцы и являются сами по себе коренным народом, как мы это установили уже во многих местах нашего исследования.

К этому следует добавить еще и тот факт, что словенцы первыми среди славянских народов приняли христианство. В том, что норичане, будущие словенцы, оставались под римлянами языческим народом, нет ничего ненормального. В Римской империи, после того как властитель становился христианином, язычников более не считали противниками, ведь вся империя основывалась на языческих традициях.

Средневековое государство, в отличие от римского, основывалось на христианских воззрениях. Государство считалось чем–то данным от Бога; власть носила сакральный

характер, властитель считался ответственным перед Богом. Миссия такого государства заключается в распространении христианства. Потому здесь расцветает активное миссионерство, которое захватывает и Карантанию. Народы, которые сопротивлялись христианству, представляли опасность для христианской Европы, и на них шли войной.

Христианизация, между прочим, не была легкой задачей и продолжалась столетиями. У словенцев наблюдаются попытки миссионерства уже в самом начале существования их собственной государственности. Около 612 года к ним хотел податься миссионер св. Колумбан, как свидетельствует исторический источник. Однако этот набожный человек увидел во сне, что народ этой венетской земли – *termini Venetiorum qui et Sclavi dicuntur* – пока не созрел для святой веры. Поэтому он предпочел отправиться в иные места. С подобным же намерением к словенцам около 630 г. отправился св. Аманд; он даже пересек Дунай, но в осуществлении своей миссии не имел успеха 126.

В данном источнике один и тот же народ назван как венетами, так и словенцами, слово «*termini*», которое означает замкнутую территорию, т.н. землю, страну, подтверждает наличие государственного устройства, а не родового, общинного строя, как хотелось бы писателям–идеологам.

Король Само и Карантания

Наименование «словены», или «венеты» – *Sclavos coinomento Vinedos* – мы находим также в историческом источнике, сообщающем нам, что в 623 году славяне поднялись против авар, тогда им стало невмоготу переносить это иго. Якобы к ним присоединился купец по имени Само, которого они, за его храбрость, избрали королем 127. Таким образом, в этом источнике впервые говорится об избрании вождя так же, как позднее нам это описывают различные свидетельства о возведении на престол карантанских воевод.

С этих пор король Само несколько десятилетий правил славянами и вместе со своим войском успешно отражал набеги как аваров, так и франков. Точных данных об объеме его королевства источники нам не дают.

Из свидетельства о восстании славян против франков и выступления короля Само не вытекает, что карантанцы также платили дань аварам, как желают толковать идеологи от истории. Наименование «венеты» относится ко всем западным славянам вместе взятым. Как установили историки, эпицентр восстания против авар находился в Моравии и Чехии 128, то есть за пределами Карантании.

Король Само (правил в 623–658), как говорится в Хронике Фредегара (около 658 года), до своего избрания был купцом в области Сенонаго, находившейся под господством франков. Как это привязать к современной местности, сегодня неизвестно. Летописец относит его по происхождению к народу франков (*natione Francus*). При его дворе были в силе словенские обычаи, так что франкские посланники должны были одеться по–словенски, чтобы их допустили предстать перед владыкой. Могли ли славяне вообще избрать своим вождем чужестранца? Позднейшее сочинение *Conversio Badoariorum et Carantanorum* (создано около 873 года) прямо говорит о том, что Само был владыкой Карантании и представляет его как первого герцога карантанцев 129.

В Солнограде, где создавалась *Conversio*, события, имевшие место в Карантании, были известны гораздо лучше, нежели имел представление о них хронист Фредегар из земли франков. Если бы Само изначально был франкским купцом, то он не был бы язычником и у него не было бы несколько жен, ведь франки уже давно были христианизованы.

Однако же Само и в Карантании не мог быть герцогом, потому что, как доносят до нас источники, в этом краю как раз в его время у власти находился герцог Валук. Из всех этих данных можно заключить, что Само властвовал вне Карантании, где имелся свой герцог. Королевство Само представляло собой союз княжеств, или герцогств, в который на севере входил и полабский князь Дрван.

Карантанская земля в сравнении со всеми другими славянскими землями имела самую прочную государственную основу, а также, благодаря защите гор, находилась в наибольшей безопасности. Столица Само также должна была находиться в Карантании, южнее Дуная, через который должен был переправиться св. Аманд, направляясь со своей миссией в Карантанию с территории Бельгии. Как было принято, миссионер должен был прежде всего представиться властителю, чтобы получить его разрешение на ведение миссионерской деятельности.

Утверждение о том, что столица Само находилась в Угоште, Чехия, не находит никакого подтверждения в источниках. Это вымысел чешских историографов, вызванный их желанием «обогатить» родную историю. И данный вымысел впоследствии был повторен в учебниках словенской истории.

В 631 г. *Sclavi coinomento Winidi* при Вогастисбурге под предводительством Само одержали победу над франками, которыми командовал король Догаберт I из рода Меровингов 130.

В тот же год славянская земля в Восточных Альпах именуется как *marca Vinedorum*, то есть опять «земля венетов». Правил ею князь герцог Валук (*Wallucus dux Winedorum*) 131. Таким образом, земля имела собственного князя, но была присоединена к королевству Само. Термин «марка» означает «территория» (равно как провинция, местность), но не значит нахождения в зависимости 132. Центр королевства, или государственного союза Само находился где-то на территории Карантании, но на северных склонах Альп. То есть в центре союзного королевства, однако все еще в пределах стабильной и хорошо защищенной Карантании. А центр Карантании следует искать в районе Крнского замка.

Само наименование «Карантания» в исторических свидетельствах упоминается несколько позже, около 670 г., что, разумеется, не исключает того, что Карантания существовала и до этого. Первым это имя упоминает Аноним Равеннский (*Cosmographia IV*, с.37), говоря, в частности, о том, что территория Италии граничит и с карантанцами – «*inter Carontanos*» 133.

О происхождении названия «Карантания» историки и лингвисты до сих пор еще не пришли к единому мнению. Каринтийский ономаст Э. Кранцмайер возводит его к кельтскому слову «*carantos*» (*Manner, Freunde*). Словенский историк Б. Графенауэр склоняется к утверждению французской школы, связывающей наименование «Карантания» со словом «*karanto*» (*Charenton*), ведущего происхождение от

праиндоевропейской основы «kar» – «скала», и добавляет, что это слово не было привнесено в Альпы славянами и что оно не имеет славянского происхождения 134.

Последнее утверждение по-своему верно, поскольку таких славян, которые бы пришли в 6 веке через Карпаты в восточные Альпы, не существовало вовсе. Наименование «Карантания» является автохтонным, как и народ, ее населявший.

Как историография, так и лингвистика, находясь в тисках панславянской и немецкой националистической идеологии, а также ее тезиса о позднейшем возникновении славян, а вместе с ними и словенцев, не принимают во внимание более древнего происхождения словенского языка по сравнению с другими языками. Фактически корень «kar» в значении «скала» у словенцев сохраняется во множестве географических наименований, например, kpn, karn, karnjele (crnele) – «зубцы скал». Родственное слово «gora» в словенском языке означает именно высокие скалистые вершины и скалы, в сравнении с менее высокими видами возвышенностей – «hrib», «holm», «bula», «gric» и т.п.

Имя «Карантания» еще до конца 19 века жило в народе для обозначения края «Корошка», в формах «Korotan», а также «Goratan». Первую форму до нас доносит каринтиец А.Ш. Драбосняк, а еще ранее – О. Гутсман (1777), вторую – уже А.Т. Линхарт (1791) связывает со словом «гора».

К формам, обозначающим одну и ту же землю, («Karantanija», «Korotan», «Goratan», «Koroska» присоединяются также «Kranjska» («Karniola» и «Karnija» «Carnia», производные также от основы «kar» – «скала». В источниках эти наименования предстают как еще более старые, поскольку уже Плиний старший (III, 131) упоминает, что карнам принадлежат Хрушица (Ostra) и Сисек (Segesta). А карны были тождественны норичанам, первоначально именуемым таурисками, что мы также узнаем от Плиния–ст. (III, 133).

Может ли быть всего лишь случайностью то, что земли Корошка (Карантания), Карния и Краньска – соседние, имеющие в своих названиях одну и ту же основу, и народ их – один и тот же, тот же, что и ныне? И случайно ли, что к этим наименованиям тяготеет также наименование римского города Карнунтом на Дунае? 135. Сравнительно неподалеку от Виндобоне? Таким образом, «Карантания» – это лишь новейшая форма от «Карния», латинизированная форма от «Korotan», «Koratan» или «Goratan».

В наименованиях «Koratan» или «Goratan», помимо основы «kar» – «гора», «скала» присутствует древнеарийское слово «stan», обозначающее землю, что мы находим и в нынешних названиях территорий, расстилающихся до Индии (Пакистан, Индостан и т.п.). Тогда «Koratan» или «Goratan» ведет свое происхождение от «gora(s)tan».

То, что латинское наименование «Carantanum» является переименованным словенским наименованием «gora-tan» («Koratan»), служащим для обозначения горной местности, уже в прошлом веке утверждал каринтийский историк П. Анкерсхофен 136, отвергая кельтоманские толкования данного имени.

Средневековое латинское наименование «Carantania» по существу имеет то же самое происхождение, что и римское «Carnia», однако же является производным от словенского «Goratan» («Korotan»), что нам вновь подтверждает автохтонность

карантанцев, или словенцев в Восточных Альпах. Если бы это наименование было действительно кельтским, то его через пятьсот лет римского правления в Норике, когда кельты уже давно исчезли, словенцы не возродили бы снова к жизни, поскольку оно им, если бы они действительно сюда переселились, не было бы известно.

Эту гипотезу, как и все другие утверждения данного исследования подкрепляют также многие символы, связанные с ранней карантанской историей 137.

Среди важнейших символов такого плана – несомненно, фигура пантеры, которая во многих случаях высечена уже на памятниках римского Норика. В период кетлахкой культуры (8–11 вв.) в Карантании это наиболее часто встречающийся знак на кулонах. Позднее черная пантера – первый герб и знак на знамени этого герцогства. Коришский, или римский камень с двумя пантерами и по сей день как символ укреплен над главным входом в стольную церковь на Господетском поле.

Искони считающаяся у словенцев деревом жизни липа представлена так уже у карантанцев, но явление это еще более древнее. Это – дерево венетов, липа, росшая по всей их территории до Швейцарии, территории франков и Прибалтики. В римском Норике часто присутствует веточка с листьями сердцевидной формы, напоминающими липовые. На норикском камне, найденном в Едловце (Effendorff) в Лаботской долине имеется изображение ростка липы с тремя корешками 138, в таком же виде изображение появляется позднее, в эпоху средневековья.

Древнее, античное происхождение имеет также престол, трон. Имеются изображения роскошных тронов, принадлежавших местным правителям из римских городов Целея, Петовио, Флавия Сольва. Трон присутствует в латинском имени «Maria in Solio», что обозначает «Gosra Sveta» (753), то есть «Мария на престоле». Это – символ власти, и в обряде возведения на престол трон вновь предстает как Воеводин трон, на котором новый властитель осуществляет свои управленческие и судебные функции.

То, что словенский народ, наследник древних венетов, сохранился с доисторических времен по сей день, выглядит настоящим чудом. Он пережил набеги скифов и кельтов, римское владычество, в средневековье принял христианство, что в те времена означало для него право на признание и самостоятельную жизнь в Европе Каролингов.

Основой его существования была крестьянская культура, которую мы отмечаем и у других народов, имеющих доисторические корни, например, в Азии. Аграрная культура с развитым земледелием и животноводством, а также оборонной организацией, в данном случае уже выражена в лужицкой культуре. В Карантании она символически присутствует в обряде интронизации нового владыки на Княжем камне, где камень – очень древний символ.

Здесь присутствуют также бык и конь: первый означает земледелие, или хозяйство, а второй – оборону земли (боевой конь); здесь есть вода, которую новый властитель выпивает из крестьянского головного убора, а также костры – все в качестве элементов жизни. Это символическая основа, на которой базируется общественный строй на уровне государства: экономика, обороноспособность, вера и правительство.

СВИДЕТЕЛЬСТВА НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

La civilisation preromain a eu peu chances de survivre dans ces villes... Le contraire est le cas aux campagnes et l'on ne peut pas traiter la question de la romanisation sans tenir compte de la difference entre centre urbain et campagnes (S.Vilfan) 139.

Как явствует из настоящего исследования, крестьянская культура в Альпах была основой существования и выживания народа вендов, предшественников словенцев. Это видно из распространенных топонимов, а также из открытий археологии.

Однако, это исследование невозможно завершить, не упомянув об утверждении, которое было высказано на авторитетной встрече в Словень Градце в 1967 году экспертами в области этнографии, членами независимого рабочего сообщества, именуемого «Alpes Orientales» 140. Эта рабочая группа объединяет этнографов из всех стран на территории Восточных Альп.

Темой встречи в Словень Градце была проблема выживания народной культуры с античного и последующего за ним времени до средневековья, а в отдельных случаях – сохранения ее с доисторических времен до нашего времени.

Таким образом, имела место первая международная встреча с момента окончания второй мировой войны, где слушались ученые доклады на данную тему, являющуюся и по сей день во многих странах идеологическим табу. И хотя участники встречи со своими выводами формально не вышли из рамок предполагаемой идеологической модели о переселении славян в Восточные Альпы в конце 6 в., поставив лишь вопрос о возможной аутохтонности словенцев, уже сама постановка темы означала значительную веку в сравнении с предыдущим опытом. Так что эта группа вполне заслуженно носит свое название.

Участники встречи в Словень Градце сознавали, что их исследования и гипотезы являются первым шагом на пути решения многочисленных и весьма непростых вопросов, требующих углубленной работы. Уже их начальные открытия о многих случаях выживания доисторической и античной народной культуры в Восточных Альпах являются непреходящей ценностью, поэтому мы здесь используем их в качестве иллюстрации уже сделанных выводов.

Связь с античностью

Ввиду открытий этнографов, которые говорят о том, что доисторическая и античная культура в Восточных Альпах имела продолжение в средневековье и сохранилась в ряде случаев до наших дней, позиции официальных историков, утверждающих, что между поздней античностью и ранним средневековьем имел место коренной перелом, становится тем более уязвимой.

Позиция, которую Б. Графенауэр 141, самый видный представитель словенской историографии, подкрепляет следующими, казалось бы, абсолютно научными фактами:

- остrogоты после крушения Римской Империи во второй половине 5 века в Восточных Альпах якобы не тронули культуру поздней античности;
- между ней и т.н. славянским периодом (6–9 вв.) якобы на этой территории, то есть в Карантании, имел место существенный перелом;

- остатки пепла уничтоженных городов в Норике якобы являются символическим свидетельством вторжения славян на территорию Восточных Альп в конце 6 века.

Данные утверждения, которые в нашем исследовании уже обсуждались и пояснялись, мы приводим повторно. Это нужно для того, чтобы яснее показать то противоречие, в которое они вступают с многочисленными примерами, свидетельствующими о противоположном. А именно о продолжении древнеантичной и доисторической народной культуры. По утверждению Б. Графенауэра, этот «перелом» доказывается в частности изменением общественного строя, т.е. предполагаемой родовой общины с общим очагом и общественным полем. Однако от такой общины у карantanцев или словенцев не осталось следов. В данном случае имеет место, как уже говорилось, идеологическое распространение на словенцев того, что было в наличии у южных славян, к которым словенцы по своему происхождению не относятся.

Названный историк, далее, обосновывает предполагаемый перелом, имевший место между античностью и средневековьем, указывая на то, что гончарные формы и способы украшения металлических предметов периода поздней античности, частично имеют преемственность, однако в худшем качестве. И это утверждение свидетельствует как раз о противоположном! В Норике при сожжении городов была уничтожена провинциально–римская культура, но культура деревни уничтожена не была. Именно продолжение традиций гончарного ремесла и обработки металлов в сельской местности, в худшем качестве, чем достигали профессиональные ремесленники в городах, говорит нам о том, что сельская местность уцелела. Такое состояние ничем не доказывает наличия перелома, вызванного вымышленным переселением словенцев.

Эти обстоятельства вновь говорят о том, что жизнь и культуру села и города античного периода необходимо рассматривать отдельно. Конечно, о сельской местности у нас почти нет никаких свидетельств. Однако, если население на 90% было сельским, значит, оно играло в общественно–политической жизни Норика значимую роль. Роль, которая нам хотя и недостаточно известна, однако, несмотря на нехватку источников, ею нельзя пренебречь. Тем более, что культура села и ее сохранение до самого средневековья раскрывает перед нами совершенно иной ход событий на закате Римской Империи, чем мы привыкли представлять на основе судьбы римского, или послеримского норикского города. И именно открытия этнологии, которые мы вкратце извлекли из докладов группы «Alpes Orientales», указывают нам на иную историю села в сравнении с историей городов на закате римской эпохи.

В жизненном устройстве словенской деревни присутствуют древние компоненты, как считает словенский эксперт Сергей Вильфан (Любляна) 142, допуская возможность их отнесения к доисторическому происхождению.

Многочисленные гипотезы существуют в особенности относительно доримского происхождения некоторых типов домов в Восточных Альпах, таких как *dimnica*. Ни одна из таких гипотез, впрочем, не является достаточно убедительной. Весьма вероятным является, что многие типы домов несут в себе доисторические элементы, которые еще предстоит исследовать.

Что касается путей сообщения, то, если рассматривать их в данном аспекте, то бесспорно, что сохранились многие римские дороги, утратившие свою былую военно–политическую и экономическую роль. Античный правопорядок, по всей видимости,

сохранило выпасное скотоводство, в основном горное. В меньшей мере это относится к виноградарству. Но и в этих областях необходимы дальнейшие исследования.

Словенский пейзаж

В искусстве на территории Восточных Альп, как утверждает историк культуры Эмилиян Цевц (Любляна) 143, до раннего средневековья сохранились некоторые особенности, которые и по сей день характерны для словенского пейзажа, а именно – многочисленные храмы на возвышенностях. Во многих случаях они еще дороманского или по крайней мере романского происхождения. Многие приходские церкви были построены на месте бывших языческих капищ. Характерные словенские церкви на горах издавна вызывали внимание приезжих.

В своей книге «Des Osterrichs Wallfahrtsorte» («Божьи пути в Австрии»), Вена, 1913, писатель Ф. Хоппе отмечает:

«Где бы ни представала взору живописная возвышенность, видная отовсюду, набожный словенец строил на ней церковь». О менталитете словенцев, возводящих на горах Божьи пути (Via Crucis), он говорил, что лишь словенский народ мог осуществить этот замысел, поскольку он интуитивно стремится строить свои церкви на возвышениях.

Среди древнейших приходских церквей, построенных на месте языческих святилищ, упомянем храм на Святой горе у реки Сотла. Это красноречивый пример местности, где еще в античности было священное место: в двух часовнях мы находим знаки, относимые к дороманской эпохе, – в часовне св. Юрия и св. Мартина; изображение сидящего на каменной плите человека напоминает традиции кельтских фигур; письма частично указывают на венецианский алфавит.

Словенские Божьи пути, или святые горы, зачастую окружены легендами о «айдах» (язычниках), которые построили здесь первые храмы.

Словенская духовность, то есть религиозные традиции, обычаи и т.д. восходят к далекому прошлому. Здесь перед нами раскрывается лиричность словенской души, радость от созерцания идиллических или живописных картин. Альпийская территория до наших дней сохранила древнее и архидревнее культурное наследие, а также обычаи незапамятных времен, бытовавшие на отдаленном пространстве.

Поэтому нас не удивляет, когда известный этнограф Милан Гавацци (Загреб) перечисляет характерные для этого края орудия, приспособления, предметы народной культуры, имеющие несомненно доисторическое происхождение 144.

К этим временам относится т.н. «долбленка», или «ладья», сохранившаяся у словенцев и поныне. Раскопки подтверждают, что таким предметом пользовались в поселениях на Люблянском Барье.

Относимый к доисторическим временам или к периоду ранней истории плуг имеет для данного исследования особое значение. Это находки в Восточных Альпах, в большинстве своем относимые к римскому периоду. У этих плугов симметричные лемех и нож (crtalo), называемый в южногерманских областях «Sech», т.е. «sek», от

основы «сек–» (сечь). Нож служит для обозначения борозды, до тех пор пока она не будет пропахана лемехом, и характерен он именно для словенских территорий, здесь, в Словении, его еще можно найти в качестве сохранившегося реликта.

Среди доисторических находок можно назвать также пекву (pekva), колоколообразная крышка. Она разогревается, затем под нее кладется замешенное тесто, все это засыпается золой и угольями, так что под этим приспособление на открытом огне весьма быстро выпекается хлеб. Упоминания об этом предмете уже в новейшее время встречается кое–где в Словении, например, в Штомаже, Випава.

В словенской Паннонии делаются деревянные солонки, ободок которых имеет яйцевидную форму, вертикальную прорезь, верх украшен петушком. Такие же образцы имеются в целом ряде домковых урн, относимых к 50–250 гг. н.э.

Несомненно доисторическое происхождение имеет обычай носить на шее амулеты из зубов животных, в особенности зубы убитого кабана или медведя.

На восточной границе Альп, кроме того, были распространены и дошли до нашего времени гармоники (тростянки, пискулицы) в форме Пановой пиццали (syglnx), такие же, как изображена на знаменитой Вачской ситутле (поздний Гальштат).

Из периода ранней истории в Восточных Альпах сохранились также культурные элементы, которые и ныне проявляются в весьма отдаленных местностях, подразделяемых на промежуточные области. Такие параллельные культурные явления можно отметить в Восточных Альпах и Скандинавии, а также в Прибалтике. До сегодняшнего дня не представлялось возможности сделать выводы о каких–либо переселениях и культурном обмене, которые бы имели место в «историческое» время.

Но все это было в доисторическое время, а именно в Гальштатский период и до него, в период Культуры полей погребальных урн, когда венеты населяли всю территорию между Балтийским и Адриатическим морями. Позднее сюда вторглись кельты.

Самое большое внимание среди всех описываемых параллельных явлений вызывает, конечно же, т.н. «козолоц», также «стог», предназначенный для сушки зерна и сена. Кроме словенских территорий, это приспособление распространено также лишь в Северной Европе, а также на западе России, в Литве и Скандинавии. В Словении, а также в Скандинавии сохранились древнейшие лыжи в их первоначальном виде, в обоих случаях отмечаются одни и те же существенные элементы.

Демонстрацию подобных культурных элементов доисторического или раннеисторического периода в Восточных Альпах можно дополнить и рядом других примеров.

Например, в качестве типичной доисторической постройки наибольшее внимание вызывает пастушеская хижина. На примере Великой планины в Камнишских Альпах нам описывает ее этнограф Антон Цевц (Любляна) 145. У такой хижины с наружной стороны имеется овальный, весьма часто обнесенный каменной стеной загон для скота, с внутренней стороны либо посередине – деревянной перегородкой изолированный от него квадратный сарай для пастуха. Некогда овальная часть целиком возводилась из камня.

В древности вся постройка должна была быть целиком из камня, с крышей из каменной черепицы – так она описывается в Европе; это и есть исконный «tamar». Поскольку римляне оставили в Восточных Альпах лишь руины четырехугольных построек, то можно отнести появление овальной постройки еще к периоду Гальштата, а, может быть, и к еще более раннему времени, стоит лишь сравнить остатки эллипсоидных, или овальных хижин, раскопанных в Риме (10–9 вв. до н.э.).

Устный и музыкальный фольклор

Устная народная традиция в Восточных Альпах, как на территории Словении, так и Германии, свидетельствует о древних истоках. У словенцев все это еще недостаточно исследовано и обработано.

Примером такого рода традиции является народная медицина, представления и способы лечения которой сохранились от античности до современности.

Из того что касается представления о болезнях и способах их излечения приведем лишь один пример. Это убеждение в том, что с человека болезнь можно перенести на дерево, растение, животное и т.п. Способ лечения в этом случае, основывающийся на принципе античной «*magia naturalis*» и получивший вновь распространение во времена Ренессанса, средневековое знахарство именovalo «*Transplantatio morborum*». Как следует из исследования Эльфриды Грабнер (Градец) 146, в Штирии было распространено поверье, что желтуху могут притягивать некоторые птицы, в частности, канарейка и кривоклюн.

В сказках словенцев до 20 века сохраняется история персонаже по имени Торка, или Пехтра баба. Она появляется чаще всего накануне праздника святых трех королей, когда в разгаре дикая охота, или среди зимы, как хранительница порядка и нравственности, как душевный пастырь. Она может быть злой и доброй, наказывать и награждать. Лучше, чем в сказках, эта фигура сохранилась в народных обычаях. Это – мифологическое существо женского рода, которое появляется на обширной территории, вплоть до Центральной Азии. Помимо словенцев, эта фигура известна также у баварцев, от них словенцы переняли первую часть имени («Пехтра»), вторая часть – «баба» является словенской.

Известный словенский этнолог Нико Курет (Любляна) утверждает¹⁴⁷, что «Торка» – это традиция, заведенная старожилками. Скандинавский исследователь Вальдемар Лиунгман же говорит, что ядро альпийских преданий о персонаже Пехтра баба надо искать именно на территории бывшей Карантании, в окрестностях Целовца.

Народные предания словенцев сохранили многие античные элементы, которые Милко Матичетов (Любляна) истолковывает как протославянские¹⁴⁸. Из упоминаемых им примеров в качестве наиболее существенных перечислим следующие старинные сказания:

- легенда о св. Матфее или св. Луке, убившем своих родителей; соотносится с известным нам преданием об Эдипе;
- история о диком человеке, которого напоили и таким образом поймали, отождествляется с фригийской легенде о Силене, которого таким способом пленил царь Мидас;

- баллада о музыканте, который идет в чистилище, чтобы спасти своих близких; напоминает историю Орфея и Эвридики;
- легенда о св. Антонии Пустыннике, принесшем из ада огонь для замерзающих людей, является христианской трансплантацией легенды о Прометее.

Все эти истории и апокрифические легенды не могут быть наследием христианизации. Они могли быть усвоены лишь от греко–латинских переселенцев в Норик, и одновременно доказывают, что старое население Норика осталось на своей земле. Ядром таких легенд могут быть мифы индоевропейских народов, либо мифология доисторических венетов.

Можно говорить также об исключительно древних корнях словенской народной музыки. Те, кто ее пытался записывать, еще в прошлом веке обратили внимание на своеобразный ритм некоторых словенских народных песен. Под влиянием панславизма эти отличия пытались толковать как своего рода словенско–славянскую особенность. После первой мировой войны в противовес данному взгляду появляются первые критические голоса, подчеркивавшие важность правильно регистрировать размер этих произведений: имел место не размер 5/4, а постоянное чередование размеров 3/4 + 2/4.

Все собранные словенские песни, имеющие такой ритм, Валенс Вадушек (Любляна) досконально и всесторонне разобрал 149. Он установил, что семейство этих песен имеет преимущественный тип строчки, который проявился как исконный, в музыкальной науке известный под термином *otosyllabe gallo-romain*. Очаг распространения этого ритма находится на западе Словении, в Резийской долине, где он преобладает в народном танце. Сохраняется он также и в обрядовом танце под липой в Каринтии (Зила) и называется «*ta prvi rej*»

Характерно, что, кроме словенцев, сербов, лужицких сербов и частично русских, этого ритма не знает больше никто из славянских народов. Однако, к своему удивлению, мы находим его распространенным по всей Франции. Очевидно, в этом случае имеет место общее происхождение характерного ритма, которому упомянутый исследователь предписывает кельтскую основу. Но, при всем уважении к его имени, мы все же не можем выпустить из виду и ту возможность, что он происходит еще от венетов.

Нельзя пройти и мимо утверждения, которое Франце Безлай (Любляна) делает в связи с именем «Туре», которое якобы германские переселенцы переняли от славянского населения в форме «*Tauern*» 150. Изначально же имя звучало как «*Turje*». Урбан Ярник, каринтийско–словенский исследователь устного народного творчества, еще в прошлом веке приводит для этого слова значение «*stark ableitiger hugel*» – «круто падающий холм».

В связи с этим наименование «*Taurisci*» для обозначения первого известного этноса в Восточных Альпах, которое впоследствии было названо также «*Norici*», а затем «*Carni*». Имя «тауриски», таким образом, связано с крутыми горами (*turje* – *Ture*, *Tauern*). Подобным образом выглядит и связи имени «*Karni*» (*kar* – скала, отвесная). В обоих примерах речь идет о населении высокогорья.

Обозначение «норичане» согласуется со старословенским выражением «пога» («яма, пустота») 151. Так устанавливает тот же лингвист их исконное значение. Этот корень присутствует и теперь, особенно в хорватском языке, как «*ponog*» (*po*–*nog*, карстовое

явление). Таким образом, слова «jama», равно как и «пога» означают не только пустоту, но и заключенную между горами долину. И по сей день говорят, что непогода приходит «ven ro jamí», то есть из закрытой горной котловины. По значению своего наименования норичане – это жители межгорных долин. И Плиний ст. (III, 133) таким образом правильно отождествляет народ тауристов с норичанами и карнами.

Однородный культурный ландшафт, который после переселения венетов периода Культуры полей погребальных урн формировался от Альп до Паданы на юге и до Прибалтики и Скандинавии на севере, был в данном виде прерван вторжением кельтов в Центральную Европу примерно после 400 г. до н.э. Исконные культурные элементы данной территории дошли до нас лишь в отдаленных альпийских местностях, и также в Прибалтике и Скандинавии.

Присутствие этих элементов, параллели и соответствия в течение последних десятилетий изучали и пытались найти им объяснение некоторые известные этнологи, как, например, Карл Рамм, Бруно Шир, Георг Грабер, Леопольд Кретценбахер и другие, однако все это приписывалось неким восточным германцам, которые якобы позднее ассимилировались славянами.

Фактически же речь идет о культуре первого народа Европы, – венетов, то есть, того народа, наследие которого и по сей день составляет преимущественную основу для всех народов в Центральной Европе, от Прибалтики до Адриатики.

Вот как Бруно Шир характеризует сохранившиеся элементы этой доисторической культурной территории 152:

«Для Скандинавии, восточной Европы и альпийских территорий на основании многочисленных соответствий доказана принадлежность к одному и тому же культурному кругу... То, что восточно– и североевропейские элементы построек появляются также и в Альпах, хотя и остается загадкой, но должна существовать какая–то причинная связь между альпийской, северно– и восточноевропейской культурой. Высокий уровень, в особенности строительной культуры и ее преобладание над западногерманской особо видна в некоторых примерах, как, например, хозяйство из двух построек со строго разделенными домом и стойлом, каменная печь для подогрева пищи и выпекания, специально отведенное место для стирки и мытья».

Под термином «восточноевропейский» названный этнолог понимает прежде всего восточногерманские и польские территории, то есть бывшую территорию венетов. В Каринтии «нордические» черты народной жизни особенно много исследовал этнолог Георг Грабер 153. Эти черты – хозяйство, состоящее из двух построек, четырехугольный план («Ringhof») с огражденным стойлом, dimnica, пчелиный улей с формами колоды, kranjica, а также ряд обычаев, преданий и сказок.

Сравнительные исследования в области этнологии, таким образом, открывают нам, что между поздней античностью и словенским периодом Карантании если и существует рубеж, то лишь в римско–провинциальной культуре, в то время как сельская культура выжила и сохранилась по сей день. А ее исконными носителями были венеты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании мы вынуждены были ограничиться прежде всего альпийской территорией, то есть той местностью, где по сей день сохранилась доисторическая крестьянская культура, носителями которой были венеты, или словенцы. Вплоть до наших дней она составляла основу существования словенского народа, будучи, наряду с языком, также самым главным свидетельством того, что этот народ исконно населял эти территории.

Коснемся хотя бы вкратце менее исследованных областей доисторического прошлого, которые, если посмотреть на них в аспекте сравнения со словенской культурой языком, позволили бы увидеть в новом свете давнее прошлое Европы. Доисторический элемент у словенцев, несмотря на все попытки вогнать их в позднеславянские рамки, все еще очень силен.

С учетом праславянского происхождения венетов и их проникновения на территорию Европы уже в период Культуры полей погребальных урн и относимого к ней переселения, древнейшая история и ранняя история Европы открывается нам как бы заново и требует повторного изучения.

Так, археология открывает нам для периода конца бронзового века (примерно 1000 г. до н.э.) достаточно сильное устремление представителей альпийской расы в Парижскую котловину и далее на запад, в бывшую Арморику, ныне Бретань, где мы обнаруживаем венетов еще в римское время. Эти венеты были хорошими мореплавателями и поддерживали сообщение также с нынешними Британскими островами. О них нам напоминает название бретонского города Vennes, или название Rue de Thabor в городе Ренн, центре Бретани, и, несомненно, название города Ventnor на острове Wight у южного побережья Англии.

Венеты, проживавшие в этих областях, очевидно сохранили связь с Альпами, где в поздний железный век развилась культура Гальштат. Об этом свидетельствуют гальштатские находки, сделанные в устье реки Луары, а также в южной Англии (примерно 600 г. до н.э.) 154.

О присутствии венетов в докельтской Англии нам говорят также некоторые наименования, засвидетельствованные историей. Например: Vennonis (Vennonae Itin. Ant. 407, 4), ныне High Cross в Лейцестершире (Leicestershire), далее – Venta Belgarum (Птол. II 3, 28), центр бельгов, ныне Винчестер (Winchester), далее, Venta Icenorum (Птол. II 3, 21), центр иценов, ныне Caistor St. Edmunds, а также Venta Silurum (Itin. Ant., 458, 9), центр силуров, ныне Caerwent и Monmouthshire 155.

Такие примеры обращают наше внимание на то, сколь необходимым было бы соответствующее исследование археологических, исторических и лингвистических особенностей, а также ономастики на данных территориях. Во многих областях современной Франции мы и сегодня встречаем имена, которые напоминают нам о венетах, например, Vendome, Vendeuvres, Vendeuvre (вблизи городов Орлеан, Тур, Труай), Vendrange, Venissieux (в районе города Лион), Vendine (Тулуза), Venelles, Vinon (Марсель) и т.д.

Провинция Аквитания на юго–западе Франции, фр. Guyenne (вблизи Бордо) имела характерную культуру погребальных урн и отличалась от кельтской. В этой местности

нам о венетах напоминает и местность Vendays. Найденные там урновые захоронения свидетельствуют о мощном влиянии Центральной Европы 156. В этой местности обнаружено также много надписей, посвященных богу Белину, точно так же как в Карниоле, Венеции и Норике 157. Многочисленные топонимы имеют окончание – ак, (Calignak, Cadillac...).

Характерен топоним Belink югу от города Бордо, а также гидронимы Viennei Charentey города Лимож. К северу от Аквитании расположена местность Vendee. Данные свидетельствуют о присутствии венетов и их культуры еще до формирования кельтского этноса. Территорией более густого расселения венетов была Скандинавия, где после ледникового периода (примерно 2500–800 гг. до н.э.) с наступлением теплого климата сложились благоприятные условия для земледелия. В Скандинавию же венеты, как представляется, принесли Культуру полей погребальных урн непосредственно.

Со времени скандинавской Культуры полей погребальных урн сохранились также многочисленные высеченные на камне рисунки, среди которых присутствует также изображение плуга. Такие изображения можно видеть на юго–западе Швеции и в прилегающих областях Норвегии. Этот плуг свидетельствует о развитом пахотном земледелии в доисторическую эпоху, что совпадает с манерой изображения сохи на ситутле Certosa культуры Вилланова. Культура нордийской бронзы существовала параллельно с Гальштатом в Центральной Европе, и находки гальштатского периода в Скандинавии говорят об оживленных торговых контактах между этими областями.

Примерно в 800 г. до н.э. в Скандинавии похолодало, что крайне неблагоприятно отразилось на существовавшей там цветущей культуре. Археологи приходят к выводу, что это явилось причиной массового переселения с этих территорий. Наступление здесь железного века примерно в 5 в. до н.э. отражает здесь уже сильное влияние германской Ясторфской культуры. А это может означать лишь постепенную германизацию скандинавских венетов. Впоследствии о них напоминает лишь более позднее наименование «вандалы», вернее, тех из них, что в первые века нашей эры появляются в Центральной Европе и позднее селятся в Северной Африке.

Таким образом, вандалы могли быть германизированными венетами, или славянами. С большой вероятностью можно утверждать, что они ведут свое происхождение с территорий центральной Швеции, носящей ныне наименование Svealand, в отличие от южно–шведской части – Gotaland (готты). Названное наименование напоминает нам о славянах, словенцах, и еще более – соответствующее прилагательное svensk (шведский). В нордийских землях мы также находим венетские имена. Так, в шведской области Даларна (долины) присутствуют имена Vintjarn, Venjan, Vinas, далее, озеро Vanern, а возле него город Vinniga. И в Норвегии: Vinstra Venaseter Venasten в районе Губрандсдаль, к северу от Осло; на побережье возле города Трондгейм – Vinsternes Vinje, в к северу – Vendesund.

К именам, содержащим указание на венетов, весьма распространенным в Европе, следует присовокупить и другие имена венетского (словенского) происхождения, которые столь многочисленны, что нам стоит ограничиться лишь перечислением определенных их типов, чтобы не углубляться в простое подробное перечисление. И уже в процессе этой операции перед нами возникает ясная картина того, как древние венеты называли различные формы рельефа земной поверхности, землепользование, стратегические пункты и т.п.

Среди наиболее распространенных имен во всей Европе – имя Holm. В словенском языке этим названием обозначают возвышенность округлой формы, чаще всего имеющий две вершины, вздымающийся над долиной или равниной.

Это наименование в различных в лингвистическом отношении местностях проявляется в различной форме. В германских землях – как Kulmbah, Kulmain, Helm, Homberg, Homburg, вероятно, также Hamburg, далее, Kolmberg, Chulm, Chamerau Chami т.д.

На польских и поморских территориях находим: Chelm, Chelmza, Chelмно... В западной России снова Chelm, в Дании – Holm, Humlum, Humble, Lindholm... В Норвегии – Kolmengil, Kolmen, Kolmedal, Hommelvik, Holum... В Швеции – Holm, Holmfors, Holmsund, Stockholm, Norsholm, Katrineholm т.д.

Весьма распространены такие названия во Франции, и, если они не служат для обозначения поля (champ), то выступают в составных словах с элементом «Cham–»: Chamberet, Chambery, Chambilly, Chambord, Chambon, Chamboulive, Colmar, Combles... Точно так же и в Великобритании: Chelmsford, Holme, Holmfirth, Cumnock и Holmhead, Colmonell, графство Cumberland и т.п.

Отдельные элементы можно найти даже в Испании: Cumbres, Colmena... В Португалии: Cumieira... В Италии: Cuma, Cumiana, Comiso, Como... В Греции: Chelmos.

В современной Словении подобные имена появляются в формах Holm, Humi Kum, а также в уменьшительном наименовании Holmes. Существует также фамилия Humar, то есть житель местности, называемой Hum.

Выведение данного слова из латинского «culmen» (вершина) не является правильным, потому что такой этимологией можно объяснить лишь наименования, встреченные в тех местностях, на которые исторически оказывала влияние латынь, но не на других территориях (напр., Скандинавия). К этому следует добавить еще и то, что имена с маркером «Holm» именно на типичных латинских территориях – явление довольно редкое, например, в Апеннинах. Это имя является также предкельтским, поскольку Скандинавии, где оно столь часто встречается, кельты не достигли, там были лишь венды, венеты.

В местностях, где отмечается данное имя, довольно часто встречаются также и имена на Lom, означающие разлом поверхности, каменоломню, склон с террасами. На территории Словении встречается также деминутив Lomici Lomici – там, где склон идет уступами.

В европейской ономастике это проявляется в формах Lom, Lam, Lem, Lim, в Германии (Lembruh, Lamsfeld...), во Франции (Lamarche, Limay, Limoge...), в Дании (Lemvig...), в Швеции (Lima...), в Норвегии (Lom, Lomen...), в Чехии (Lomnice), в Польше (Lomza), а также в Португалии, Испании, Италии (Lomello, Lama...), Великобритании (Lambourn, Lamdash...), Румынии, Греции (Lambia, Lamia...), и в Словении как Lom, Lomno, Lomnik, Podlomi т.п. Плюс фамилии Lomseki Lomar. Индоевропейский корень «lem–» (ломать).

Также характерно и имя *Loka*, в более древних формах – *Lonka*, или *Lanka*. Это имя зафиксировано еще во времена пребывания римлян в Каринтии как «*Loncium*» (Itin. Ant., 2 в.). В современном словенском языке это наименование обозначает луг на дне долины, рядом с водой, а также заливной луг. А за пределами словенских и славянских территорий оно употребляется в несколько видоизмененных значениях – например, пологое, ровное дно долины, болото, возможно, озеро... Так, на германских территориях имеются наименования *Laak*, *Lachen*, *Lachendorf*, во Франции – *Lacabau*, *Lacave*, *Lacq*... В Великобритании – *Lacock*, *Lancaster*... На нордийских территориях – *Lakselv*, *Lakatrask*, *Lakolk*... В Греции – *Lakka*, *Lakkion*.

Наряду с данным наименованием, весьма часто встречаются также имена с элементом *Log* в значении долинной местности, поросшей кустарником и характерной растительностью, которую заливают вода во время паводка. На германских территориях данное имя часто появляется с носовым рефлексом, напр., *Langen*, на французских – как *Longville*, *Longeau*,... в Испании как *Lugo* и *Longares*, в Италии – как *Longo*, *Longarone*, *Lugano*, в Греции – как *Longanikos*, в Англии – как *Lochbuie*, *Lochboisdale* и т.д. От этого же слова происходит название озера в романских и английском языках.

Как уже упоминалось во вступительной главе данного сочинения, в некоторых именах имеет место метатеза. Так, имя «*Lob*» (вершина, скалистая глава) часто выглядит как *Alb*, например, в именах *Albula*, *Alpe*, весьма распространенных в Италии *Albano*, *Albenga*... В Германии имеется *Albstadt*, над Дунаем тянутся *Schwabische* и *Frankische Alb*, во Франции мы находим *Albens*, *Albaroni* т.д., В Испании – *Albatera*... Имена *Kar*, а также *Ker* (скалистая стена, высота) появляется также в форме *Akra*, например, в Греции, где так обозначает мыс. Имя *Rob*, а также *Rab* стало выглядеть как *Arbe* и так далее.

Среди имен, обозначающих способы землепользования, самым распространенным является *Trebez* (расчищенное пространство). Так, во Франции мы находим имена *Trebes*, *Treves*... В Италии *Treviso*, *Trevi*, *Treviglio*... В Германии *Trebel*, *Trebur*, *Trier*... Также и в славянских землях. Необработанная, плохая земля носила название «*rodo*», и наименование *Rod* можно встретить повсюду в Европе: в Германии – *Rodach*, *Rodenkirchen*, в Норвегии – *Rodel*, в Великобритании – *Rodel*, во Франции – *Rodez*, в Испании – *Roda*, в Италии – *Rodi*, в Греции – *Roda*, *Rodia*.

О том, как защищались древние венеты и родственные им народы, нам напоминают стратегические местности с наименованием *Straza*, которые весьма часты в западославянском секторе. За пределами же данной территории мы встречаем *Strass*, *Strassboughi* т.п. в Германии и Австрии, *Strasbourg* во Франции (Эльзас), *Strassav* Швеции. В родстве с этим именем находится также греческое «*stratos*» (армия), а также греческие имена *Stratoniki*, *Stratonion*, *Stratos*. А также в Англии *Stratton*, *Strathaven*, *Stratford-upon-Avon*...

Хотя для перечисленных имен нет возможности твердо гарантировать, что именно это основное значение они имели, однако сама их многочисленность говорит нам о том, что еще в докельтский период существовал другой язык, к которому восходит нынешний словенский, а также сорбский, словацкий и другие западославянские языки. С большой вероятностью эти имена свидетельствуют о существовании западного праславянского языка, языка венетов.

На многочисленные примеры родственных выражений в словенском и норвежском языках в свое время обратил внимание Фр. Еза 158. Они относятся прежде всего к народной культуре и говорят о доисторических связях между Альпами и Скандинавией. Однако доисторическими носителями этой культуры были не восточные германцы, как считал Г. Грабер, а вслед за ним и Фр. Еза; убеждение, бывшее впоследствии вектором Г. Косинны, который провозглашал Скандинавию прародиной германцев. Скандинавские археологи в последнее время такое толкование опровергли своими открытиями и исследованиями.

В археологии и ономастике неисследованной проблемой остается также Пафлагония, то есть та территория в Малой Азии у Черного моря, откуда пришли венеты, как свидетельствует Гомер, на помощь своим союзникам троянцам, а также территория венетов по Нижнему Дунаю, которую упоминает Геродот.

Не совсем ясно также происхождение дорийцев, которые примерно в 1200 в. до н.э. с севера вторглись в Грецию. И на острове Крит были найдены характерные для Центральной Европы мечи с твердой рукояткой, из чего можно заключить, что среди нападавших, тех, кто уничтожил крито–микенское царство, были также и венеты.

Далее, были ли Пеласги, союзники троянцев (Илиада II, 840 сл.) 159, действительно, праиндоевропейским народом, или, может быть, венетским? Что нам может сообщить имя фракийско–фригийской богини Земели (земля), матери Диониса? Это же совсем словенское имя! Нам не хватает исследований и сравнений, в особенности на материале словенского и славянских языков и преданий.

Наиболее древнее имя, которое связано с венетами, это *Vindhya parvata* (англ. *Windian Hills*) в Индии. Это венетская гористая местность, разделяющая северную и южную Индию, в свое время была водоразделом между арийской и дравидской территорией. Принесли ли данное название в Индию уже арийцы? Или же само название «Индия» – это урезанное «Виндия»?

В данном исследовании не было возможности уделить больше внимания надписям, оставленным адриатическими венетами. Их собрал и систематизировал в своей знаменитой книге профессор Б.Г. Пеллегрини (*La lingua venetica...*), но расшифровать их он не смог. Единственный лингвист, который сумел дать научную расшифровку этим записям – Матей Бор.

Буквы, представленные в венетских надписях, тождественны этрусским и ретийским. И, по всей вероятности, латинское письмо, которые римляне потом распространили по всем западным территориям, развилось из этрусского алфавита. Греки же свой алфавит позаимствовали у финикийцев (Геродот, 58), которые в наши дни считаются изобретателями алфавита. В науке преобладает мнение, что буквы происходят от исконных пиктограмм, которыми пользовались египтяне.

В любом случае существенно, что буквы появляются в период с 13 по 11 в. до н.э., сперва у финикийцев, которые пребывали в земле Ханаанской, где они спасались после поражения, которое нанесли им древние египтяне. И это было как раз во время переселения периода Культуры полей погребальных урн, когда через Эгейское море и Малую Азию на Ближний Восток проникли «народы моря», как называли их египтяне.

Среди них могли находиться и венеты, поскольку греческое наименование Phoinikes (финикийцы) могло быть лишь одной из форм наименования венетов.

Были ли венеты изобретателями алфавита, то есть буквенного обозначения отдельных звуков? Передали ли они его этрускам и финикийцам, которые, в свою очередь, сообщили буквенное письмо грекам и римлянам?

Сходство финикийского и этрусского письма с венетскими письменами огромно. И эти буквы точно так же похожи на руническое письмо, о котором бытует мнение, что оно было свойственно германцам. Рунические надписи дошли до нас лишь со 2 в., но большинство специалистов считает их более древними.

Норвежский исследователь Марштрендер даже придерживается мнения, что руны происходят от этрусских букв 160. Совершенно вероятно, далее, что руны как таковые являются первичным, более древним письмом в сравнении с этрусскими буквами. Может быть, нам даже само его название, если оно является венетским («*roniti*» – «углублять, вырезать») говорит о том, что они некогда вырезались. Таким образом, следовало бы проверить, не венеты ли это своими знаками для обозначения отдельных звуков создали основу для позднейшего появления алфавита?

В пользу этой возможности свидетельствует еще одно обстоятельство, а именно *hispa znamenja* (домовые знаки), которые представляют собой знаки, состоящие из различных зарубок доисторического происхождения. Они появляются уже в раннем каменном веке, в огромном количестве же они дошли до нас, употребляемые вплоть до текущего столетия, в особенности в Северной Европе и Альпах. На территории Словении они представлены в окрестностях Толмина. Эти знаки имели либо имеют собственное имя, имя дома, подобно тому, как имеют имя греческие либо финикийские буквы, а также руны. После звуков, которыми начинаются наименования букв, пишется затем новое слово.

Вот еще краткое пояснение к упоминанию «протославянских» (венетских) наименований на Ближнем Востоке, например, Табор в Палестине, или Суэц, Голан и многое другое. То, что вызывало у многих критиков данной работы приступы веселья и желания привести именно их как пример того, сколь все эти исследования наивны. Серьезные же ученые называют нам по меньшей мере три вторжения индоевропейских народов на Ближний Восток, например, Мейер 161: вторжение кентумских хеттов до 2000 г. до н.э. в Анатолию до верхнего течения Евфрата; вторжение сатемских индоиранцев примерно в 1750 г. до н.э. и основание ими королевства Митанни в Верхней Месопотамии; вторжение «народов моря» примерно в 1200 г. до н.э., которые победили египтян. Наряду с этим многие эксперты считают, что и индоевропейский язык сформировался не в период неолита или бронзового века, а еще во времена палеолита (примерно за 8000 лет до н.э.).

Уже в то время существовала довольно тесная связь между Западной Европой и Северной Африкой через Пиренейский полуостров. Исходя из этих древних связей можно объяснить столь обширное сходство между индоевропейскими и семито-хамитскими языками, как в области синтаксиса, так и словообразования. Поэтому логично, возникновение индоевропейских, или «протославянских» топонимов в Северной Африке не представляется чем-то невозможным.

Из всего, что было описано на страницах данной работы, становится ясно, насколько недостаточно исследованы национальные и культурные корни словенцев. На все исследования оказывала парализующее воздействие догма о переселении «предков» словенцев в Альпы в 6 в. с Балкан. Догма, призванная служить «югославянизации», доказательством тому, что единый некогда югославянский народ так или иначе уже существовал. Историография, таким образом, находилась на службе у идеологии. Исходя из всего сказанного, хочется ожидать, что словенская историческая наука все-таки перейдет на словенские позиции и критически отнесется к вопросу идеологии.

**Матей Бор, Йожко Шавли, Иван Томажич
Венеты. Наши давние предки**

Примечания и литература

- 58 Д.Девото (G.Devoto), *Origini indoeuropee*, Florenca 1962, стр.194
- 59 например, Р.Питтиони (R.Pittioni), «Italien ugreschichtliche Kulturen», в *Real-Enzyklopaedie der classischen Altertumswissenschaft*, Suppl.Bd.9 (1962), стр.352– 4 – Автор приводит далее ещё: R.Pittioni, *Alteuropaesche Sprache und Urgeschi*, Anzeiger, Wien 1959, стр. 203; Г.Крахе (H.Krahe), *Sprachliche Aufgliederung und Sprachbewegungen im Alteuropa*, Abh. Akad. Mainz, phil.sozialwiss.Kl. 1959, № 1
- 60 например, *Brockhaus Enzyklopaedie*, Wiesbaden 1970 (Indogermanen, Indoeuropaeer), Дж.Филип (J.Filip), *Enzyklopaedisches Handbuch zur Ur – und Fruehgeschichte Europas*, Praga 1969 (Streitaxtkulturen), (Schnurkeramische Kulturen)
- 61 например, *Brockhaus Enzyklopaedie*, itm. (Indogermanische Sprachen), например, *The New Encyclopedia Britannica*, Chicago 1982 (Aryan)
- 62 Дж.Филип (J.Filip), *Enzyklopaedisches Handbuch zur Ur – und Fruehgeschichte Europas*, Praga 1969 стр. 686 (Lausitzer Kultur)
- 63 Дж.Филип (J.Filip), *Enzyklopaedisches Handbuch zur Ur – und Fruehgeschichte Europas*, Praga 1969, стр. 688–9
- 64 *Brockhaus Enzyklopaedie*, 1974, (Urnenfelderkultur), Дж.Филип, *Enzyklopaedisches Handbuch zur Ur – und Fruehgeschichte Europas*, Praga 1969, стр.1555(Urnenfelderkultur)
- 65 Р.Питтиони (R.Pittioni), *Alteuropaesche Sprache und Urgeschi*, Anzeiger, Wien 1959, стр. 354/60
- 66 Й.Покорный (J.Pokorny) и Р.Питтиони (R.Pittioni) ещё после Второй мировой войны относили их последовательно к иллирийским, но потом под влиянием справедливой критики они отказались от этой точки зрения. Позже их относят к праиллирийским (protoillyriisch) или доиллирийским. – например, Р.Питтиони, там же, стр. 355/20
- 67 Г.Девото (G.Devoto), *Origini indoeuropee*, Florenca 1962, стр. 194
- 68 В.Мейд (W.Meid), *Beitraege zur Namensforschung XV* (1964), стр 112-3, см. Г.Б. Пеллегрини (G.B.Pellegrini) – А.Л. Просдочими (A.L.Prosdocimi), *La lingua venetica II*, Padova 1967, стр. 248–9
- 69 например, G.B.Pellegrini – A.L.Prosdocimi, *La lingua venetica II*, Padova 1967, стр. 239 – пересказ по: Collinder, *Die urgermanischen Lehnwoerter im Finnischen* Uppsala 1932, стр.14
- 70 Г.Сержи (G.Sergi), *Le prime e le piu antiche civilita*, Turin 1926, стр. 262
- Г.Сержи (G.Sergi), *Italia – le origini*, Turin 1919, стр.360, 386, 405
- Например, Х.Тума (H.Tuma), *Местная номенклатура (Krajevno imenoslovje)*, стр.154, где он пишет о Г.Сержио и погребальную урну на Forum Romanum, открытую в 1902 г., называет славянской.

- 71 Г.Сержи (G.Sergi), *Italia – le origini*, Turin 1919, стр. 130
Р.Питтиони (R.Pittioni), там же, стр.188/20
- 72 Г.Сержи (G.Sergi), *Gli Aarii in Europa e in Asia*, Turin 1903, стр.49
Р.Питтиони (R.Pittioni), там же, стр. 257-8, 278/20, 355/30
- 73 А.Берлот (A.Berlot), *Eine Studie der Sprache der Rassenen oder Etrusker* Zuerich 1966
- 74 Дж.Филип (J.Filip), там же, стр.1059 (Polen)
- 75 Дж.Филип (J.Filip), там же, стр. 1100 (Przeworsk–Kultur)
- 76 Дж.Филип (J.Filip), там же, стр. 292–325
- Г.Сержи (G.Sergi), *Italia – le origini*, Turin 1919, стр. 122-3
- Из-за обширности проблемы вопрос о венетских надписях, а также ретийских, основой которых был этрусский шрифт, невозможно было рассматривать (прим. автора).
- 77 Дж.Филип (J.Filip), там же, стр. 248 (Crestaulta)
- 78 Дж.Филип (J.Filip), там же, стр. 458 (Hallstattkultur)
- 79 А.Стипчевич, *Gli Iliri*, Milan 1966, стр.26–7
- 80 Дж.Филип (J.Filip), там же, (Illyrier, Ungarn, Bosnien, Kroatien)
Р.Питтиони (R.Pittioni), там же, стр. 355/20
- 81 Р.Питтиони (R.Pittioni), там же, стр.328
- 82 Р.Питтиони (R.Pittioni), там же, стр. 328/60
- 83 например, Б.Графенауэр, *История словенского народа I*, стр.133.
- 84 Р.Питтиони (R.Pittioni), там же, стр. 360
- 85 К.Вердиани (C.Verdiani), *Il problema dell'origine degli slavi*, Флоренция 1951, стр.77
- 86 В статье «Ян Коллар» Энциклопедии Югославии (Загреб, 1962) эти исследования даже не упоминаются. Brockhaus Enzyklopaedie (Wiesbaden, 1970) между прочим сообщает, что упомянутый основатель романтического панславизма также написал псевдонаучные труды. Lessico Universale Italiano (Rim, 1973) сообщает исследование с примечанием, что автор «открыл» останки славянства также в горной Италии.
- 87 Х.Тума (H.Tuma), *Местная номенклатура*, там же, стр.128.
- 88 например, Б.А.Рыбаков, *Язычество древних славян*, Москва, 1981, стр.222-3
- 89 например, К.Вердиани (C.Verdiani), *Il problema ...* там же, стр.31-33, который пишет о трудах Лехр–Сплавинского: – *O pochodzeniu i praojczyźnie Slowian*, Poznanj 1946 – *Zagadnienie pochodzenia Slowian w swietle nauki polskiej i rosyjskiej*, Варшава, 1948 и др.
- 90 например, Brockhaus Enzyklopaedie, там же, 1970, (Lausitzer Kultur)
- 91 например, К.Вердиани (C.Verdiani), там же, стр.42-53
- 92 Brockhaus Enzyklopaedie, там же, (Lausitzer Kultur)
- 93 The New Encyclopedia Britannica (Europe, Ancient), Дж.Филип, там же (Schwert), приводят: Г.Мюллер-Карпе, *Die Vollgriffschwerter der Umenfelderzeit aus Bayern*, 1961 – Упомянутый археолог считает, тип Riegsee является самым ранним видом бронзовых мечей с выполненной рукояткой, происходящим именно из восточной части Центральной Европы. Раскопки: Riegsee (Верх. Бавария), Милавче (Чехия), Байердорф (Ниж. Австрия).
- Датируется XIII в. до н.э. – В то время уже были известны также деревянные и бронзовые щиты.
- 94 Дж.Филип (J.Filip), там же (Pferd). Также в Центральной Европе материалы раскопок нам говорят о большом значении коня уже в Лужицкой культуре, служившего рабочей, тягловой силой, а не только для езды. Его приручение произошло, видимо, в период позднего каменного века в степях Центральной Азии.
- 95 Г.Б. Пеллегрини – А.Л. Просдочими, там же, стр. 237
Р.Питтиони (R.Pittioni), там же, стр. 312
Е.Поласчек (E. Polaschek), *Paulys Real-Encyclopaedie...(Noricum)*, 1936, стр.1044

- 96 например, Г.Б. Пеллегрини – А.Л. Просдочими (G.B.Pellegrini – A.L.Prosdocimi), там же, стр. 237–40
- 97 Г.Б. Пеллегрини – А.Л. Просдочими (G.B.Pellegrini – A.L.Prosdocimi), там же, стр. 248 приводит:
- Х.Крахе (H.Krahe), Vom Illyrischen zum Alteuropaeischen, Methodologische Betrachtungen zur Wandlung des Begriffes «Illyrisch», v Indogermanische Forschungen LXIX (1964), стр.201–126 и особенно Х. Кронассер, Illyrier und Illyricum, в Die Sprache XI (1965), стр.155-83
- 98 Г.Б. Пеллегрини – А.Л. Просдочими (G.B.Pellegrini – A.L.Prosdocimi), там же, стр. 243, приводит: Г.Девото, Gli antefatti del latino Venus e i problemi delle omofonie indoeuropee, v Studi ...Schiaffini, Rim 1965, стр.444–52
- 99 К. Вердиани (C.Verdiani), Il problema...там же, стр.258
- 100 например, К.Вердиани, там же, стр.47
- 3.Голаб, The Oldest Name of the Slavs. The Journal of the Indo-European Studies, 1975
- 101 К. Вердиани (C.Verdiani), там же, стр.92
- 102 Фр.Рамовш, Краткая история словенского языка, Любляна 1936, стр.93
- 103 К. Вердиани (C.Verdiani), там же, стр.93
- 104 Г.Б. Пеллегрини – А.Л. Просдочими (G.B.Pellegrini – A.L.Prosdocimi), там же, стр. 239
- 105 например, Фр. Рамовш, там же, стр.4,5
- 106 Дж.Филип (J.Filip), там же (Jastorfkultur), (Germanen)
- 107 Е. Рётх (E. Roeth), Sind wir Germanen?, Kassel, стр.266
- 108 Дж.Филип (J.Filip), там же (Slawen, Suedslawen)
- 109 К. Вердиани (C.Verdiani), там же, стр.21
- 110 Византийские источники сообщают о боях славян на Балканах, что никак не связано с карантанцами в Восточных Альпах. Как немецкие, так и словенские историки, распространяют сведения о славянах и на карантанцев, как если бы они были тогда с южными славянами одним народом, что не является таковым.
- 111 К. Вердиани(C.Verdiani), там же, стр.66
- 112 Е. Рётх (E.Roeth), там же, стр.210
- 113 Й. Топоришич (Toporisch), Словенский литературный язык I, Марибор, 1965, стр.39
- 114 Фр.Безлай (Bezljaj), Эссе о словенском языке, Любляна, 1967, стр.112
- 115 Фр.Безлай (Bezljaj), В наших видах, от 20.10.1980, стр.588
- Именно там об идеологическом давлении: «Когда я на одном конгрессе говорил о задачах словенистики, председатель Александр Белич подозвал меня и предупредил, что у меня будут большие трудности... В Любляне попытались начать против меня дисциплинарное разбирательство...и даже организовали саботаж лекций в университете.
- 116.например, К. Вердиани (C.Verdiani), там же, стр.36
- 117 Фр.Безлай (Bezljaj), Эссе..., там же, стр.113
- 118 Фр.Безлай (Bezljaj), Эссе..., там же стр.122–3
- 119 Г.Б. Пеллегрини – А.Л. Просдочими (G.B.Pellegrini – A.L.Prosdocimi), там же, стр. 258
- 120 Р.Питтиони (R.Pittioni), там же, стр. 337/20
- 121 Обзор сочинений Д.Трстеняка в: «Zbrano delo Fr. Kosa, uredil B.Grafenauer», Ljubljana, 1982 (Собрание сочинений Фр.Коса, ред.Б.Графенауэр, Любляна 1982), стр.63–4. Например, также Д.Трстеняка сочинения в Летописях Словенской Матицы 1870–1877, и в его книжке «Slovanski elementi v venetscini. Ljubljana 1874 (Славянские элементы в венецком языке, Любляна 1874), где он опирался на словарь диалектов: G.Boerio. Dizionario del dialetto veneziano, (Г.Боэрио, Словарь венецианских диалектов,

- изд. 3), Венеция, 1867, а также на словарь падуанского (Cherubini) и мантуанского (Patriarchi) диалектов. – Славянство адриатических венетов по сведениям Д.Трстеньяка отстаивали также: Маннерт, Шафарик, Спрингсгут и др., позже особенно Контцен (Contzen) и Жильфердинг (Gilderding), а также Линхарт (Versuch eine Geschichte Krains I, стр 154)
- 122 Фр. Кос (Fr. Kos), «Zbrano delo...», стр.68
- 123 Я. Коллар (J.Kollar), Staroitalia slavjanska, там же, стр.59
- 124 Paulys Real-Encyclopaedie...1899(Belenus) Г.Б. Пеллегрини – А.Л. Просдочими (G.B. Pellegrini – A.L. Prodosimi), там же, стр. 240
- 125 Например, Г.Фрай (G. Frau), Dizionario toponomastico friulano, Videm, 1978; Толкование не во всем основательно, однако многие имена также по своему виду ещё чисто словенские, так вдоль Тилмента Belgrado, Gorizza, Goricizza, Gradisca инад Порденоном Grizzo (gric), некоторый вершины вКарнии и т.д. – Подобные названия доходят до Венеции, где находятся области Schiavon и Schiavi у Виченцы, а также Schiavonia у Эста.
- 126 Например, Дж.Марчетти (G. Marchetti), Lineamenti della grammatika friulana,.Videm 1967, стр.41–4
- 127 Новолатинский говор имеют кроме фурландов также доломитские ладины и швейцарские ретороманы. Итальянские лингвисты выделяют группу романских, т.е. итальянских наречий от упомянутой группы ново-латинских, например, Т.де Мауро (T.de Mauro), Storia linguistica dell'Italia unita, Bari 1963, стр.25–6
- В примере с латинской группой для итальянских или итало–романских наречий характерно славянское образование множительного числа: albero – alberi, casa – case и т.д. По–моему, именно от бывшего венетского языка (прим. автора).
- 128 В фурландских деревнях ещё при патриархе говорили по–словенски и в средневековом парламенте деловым языком был словенский, т.к. фурландский язык ещё не сформировался. Об этом мы узнаём от фурландского историка Николетти (Nicoletti, умер в 1596 г.): Il linguaggio Slavo era assai piu usato nej villaggi che la favella forlana, allora incolta e diun ingrato suono (ок. 1420). В G.F.Palladio de gli Olivi, Hist, d.prov.d..Friuli, Videm 1660, II, стр.3/5 также:Il linguaggio schiavo nelle ville per l'ordinario si praticava, e l'idioma forogiuliese nelle cita haveva l'uso/ – например, M.Premrou, Monumenta Sclavenica, Ljubljana 1919, стр.35
- 129 Paulys Real-Encyclopaedie...1914 (Raeti, Raetia)
- 130 Paulys Real-Encyclopaedie...1955 (Venedae) – Южнее упомянутой области находится Малинверн 2939 м, малая или melni вершина, более северно, над Valle Varata, поднимается М.Viso 3841 м, несколько ниже Cima delle Lobbie 3015 м, высокая вершина, lobje и т.д.
- 131 Х.Хирт (H.Hirt): «Truemmer eunes einheitlichen Stammes» в работе Die Indogermanen I, 1905.127 – см. Paulys Real-Encyclopaedie...1955 (Venedae).
- 132 Например А.Берло (A.Berlot), Raseni so spregovorili,еженедельник Itd 18. 2., VII глава, Любляна 1977 – Писатель приводит имя Raeti от слова «rat» (война), то есть, бойцы. – Этот народ был действительно очень воинственным. Примечание автора.
- 133 См. Paulys Real-Encyclopaedie...1961 (Vindelici): Ф. Столц, Die Urbevoelkerung Tirols, Инсбург 1892
- Г. Ван Мерхарт (G.v. Merhart), Wiener praehist. Ztschr. XIV (1927), 64–118
- Р. Питтони (R.Pittioni), Stand und Aufgaben der urgeschichtl. Forschungen am Oberetsch (Beiheft VI zum Jahresberich fuer Gesch., Kultur und Kunst, Bozen 1940), 60 sl.
- 134 П. Рейнеке (P.Reinecke), Der bayrische Vorgeschichtsfreund IV (1924), стр. 27, 30, 38, 42; VI (1926), стр. 41 – см. Paulys Real-Encyclopaedie, там же, 1961 (Vindelici). Однако этот археолог считает виндельчан кельтами.

- 135 Р.Планта (R v. Planta), *Das alte Raetien*, 1872 м, стр.211 – см. *Paulys Real-Encyclopaedie...*(*Raetia*) стр.53
 Дж.Филип (J.Filip), там же (*Raetia*), стр.1118
- 136 Археолог С. Габровец (S.Garbovec), Германия 44/1966, полагает, что Халлстатт (*Hallstatt*) в Словении не значит только продолжение Культуры погребальных урн, но и приток новых элементов с Балкан, т. е. прорыв новой народности на территорию Словении. – Например, Дж. Филипп, и т. п., стр.1352.
 Этой народностью могли быть только иллирийцы, однако, они не доходили до сегодняшней Словении, хотя оказывали частичное культурное влияние на более узкую территорию Халлстатта. После выяснения различий между иллирийским и венетским языком в начале 60–х годов этот вопрос разъяснился. Примечание автора – к тому же: Словенский Халлстатт в своих основных чертах заметно связан с Альпами. – Например, Т.Кнез, *Археологический вестник XXIV*, Любляна, 1973, стр.323
- 137 Дж.Филип (J.Filip), там же (*Oesterreich*)
Lessico Universale Italiano, Рим 1968 (*ambra*)
Brockhaus Enzyklopaedie, там же, 1967(*Bernstein*)
- 138 Дж.Филип (J.Filip), там же (*Fuerstengraeber*)
- 139 Б.Графенауэр (B. Grafenauer), *История словенского народа*, там же, стр.133
- 140 Е.Поласчек (E.Polaschek), там же (*Noricum*), стр.972/60
- 141 М. Флусс (M.Fluss), *Paulys Real-Encyclopaedie*, там же (*Taurisci*), стр.2/30,40
- 142 *Paulys Real-Encyclopaedie*, там же, 1936(*Noricum*), стр. 973-4; 1934 (*Taurisci*) –
 Что касается названий народов, самым надёжным источником является Полибий (прибл. 205–126 г до н.э.), как позднее Ливий (59 г. до –17 г. н.э.) или Страбон (63 г. до – 19 г. н.э.)
- 143 Е.Поласчек (E.Polaschek), *Paulys Real-Encyclopaedie*, там же, 1936(*Noricum*) стр.977
- 144 Дж.Филип (J.Filip), там же (*Ungarn*),стр.1547, (*Tschechoslowakei*) стр. 1504
- 145 Название *Gorina* словенское и значит *gorisce*(*Brandstaette*), Дж.Филип, там же –
 Область *Loncium*, которую упоминает *Itinerarium Antoni*, формируют языковеды из балтославянского слова «*lanka*» или «*lonka*» – в словенском языке «*loka*» (раньше именно «*lonka*»). – например, Г.Б. Пеллегрини – А.Л. Просдочими, там же, стр. 607–8
- 146 Например, Р.Еггер (R.Egger) *Fruehchristliche Kirchenbauten 2* – см. *Paulys Real-Encyclopaedie*, там же, 1934 (*Taurisci*) стр.3
 В то время как М.Флюсс (M.Fluss), автор статьи *Taurisci*, там же, пишет, что в иллирийских (теперь венетских – прим. автора) норийцах потерялся тонкий пласт властвующих кельтских таурисков, далее в статье он входит в противоречие сам с собой, называя упорно норийцев и их королевство кельтскими (прим. автора).
- 147 например, Вера Колшек (Vera Kolsek), *Pregled anticnih kultov na slovenskem ozemlju*, *Arheoloski vestnik*, 19, Ljubljana 1968, 282-3 (Обзор античных культов на словенской территории, *Археологический вестник* 19, Любляна, 1968, стр.282–3).
- 148 Рассказ о Белине, который волшебным ключом исцеляет слепых, сохранённый для нас в верховьях Сочи, имеет ещё римское происхождение. – например, *Guida del Friuli V*, *Gorizia con le vallate dell'Izozzo e del Vipacco*, *Videm* 1931, стр. 85.
 У адриатических и других венетов встречаем именно Беллина, местная богиня имеет другое имя; у ядранских она – Рехтия (*Rehtia*), идентичная с Нореей. – например, Р. Питтиони, там же, стр.311.
- 149 Плиний ст. (III, 146) – *omnia Claudia sc. Municipia*
 По сравнению с Рецией положение Норика особенное, ведь во всей Реции стал римским городом только Камбодунум. Или в сравнении с Панонией, где им была Скарбантия, с самого начала город римских колонов, а потом лишь Савария.
- 150 Например, Ф.Гласер (F.Glaser): *Die roemische Stadt Teurnia*, Целовец 1983, стр.24

151 см. Б. Графенауэр (B. Grafenauer), История I... стр.151, 169

152 например, Б. Графенауэр (B. Grafenauer), там же, стр.174–5

153 *civitates* – народные общины в узком смысле, вначале преобладающие в Альпах у Дуная – например, *Paulys Real-Encyclopaedie*, там же, Suppl. I 1903 (*Civitas*) стр.3

154 Г.Пиккотини – Х.Веттерс (G.Piccotini –H.Vetters), *Fuehrer durch die Ausgrabungen auf dem Magdalensberg* (3.Aufl.), Celovec 1985, стр.101–2

155 Е.Поласчек (E.Polaschek), *Paulys Real-Encyclopaedie*, там же, 1936 (*Noricum*), стр. 1013

156 Д.Е.Спрингсгат (D.E.Springsguth): *Quae fuit gens Adriam accolens nempe Veneti quam Polybius, Strabo, Livius memorant nec Latino nec Graeco nec Gallico sermone usam fuisse Pro anno 1772*

157 см. Фр.Кос (Fr.Kos), Материалы I, стр.112

158 *Paulys Real-Encyclopaedie*, там же, 1937 (*Peregrinus*), стр. 655

159 Фр.Кос (Fr. Kos) Материалы III, № 11, например, Й.Мал (J.Mal) Основы интронизации карантанского князя, ГМС, Любляна, 1942, стр.6 – из материалов: G.Ankershofen: *Urkunden-Regesten zur Geschichte Kaerntens* (Archiv fuer Kunde oesterr. Geschichtsquellen I 1848, 3. Heft. № LXXXIV), стр.38 – Только цитату «*cum communi omni lege*» имеют затем: A.Jaksch, *Monumenta historica ducatus Carinthiae* III; 87, 1896–1915, и опять G.Ankershofen: *Handbuch der Geschichte Kaerntens* II, 84 № 39 (1842–1864); Фр.Кос Материалы III, № 11, *regesta* с «*Slavica lex*» не приводит.

160 например, Б. Графенауэр (B. Grafenauer), там же, стр.201

161 В.Облак (V.Oblak), «Eine Bemerkung zur aeltesten suedslawischen Geschichte», *Archiv fuer slavische Philologie* VIII, стр. 228–34 – см. Фр. Кос Собрание сочинений (ред.Б.Графенауэр), там же, стр. 102–2 (1896).

162 Фр.Кос (Fr. Kos), Собрание сочинений, там же, стр. 100, 105, 107–8,113 (1896, 1901).

163 например, Б. Графенауэр (B. Grafenauer), там же, стр.267–9

Удивительно приведение даты (около 550 г.) без обоснования. (Прим. автора)

164 см. Б.Графенауэр (B. Grafenauer), *Die Kontinuitaetsfragen in der Geschichte des altkarantanischen Raumes, Alpes Orientales* V, Любляна 1969, стр. 55–79 (Привожу только имена авторов работ, на которые в основном ссылается Б.Графенауэр. Прим. автора)

165 С.Вилфан (S.Vilfan), Правовая история словенцев, Любляна 1961, стр.54

В.Богишич (V/Bogisic), *Naputak za opisivanje pravnih obicaja koji v narodu zive* (1867), *Rad jugosl. Akademijske* 5, Загреб, 1868, стр.129 – Ответы в: *Zbornik sadasnjih pravnih obicaja u Juznih slavena, knjiga I, publikacije JAZU*, 1874

166 Х. Веттерс (H.Vetters), *Der Georgenberg bei Micheldorf, Oberoesterr. Heimatblaetter* 8, 1954, стр.23 – см. Б.Графенауэр (B. Grafenauer), *Die Kontinuitaetsfragen...*стр.69

Б.Графенауэр (B. Grafenauer), История словенского народа I, там же, стр.315

167 например, М.Кос (Fr. Kos), Деревня и село в истории словенской колонизации, Труды Словенской академии наук и искусств (SAZU), Любляна 1966, стр.80–2, 92–6

Слово «*vas*» древнейшее, в арийской Индии *vis*– это дом, *visas*– народ. В противоположность тому, что делает М.Кос, не возможно связать эти слова с заселением территорий в IX–XII веках. Деревня существует ещё раньше (прим. автора).

168 Ст. Габровец (S.Garbovec), Доисторические материалы для обучения гала в Словении, Словенский этнограф 8, Любляна 1955 – см. также Б.Графенауэр, История I... стр.182

169 Слово *plaumogati* имеет действительно славянский вид: *plaum* (*plovum*) – *pluti* (делать борозду) или пахать. – например, Г.Крек, в Кресе 1884, стр.104, а также Д.Трстеняк, там же, стр. 210.

В современном толковании само слово *Pflug*(*plug*) происходит из *retijscine*, что в любом случае значительно. – *Mackensen Deutsches Woerterbuch* (*Geschichte des Deutsches Woerterbuch* (*Geshihtе des deutschen Wortschatzes*), Koeln 1983, стр.1217

170 например, Б.Графенауэр (B. Grafenauer), *Die Kontinuitaetsfragen ...*, там же, стр 69 (Й.Корошец, Историческая газета XII–XIII, 1958–59, стр. 75–109); История I ... стр. 254, 315–6, 318

171 Утверждение, что *plug* не словенское слово, опирается на сравнение с другими славянскими языками, без учета того, что они моложе словенского и потому отражение позднейших, самостоятельных культур. Более серьезных объяснений иностранного происхождения слова *plug* и его производного *pluziti* не существует.

172 например: А. Плетерски (A.Pleterski), *Археологический вестник* 38, Любляна 1987, стр. 270, 291.

173 К. Рамм (K.Ramm), *Etnographische Beitrage zur germanisch-slawischen Altertumskunde*, Bd. II, стр. 964, Anm. 2, Braunschweig 1908, см.. Х. Копен (H.Koren), *Pflug und Arl* (*Ein Beitrag zur Volkskunde der Ackergeraete*), Solnograd 1950, стр. 268 – немецкое название *Арл* перекликается со словенским «орало», латинским «араре» (пахать), «аратрум» (плуг);

словенские слова «*orati*» и «*oralo*» произошло, по Безлаю, s *premetom or-ra, ralo, ral*.

174 Й. Пейскер (J.Peisker), *Die aeltere Beziehungen der Slawen zu Turkotataren und Germanen und ihre Sozialgeschichtliche Bedeutung*, 1905 (*Vierteljahrschrift f. Sozial – und Wirtschaftsgesch. III*) – см. Й. Мал (J.Mal), *Новые пути словенской историографии?*, 1923, 188 – Доказательством славянского рабства было для Пейскера слово молоко, которое по происхождению северное (*melk*), и которое якобы не было известно словенцам, не имевшим собственного животноводства. Прим. автора. Однако открывателем крепостных наук в университете в Граце является именно Л. Гумплович; словенский историк Л. Хауптманн их перенял от Пейскера. – см. также С. Вильфан:

Wirtschaftsgeschichte und Rechtsgeschichte, Der Grazer Beitrag zur Theorie (Kl. Arbeitsreihe zur europ. u. vergl. Rechtsgesch, Heft 17), Грац 1985

175 Например: С. Михелич (S.Mihelic) в *Современном пчеловодстве* II, Любляна 1958, стр. 62 – чешское брт, польское барт, русское борт, изначально означает пчелиное дупло в пустом стволе, чему соответствует название пчеловода (*brtnik, bartnik, bortnik*). – Для словенцев Плетершник также упоминает выражение «брт» (полый ствол с пчелами) и, соответственно, «бртник» (лесной пчеловод), заимствуя названия у Цафа, но без указаний, откуда слово происходит. Вообще это выражение в словенском языке не демонстрируется. Каф записал его в панславянском порыве? Или речь идет об одиночном заимствовании? Этого уже невозможно раскрыть. Прим. автора.

176 Л. Армбрустер (L.Armbruster), *Die alte Bienenzucht in den Alpen*, Neumuenster 1928 (см. При: С.Михелич, там же, стр. 50, 58). Изначально Л. Армбрустер считает, что впервые этот улей был принесен в Альпы римскими поселениями, исходя из предположения, что славяне никогда не доходили до Швеции. Однако позднее он сомневается в римском происхождении этого улея.

177 Б. Графенауэр (B. Grafenauer), *История I*, там же, стр.182